

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

Том 14, № 1 2025

JOURNAL OF PUBLIC AND
MUNICIPAL ADMINISTRATION

Volume 14, Issue 1 2025

Миссия журнала

«Вестник государственного и муниципального управления» выполняет значимую миссию в поддержке научного диалога, образованности и критического мышления об истории, как в отечественном, так и в общемировом контексте. Журнал представляет результаты исследований развития государственных, муниципальных, общественных, религиозных, церковных институтов, а также процессы их взаимодействия в отечественной и всеобщей истории.

Цель журнала «Вестник государственного и муниципального управления» заключается в изучении исторического развития государственных, общественных и социальных институтов и процессов, а также создание коммуникационной площадки для обсуждения проблем государственного и муниципального управления в исторической ретроспективе.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, учёным, экспертам государственного и муниципального управления.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований.

С 2012 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory». Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций SHERPA/ReMeQ.

Политика рецензирования и выпуски журнала размещаются на сайте <https://journalgmu.ru>.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал «Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025

© Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025

© Редакция журнала «Вестник государственного и муниципального управления» (составитель), 2025

© Все права защищены

Редакционная коллегия
журнала «Вестник государственного и муниципального управления»

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский

государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука Джиованни Карло, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, кафедра политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам. зав. кафедрой правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Маслеников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Редакторы тематических направлений:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Харитоновна Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры истории и стран ближнего зарубежья, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), e-mail: natahari@yandex.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию и продвижению (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

***Editorial Board
of the «Journal of Public and Municipal Administration»***

Pavel A. Merkulov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Rector of Central Russian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Dmitry V. Aronov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Nicolai Z. Arabadjiiski, Doctor of Economic Sciences, Ph.D, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Pavel A. Astafichev, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Vardan E. Bagdasaryan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Luca G. Carlo Brusati, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Dmitry G. Gorin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Anatoly L. Eliseev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Alexander G. Zaluzhny, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Vladimir V. Zaitsev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Victor G. Zubarev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Milena Karadzova, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadzova@yahoo.com

Victor A. Livtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Ed-

ucation, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Alexander A. Maslennikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Evgeniia S. Matveeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Marko Meneguzzo, Doctor of Economic Sciences, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Sergei I. Mikhachenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Victor V. Nekhaev, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Alexander B. Ruchkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Editors of thematic areas

Pavel A. Merkulov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Rector of Central Russian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Victor A. Livtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Evgeniia S. Matveeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Dmitry V. Aronov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Natalia I. Kharitonova, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History and Near Abroad Countries, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Russian Federation, Moscow), e-mail: natahari@yandex.ru

Nadezhda V. Mironenko, Candidate of Economics, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Булышкин И.Б.	Военные преступления немецко-фашистских захватчиков в отношении мирных граждан города Болхова	8
---------------	---	---

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Лушников А. М.	Деятельность ученого-энциклопедиста Р.М. Орженцкого в Одессе на рубеже XIX–XX вв.	25
----------------	---	----

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Столяров А. А.	Становление представлений о «золотом стандарте» в банковской системе Российской империи	39
----------------	---	----

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Комова М. А.	История формирования коллекции древнерусской живописи и скульптуры Орловского епархиального музея	54
Орлова Л. Н., Цыганкова Е. А.	Идейно-политическое воспитание в пионерских лагерях в СССР в 70-80-е годов XX века	83

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Алейников С. С.	Социально-политические кризисы Третьей Республики во Франции и их отражение в карикатуре последней четверти XIX века	96
-----------------	--	----

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Осипян Б. А.	Книга Армянских Канонов 719 года Иоанна-Философа (Одзнеци) как один из древних церковно-канонических первоисточников	111
Блохин Ю. В.	Жизненный путь и служение преподобного архимандрита Макария (Глухарева)	125
Берхин А. Г.	Становление и типологические характеристики епархиальных ведомостей в XIX – начале XX веков (на примере Орловской епархии)	138
Повереннова Е. В.	Восстановление Успенского монастыря в городе Орле в конце XX века в контексте публикации нового исторического источника	151

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

Bulyshkin I.B.	War crimes of the Nazi invaders against civilians of the city of Bolkhov	8
----------------	--	---

PERSONALITIES IN HISTORY

Lushnikov A.M.	Activities of the scientist-encyclopedist R.M. Orzhentsky in Odessa at the turn of the XIX-XX centuries	25
----------------	---	----

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

Stolyarov A. A.	Formation of ideas about the «gold standard» in the banking system of the Russian Empire	39
-----------------	--	----

HISTORY OF CULTURE AND EDUCATION

Komova M.A.	History of the formation of the collection of ancient Russian painting and sculpture of the Orel diocesan museum	54
-------------	--	----

Orlova L. N., Tsygankova E. A.	Ideological and political education in pioneer camps in the USSR in the 70-80s of the twentieth century	83
-----------------------------------	---	----

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Aleynikov S. S.	The socio-political crises of the Third Republic in France and their reflection in the caricature of the last quarter of the 19th century	96
-----------------	---	----

STATE, RELIGION, CHURCH

Osipyan B. A.	The Book of Armenian Canons of 719 by John the Philosopher (Odznetsi) as one of the ancient church-canonical primary sources	111
---------------	--	-----

Blokhin Yu. V.	Life and service of the venerable archimandrite Macarius (Glukharev)	125
----------------	--	-----

Berkhin A. G.	Formation and typological characteristics of diocesan reports in the 19th – early 20th centuries (using the Orel diocese as an example)	138
---------------	---	-----

Poverennova E. V.	Restoration of the Assumption Monastery in the city of Orel at the end of the 20th century in the context of the publication of a new historical source	151
-------------------	---	-----

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
В ОТНОШЕНИИ МИРНЫХ ГРАЖДАН ГОРОДА БОЛХОВА

И. Б. Булышкин

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
Адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

Поступила
в редакцию
19.11.2024

Поступила
после
рецензирования
25.12.2024

Принята
к публикации
25.02.2025

Аннотация. Целью работы является исследование военных преступлений немецко-фашистских захватчиков в отношении мирных граждан г. Болхова.

В статье применяется историко-аналитический метод. Основное внимание уделяется систематическому анализу документальных источников, свидетельств выживших и архивных материалов. Исследуется хронология событий, а также конкретные случаи насилия и унижений, претерпеваемых местными жителями. Статья также включает сравнительный анализ с другими регионами, подвергшимися оккупации, что помогает выявить общие и частные черты преступлений на оккупированных территориях. На основе собранных данных делаются выводы о масштабах военных преступлений фашистов и их влиянии на судьбы людей. Это позволяет глубже понять исторические последствия данных событий для региона и страны в целом.

В результате исследования показано, что почти 22 месяца Орловская область находилась под оккупационной властью немецких войск и их союзников. За этот период немцами и их сателлитами было уничтожено большое количество населённых пунктов, в которых находились дома мирных жителей, социальные учреждения, школы и больницы. Больше 80 тысяч представителей гражданского населения – старики, женщины и дети – были убиты, около 200 тысяч человек насильственно отправлены в Германию. Оккупация привела к массовым нарушениям прав человека, включая убийства, насилие и депортацию граждан. В исследовании показано значение сохранения исторической памяти об этих трагических событиях в целях предотвращения повторения подобного в будущем. Эти выводы подчёркивают необходимость дальнейшего изучения и обсуждения вопросов войны, терроризма и их влияния на общество.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, военные преступления, мирные граждане, Орловская область, Болхов

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит. Булышкин И.Б. Военные преступления немецко-фашистских захватчиков в отношении мирных граждан города Болхова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 08–24. EDN UHUUHK. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-08-24>.

© Булышкин И.Б., 2025

Original article

WAR CRIMES OF THE GERMAN-FASCIST INVADERS AGAINST CIVILIANS OF THE CITY OF BOLKHOV

I.B. Bulyskin

Orel State University named after I.S. Turgenev
Address: 95, Komsomolskaya st., 302026, Russia, Orel,

Received
19.11.2024

Revised
25.12.2024

Accepted
25.02.2025

Abstract. *The article uses the historical and analytical method. The main focus is on the systematic analysis of documentary sources, survivor testimonies, and archival materials. The chronology of events is being investigated, as well as specific cases of violence and humiliation endured by local residents. The article also includes comparative analysis with other regions under occupation, which helps to identify common and specific features of crimes in the occupied territories. Based on the collected data, conclusions are drawn about the scale of the Nazi war crimes and their impact on the fate of people. This allows for deeper understanding of the historical consequences of these events for the region and the country as a whole.*

The study shows that for almost 22 months the Orel region was under the occupation of German troops and their allies. During this period of time, the Germans and their satellites destroyed a large number of settlements, in which there were houses of civilians, social institutions, schools and hospitals. More than 80,000 civilians – the elderly, women and children – were killed, and about 200 000 people were forcibly sent to Germany. The occupation led to massive human rights violations, including killings, violence and deportation of citizens. The study shows the importance of preserving the historical memory of these tragic events in order to prevent their recurrence in the future. These findings highlight the need for further study and discussion of the issues of war, terrorism and their impact on society.

Keywords: *Great Patriotic War, occupation, war crimes, civilians, Orel region, Bolkhov*

Funding: *This study was performed without external funding.*

For citations: Bulyskin, I. B. (2025) War crimes of the Nazi invaders against civilians of the city of Bolkhov. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. p.08–24. EDN UHUUHK. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-08-24>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность тематики обусловлена несколькими важными аспектами. Во-первых, осмысление истории Второй мировой войны и её последствий для населения оккупированных территорий. Эта информация имеет огромное значение для формирования коллективной памяти. Болхов, как и множество других городов, пережил тяжёлые испытания, которые отразились на судьбах его жителей. Важность сохранения исторической памяти о трагических событиях, таких как массовые казни, издевательства и насилие над гражданским населением, способствует предотвращению повторения подобных преступлений в будущем.

Во-вторых, фактологический материал помогает в очередной раз воспринять уроки истории, привлекая внимание к вопросам гуманности и прав человека. В условиях современных конфликтов, когда последствия насилия затрагивают миллионы людей по всему миру, важно вспомнить, как режимы террора и агрессии разрушают жизни простых людей. Конкретные примеры из истории Болхова могут служить средством для более глубокого понимания информации, подчеркивая взаимосвязь между прошлым и настоящим.

Отметим, что такого плана исследования имеют важное значение в контексте воспитания подрастающего поколения. Они способствуют развитию гражданской ответственности и активной позиции у молодёжи, обучая уважению к жизни и свободе каждого человека. Статья не только возвращает внимание к забытым страницам истории, но и вдохновляет на более глубокое осмысление вопросов мира, справедливости и социальной ответственности. Исследование военных преступлений в Болхове является актуальным не только с точки зрения исторической достоверности, но и как призыв для современного общества к более внимательному отношению к правам человека и принципам гуманности.

Тематика, раскрывающая особенности военных преступлений, требует комплексного подхода и применения различных методов для достижения глубокого и всестороннего понимания этого важного исторического явления. Среди наиболее значимых методов можно выделить архивное исследование, устные истории и сравнительный анализ.

Архивное исследование предполагает изучение документальных источников, которые могут включать как официальные отчёты, записи военных властей, так и материалы, собранные местными жителями во время оккупации. Архивные документы служат основой для реконструкции событий и позволяют получить фактическую информацию о конкретных военных преступлениях, совершённых на территории Болхова. Кроме того, такие источники могут содержать сведения о потерях среди гражданского населения, условиях жизни в условиях оккупации и реакции местных жителей на происходящее.

Биографический метод представляет собой ещё один важный метод, заключающийся в сборе свидетельств очевидцев рассматриваемых событий. Персональные воспоминания участников тех далеких событий, включая выживших граждан Болхова и их потомков, дополняют общую информацию.

Сравнительный анализ является третьим значимым методом, который предполагает исследование аналогичных случаев военных преступлений на других территориях, оккупированных нацистами, или в других конфликтных ситуациях. Такой подход позволяет выявить общие черты, закономерности и

различия в проявлении насилия против мирных граждан, что, в свою очередь, может помочь в более глубоком понимании причин и следствий военных преступлений в Болхове и их места в широкой исторической эпохе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Почти 22 месяца находилась Орловская область под оккупационной властью немецких войск и их союзников. За этот период немцами было уничтожено множество населенных пунктов, включая деревни, школы и больницы.

Больше 80 тысяч мирных жителей – старики, женщины и дети – были убиты, около 200 тысяч человек насильно отправлены в рабство в Германию. Однако в Орловской коллаборационистской газете «Речь» угон в трудовое рабство советских граждан обрисовывался пропагандистами совсем в другом ключе, нежели это было в той страшной реальности периода оккупации. В одном из номеров газеты говорится следующее: «...уже много тысяч русских и белорусских женщин нашей области нашли себе работу в велико Германии...» (Речь. 1942 год. № 47 (77). Среда. 22 апреля). «...В дальнейшем представляется ещё много случай применения своего труда в велико Германии. В целях регулярного проведения данного дела обращается внимание населения на следующие пункты:

1. Для работы в велико Германии принимаются во внимание только здоровые мужчины и женщины в возрасте от 16 до 40 лет. Набор производится только на сельскохозяйственные и фабрично-заводские работы;

2. Место явки назначается: в Орле – биржа труда, в Болхове и Кромах – у Бургомистра, сельское население является в свои явочные пункты, т. е. в Орле, Болхове и Кромах;

3. Брать с собой следует: пропуск и паспорт; тот, у кого нет паспорта, должен иметь при себе временное удостоверение личности, далее – посуда для еды, кружку для питья и столовый прибор, а также летнее платье;

4. Питание и жилище во время пребывания в местах явки бесплатное.

Проявившее высокую производительность труда в Германии будут хорошо обеспечены питанием, жилищем и заработной платой. Оставшиеся семьи если на работу в Германию уехал кормилец семьи будут получать пособие. Следующий транспорт пойдет в ближайшие дни, а поэтому записывайтесь немедленно в Орле, Болхове и Кромах...» (Речь. 1942 год. № 47 (77). Среда. 22 апреля).

Угон населения осуществлялся немецкими оккупационными властями в период с 1942 по 1944 год. В январе 1942 года перед немцами стояла цель вывезти с оккупированных территорий 15 миллионов человек для принудительных работ. Орловская область, как и всё Советское государство, подверглась этому распоряжению. На территорию Германии в качестве бесплатной рабочей силы и частичного уничтожения в лагерях смерти и концентрационных лагерях было отправлено очень много людей.

Орловская городская комиссия по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в отчёте от 27 января 1945 года зафиксировала, что начиная с октября 1941 года, после оккупации города, враг начал насильственно отправлять жителей в Германию. 5 декабря 1941 года в городе Орле была организована биржа труда с лагерем, где людей заставляли подписывать трудовые обязательства под видом добровольной поездки в Германию.

«...Великодушно, не в малой степени, не пользуясь своим правом победителя, Германия приглашает к себе на работу всех честных, трудолюбивых людей на самых

лучших условиях. Все они могут твердо уверены, что там в Германии им будет обеспечен хороший заработок – справедливый соответствующий затраченному труду, без ошеломляющих вычетов на «займа пятилетки» и вполне достаточный для приличного существования трудящегося человека. Каждый работник будет обеспечен и жилищем, питанием, и всеми теми материальными удобствами и культурными благами, которые были в диковинку у нас, но являются вполне обычными в Германии» (Речь. 1942 год. № 49 (79). Среда. 26 апреля).

За отказ немцы арестовывали граждан и удерживали их в подвале гестапо, вынуждая согласиться через побои. «Нет сомнения, что наши люди быстро освоятся с языком и культурными навыками Германии, станут «европейцами» в высоком значении этого слова и при старании приобретут себе хорошую квалификацию. На приглашение германского правительства откликнулось уже немало людей русского народа».

В газете «Речь» от 15 января 1942 года был опубликован приказ коменданта города о неработающих мужчинах: «...приказываю всем безработным мужчинам города Орла в возрасте от 17 до 50 лет являться ежедневно в 7 часов утра к зданию комендатуры (бывшее здание горсовета), имея при себе лопату, кирку, топор или лом. Лица, уклонившиеся от явки, будут считаться саботажниками и подвергаться мерам наказания по законам военного времени». За несоблюдение этого «нового порядка» угрожала смерть. Так, в 1942 году немцами были повешены трое жителей Орла за невыполнение приказа, т. е. за неявку на работу по приказу комендатуры коменданта города. (Речь. 1942 год. № 47 (77). Среда. 22 апреля)

Население Орла сократилось в 2,5 раза за время оккупации. Для разрушения городов, сёл и колхозов Орловской области командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников и поджигателей. Эти отряды уничтожали всё на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, сёла и деревни. Всего в Орловской области гитлеровцы сожгли и разрушили у граждан 173 тысячи домов и 197 тысяч надворных построек, отобрали у населения 15 тысяч лошадей, 200 тысяч голов крупного рогатого скота, 112 тысяч свиней, 312 тысяч овец и коз, около 3000 тысяч голов разной домашней птицы, 96 тысяч тонн зерна, 14 тысяч тонн муки, 133 тысячи тонн картофеля. Отступая с Орловского плацдарма, гитлеровские войска в июле 1943 года угнали в Германию 100 269 семей. Оставшиеся жители были обязаны работать на оккупантов под страхом смерти; в первые дни оккупации несколько орловчан были повешены за отказ от принудительных работ.

Документы, свидетельствующие о военных преступлениях немецких солдат и офицеров в отношении мирного советского населения, становятся важным доказательством в процессе возбуждения уголовных дел о геноциде и по сей день. Одной из важных страниц истории Орловской области времен Великой Отечественной войны является оккупация немецко-фашистскими захватчиками города Болхова.

Болховский район находился в оккупации с 9 октября 1941 по 29 июля 1943 года, и за это время солдатами и офицерами вермахта совершены тысячи преступлений в отношении как пленных красноармейцев, так и женщин, детей, стариков.

Так, из заявления жительница г. Болхова в чрезвычайную комиссию следует, что *«по приходу немецких захватчиков в город Болхов Орловской области и как только линия фронта отодвинулась от города на 20–30 километров, фашистские варвары стали проводить политику добровольной вербовки жителей города в Германию. Людей желающих переехать в Германию добровольно, нашлось очень мало. Видя, что добровольная вербовка в корне провалилась немецкие власти в городе, издали распоряжение на насильственный угон советских граждан в немецкое рабство. Немецкие солдаты, приводя это распоряжение в исполнение выгоняли из домов советских граждан и сгоняли на северный пункт откуда группами угоняли по направлению на город Орёл и Карачев.*

Отстающих от угоняемой группы людей всячески избивали и приказывали догонять. По дороге их ничем не кормили и из дома во время выселения, брать с собой ничего не разрешали. Угоняемые люди были совершенно голодные. Угон советских людей в немецкое рабство продолжался до прихода частей Красной Армии.» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 532а. Л. 262).

Генерал-майор Гаманн, командующий Орловским административным округом, 28 мая 1943 года издал приказ, в котором предписывалось, чтобы «скрывающаяся женская молодежь в селах вылавливалась органами полиции и под силой оружия направлялась в Германию». На оккупированной территории региона были созданы комендатуры, а также местные администрации из местных жителей, которые согласились сотрудничать с врагом. В числе первоочередных мер на оккупированных территориях нацисты начали их зачистку от коммунистов и комсомольцев, эту обязанность они также возложили на комиссии, куда включали, в частности, местных жителей «из числа раскулаченных или обиженных советским правительством».

9 октября 1941 года немецкие войска захватили город Болхов, советские части отступили в сторону Белёва. С первого дня своего пребывания в городе немецко-фашистские войска совершали преступления в отношении мирного советского населения: расстрелы, выселение из домов, изъятие продовольствия, угон в Германию для принудительных работ.

Все школы и культурные учреждения города были превращены в конюшни или застенки для пыток и издевательств над советскими военнопленными и гражданами.

Одним из таких застенков была существовавшая при советской власти средняя школа им. Карла Маркса на улице Ленинской. Прекрасно оборудованное помещение было разбито немецко-фашистскими захватчиками, окна выбиты, паровое отопление испорчено, вместо окон были вставлены железные решётки, за которыми держали военнопленных и других советских граждан, подозреваемых в сочувствии к советской власти. Находящихся в застенках пытали и убивали, а затем отправляли за город в ров, находящийся за бывшей коммуной «Спартак», и там закапывали. Возили на расстрел ежедневно по целой автомашине. Ежедневно русских военнопленных, больных, голодных, разутых, гоняли за город по улице Ленинской для выполнения тяжелых земельных работ. Из протокола опроса от 15 декабря 1944 года Болховской городской комиссии по учету злодеяний, учинённых немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами, известно, что «русские военнопленные по пути поднимали или срывали с огородов свеклу, капусту и другое и тут же в сыром виде ели. Если это видели немецкие солдаты,

то били прикладами. Передачек им передавать не разрешали, а если кто и передавал, то только украдкой. Возвращаясь в застенки, русские военнопленные спали на полу, в грязи, в нетопленном помещении. Больным помощи никакой не оказывалось. Слабые из них помирали...» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп.37. Д. 532а. Л. 270).

На территории Орловщины в период оккупации было создано не менее 18 концентрационных лагерей как для военнопленных, так и для мирных жителей и даже для немцев, отказавшихся воевать (см. табл. 1). Такой лагерь был создан в районе ст. Оптуха.

Таблица 1 – Концентрационные лагеря Орловской области (Кондакова, 2024)
Table 1 – Concentration camps of the Orel region

Местоположение	Наименование
1. г. Болхов	Сталаг 312
2. г. Болхов	Сталаг 9А
3. г. Болхов	Дулаг 240
4. ст. Глазуновка	Сталаг ХБ=04
5. г. Ливны	Сталаг 10Д
6. г. Малоархангельск	Сталаг 18Ц=352
7. г. Малоархангельск	Сталаг 6К
8. г. Мценск	Сталаг 315
9. г. Орел	Сталаг 326
10. г. Орел	Сталаг 350
11. г. Орел	Сталаг 10А
12. г. Орел	Сталаг 326
13. г. Орел	Сталаг 317
14. г. Орел	Сталаг 318
15. г. Орел	Сталаг 367
16. г. Орел	Сталаг ХІВ
17. г. Орел	Сталаг ХБ
18. г. Орел	Сталаг 6А

О повсеместных пытках и расстрелах советских военнопленных в Орловской области свидетельствует также акт 118 от 16 декабря 1944 года. «...В момент нахождения немецкой жандармерии на улице Ворошиловской там производились расстрелы и издевательства над советскими бойцами, попавшими в плен, о чем ярко подтверждает факт обнаруженных 19-го Июля 1943 года ... трупов, по форме одежды которых установлено, что это были русские бойцы, попавшие в плен. По положению трупов, надо понимать, что 2 ое военнопленных прежде, чем умереть испытывали мученические боли так как очевидно не были убиты немцами сразу, а только ранены и после тяжелых мучений скончались. По трупам видно было, что расстрел 4 х военнопленных происходил во второй половине Июля. Примерно 18 Июля 1942 года в момент отступления немецких частей из города Болхов, Орловской области...» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 532а. Л. 272).

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

На территории Орловской области оккупантами были созданы как лагеря для военнопленных, так и лагеря, куда сгонялось мирное население; условия содержания были по-настоящему кошмарными.

Таблица 2 – Обобщенные сведения об установленных злодеяниях, учиненных над гражданами СССР немецко-фашистскими преступниками по Болховскому району Орловской области

Table 2 – Summarized information about the established atrocities committed over the citizens of the USSR by the fascist German criminals in the Bolkhovsky district, Orel region

Наименование	Расстреляно	Повешено	Умерло после истязаний и пыток	Убито бомбами и снарядами	Погибло военнопленных	Всего погибло	Подверглось арестам, побоям и насилию	Количество угнанных в немецкое рабство по спискам
Герасимовский	1	-	-	5	-	6	-	349
Кривцовский	6	-	7	16	253	282	-	113
Одномуцкий	13	-	-	23	6	42	15	49
Деевский	1	-	1	13	91	106	-	85
Кутемский	1	-	-	7	-	8	8	35
Струковский	4	-	-	7	2	13	-	137
Сурьянинский	4	-	-	24	-	28	23	276
Ново-Синецкий	2	-	-	-	2	4	-	61
Гнездиловский	1	1	-	-	1	3	-	350
Вязовской	8	-	-	10	4	22	-	54
Боровской	2	-	-	15	-	17	4	403
Репнинский	5	-	-	40	30	75	-	23
Михневский	-	-	-	9	11	20	-	214
Бориловский	2	-	-	-	1	3	-	187
Кобылинский	8	-	-	-	33	41	-	92
Багриновский	-	-	-	-	52	52	-	6
Знаменский	-	-	-	-	-	-	-	87
Хуторской	7	-	1	-	3	11	6	156
Площанский	5	-	-	-	-	5	-	190
Пальчиковский	18	-	-	9	-	27	-	171
Городковский	2	-	-	-	-	2	-	44
Ямской	2	-	1	8	-	11	-	145
Болховский горсовет	16	-	-	66	504	586	-	399
Всего по району	108	1	10	252	1693	2064	56	3626

В послевоенных показаниях командующий 2-й танковой армии генерал Рудольф Шмидт признавал: «При первом посещении Орловского лагеря 28 декабря 1941 года, то есть вскоре после назначения меня на должность командующего 2-й

танковой армии, я установил, что военнопленные содержались в очень плохих условиях: лагерь, располагавшийся в здании старой фабрики, был переполнен, помещения, где содержались военнопленные, совершенно не отапливались, несмотря на то, что мороз доходил в ту зиму до 40 градусов, раненые и больные содержались вместе с остальными военнопленными, причем никакой медицинской помощи им не оказывалось, питание было недостаточное. Военнопленные использовались на тяжелой работе. Все это привело к тому, что смертность военнопленных в Орловском лагере в результате обморожения, истощения и болезней была большой. Так, в январе 1942 года смертность в силу указанных причин достигла 10–20 %. Умерших военнопленных массами хоронили в ямах позади здания лагеря» [«Генералы и офицеры...», 2009].

Из заявления гражданки города Болхова Гладковой Надежды Алексеевны известно также о казнях, проводимых немецкими солдатами в отношении советских партизан.

«В Июле месяце 1942 года мне пришлось сидеть в фашистском застенке, находящемся на улице Ленинская дом 24, где на стенах я собственными глазами видела надписи советских людей, написанные ими перед тем, как их должны были расстрелять. Надписи гласили «За Сталина», «За Родину», «За Народ» и т. д. «погибаем». По выходу из немецкого застенка мне пришлось быть свидетелем тяжелого события, издевательства творившего немецкими захватчиками над советскими людьми, а именно 22 июня 1942 года ходили жители улицы Ленинская, а с ними и я в 1... за город (западная окраина) смотреть на жертвы немецкого произвола – юношей и девушек расстрелянных немецкими палачами за то, что их подозревали в партизанстве. В то время, когда мы находились на краю обрыва, немецкие солдаты привели еще 3х девушек из нашей партизанской разведки одну из них по имени «Наташа» и расстреляли последних. Тела расстрелянных лежали не захороненными, до прихода Красной Армии, так как немцы не разрешали их закапывать» (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 532а. Л. 277).

Такие расстрелы комендатурой города производились неоднократно, о чем свидетельствуют обнаруженные в это же время 12 трупов юношей и девушек, лежащих в том же рву, где происходили расстрелы, и упомянутая в настоящем акте советская девушка (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 532а. Л. 276).

При всех творимых немецкими солдатами и офицерами преступлениях германская пропаганда не оставляла без внимания и вопрос убеждения и агитации. Идеологическую обработку населения в Орле и области осуществляла отдельная рота, действовавшая в тесном контакте с орловским отделением гестапо. При роте находились политическая школа, взвод РОА («Русской освободительной армии» генерала Власова), в котором насчитывалось 40–50 пропагандистов; драматический театр «Пестрая сцена», кинотеатр «Орел», хореографические ансамбли Черенкова и Боголюбского, радиоузел и военная цензура. Печатным органом роты пропаганды являлась газета «Речь». Так, из справки бургомистра г. Болхова о получении из германской комендатуры «картин и плакатов» для населения города.

«Не ранее 22 августа 1942 года – Картины-плакаты: «Портреты Гитлера» (84 шт.), «Новый земельный порядок – основа благополучия» (84 шт.), «Теперь принимайся за восстановление родины» (56 шт.), «Дружно за работу» (70 шт.), «Каждому трудолюбивому крестьянину – своя земля» (306 шт.). Выданы 28 председа-

телям улличкомов г. Болхова. Всем председателям улличкомов объявлено на совещании 22 августа 1942 г. о том, что картины-плакаты должны быть расклеены в соответствующих местах и что за этим будет надлежащее наблюдение со стороны немецких властей» (ГАОО. Ф. Р-2123. Оп. 1. Д. 30. Л. 11–12).

При всех творимых оккупационным режимом злодеяниях средства немецкой пропаганды рассказывали о конце советской власти и грядущем прекрасном будущем при власти немцев.

«Страна, которая дала миру Гете, Шиллера, Шопенгауэра, Канта, Ницше, Вагнера, которая дала человечеству Адольфа Гитлера, не может быть страной варваров. На победоносных знаменах Германской Армии ведущей на необъятных просторах России борьбу против врагов всего человечества – жидо-большевиков, написаны принципы высшей справедливости и человечности.» (Речь. 1942 год. № 47 (77). 22 апреля. Среда).

С первых дней своего хозяйничанья в городе немецкие солдаты стали заниматься ограблением мирных граждан, отбирать у жителей скот, имущество, теплую одежду и продовольствие, а также домашнюю птицу. Аналогичные действия немцы осуществляли и во всех селах Болховского района. При расквартировании немецких частей на постой, последние выгоняли граждан из домов, не считаясь с наличием малолетних детей, прямо на улицу. Этим действия немцев особенно ощутимы были в осенне-зимний период 1941–1942 и 1942–1943 годов. Из протокола опроса гражданки Фалеевой Н. С. известно, что «...с зимы до весны 1942 года здесь находились части дивизии «Великая Германия» а перед отступлением, кажется, 12-я и 25-я танковые дивизии, а также множество пехотных кавалерийских, саперных и других частей германских войск» (ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 200).

Немцы установили в городе строгий режим, который запрещал всякое передвижение с наступлением темноты. Лиц, не пришедших домой до указанного времени, арестовывали и использовали как чернорабочую силу для мытья полов, колки дров и носки воды.

Из материалов допроса гражданки: «... также следует, что ей «известен такой факт: в ноябре или Декабре м-це 1941 года один немецкий солдат / фамилия для меня его не-известна, зашел в дом Куржуповых по ул. Буденого и под видом врачебного осмотра выгнал мужа гр-ки Куржуповой из квартиры, закрыл за ним дверь, а затем изнасиловал его жену, предварительно раздев её (ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 200).

Немцами полностью были уничтожены все еврейские семьи. В сентябре 1942 года немцы забрали жену зубного врача – еврейку Хаст Адель Борисовну – с 4-летним ребенком, а затем расстреляли их. Также расстреляна семья Хазанова, семья Поляк, состоявшая из пяти человек, и т. д. (ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 200).

За время оккупации немцы, угрожая оружием и расстрелами, выгоняли всё трудоспособное население на ремонт шоссеиной дороги Орёл – Болхов, узкоколейной ж. д., на расчистку снега, рытье окопов и блиндажей, а также на заготовку леса. Лиц же, не желавших выходить на работы, или оказывавших сопротивление, или не желавших добровольно отдавать свое имущество, подвергали избиениям, арестам и расстрелам.

Из протоколов допросов «...с первых дней оккупации г. Болхова частями немецкой армии – последние занимались зверствами и злодеяниями над мирными советскими гражданами и русскими военнопленными – отбирали скот в самом городе,

так и в его окрестностях, скот, продовольствие и имущество, причем отбор производился под угрозой оружия, так например в деревне Барилово насколько мне помнится личный состав 26-й пехотной дивизии немецкой армии в период с июля по декабрь месяц 1942 года, особенно в осенне-зимний период систематически занимался ограблением мирных граждан этой деревни, отбиралось все имущество, которое им приходилось по вкусу (что понравилось продовольствие и теплая одежда (валенки, шубы и т. д.) также отбирался скот и мелкая домашняя птица, это мне лично известно со слов граждан этой деревни, куда мне приходилось ходить для приобретения продуктов питания.

Кроме того, мне также известно, что немцы такие же вещи проводили и в самом г. Болхове. Так у гр-на Нехорошего Ивана Кузьмича ими было отобрано 6 штук гусей, у Федотовой Марии была отобрана одна корова. В самом г. Болхове и его окрестностях было расположено много частей германской армии со своими штабами и различными службами, но назвать их сейчас я не могу, но я только хочу сказать, что у меня осталось в памяти 39-й пехотный полк, 26 пехотной дивизии, так как у меня лично на квартиру были поставлены насильно солдаты этой части, но фамилии их я сейчас назвать не могу, так как прошло много времени и я их забыл, но мне помнится, что один из офицеров, кажется, командир роты или батальона Ваглер или Вагнер, точнее не знаю, активнее всех участвовал в отборе продовольствия и скота у населения, а также и насильственные отправки молодежи на каторжные работы в Германии, так ими было угнано более 500 человек юношей и девушек, так, например, Нечушкина Вера Сергеевна, 1926 г. рождения, Тарасов Николай Николаевич, 1925 г. рождения и много других. (ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 200).

Немцы установили тяжелый порядок: «всякие движения по городу запрещались с 6–7 часов вечера, а если кто нарушил это или не успел до этого времени вернуться домой, те арестовывались и зверски избивались. Лично я также был арестован и просидел в колхозном... 28 суток, но в последствии из-за недостаточности улик я был освобожден. Немцы занимались расстрелом лиц якобы заподозренных в связи с партизанами, так, например, в деревне Кутьва в 4 км был расстрелян «бывший» работник НКВД и ряд других лиц, но фамилии их для меня неизвестны. Ими же были полностью уничтожены все еврейские семьи, например семья Поляк, состоявшая из 5 человек, семья зубного врача Хаст и Хазанова. Также ими были сожжены ряд населенных пунктов, как-то д. Пальчино, д. Корошкино общей численностью более 400 домов, это было во второй половине 1942 года. Мне также известно, что немцы в г. Болхове организовали лагерь для русских солдат и офицеров / расположен он был на улице Ленина в помещении средней школы им. Карла Маркса / где условия жизни их были очень тяжелые: кормили их 2 раза в сутки какой-то бурдой и давали им по 200 грамм хлеба с примесью древесных опилок, а заставляли работать от утренней до вечерней зари, подвергались биениям, от чего люди умирали.

Представив, только отдельные факты насилия и издевательств, но их было очень и очень много, так как немецкие части часто перемещались и помнить, что кем делалось я не могу, но мне хорошо помнится, что 26 пехотная дивизия находилась на территории города Болхова и в его окрестностях больше полугода именно со второй половины и до конца 1942 года это я говорю потому что у меня стоял немец по фамилии Кленер, а к нему часто ходил друг, который служил в 39 пехотном полку, фамилию этого я не знаю» (Нечушкин (ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 200)).

«Кроме того, мне известно о насильственной отправке мирных граждан на каторжные работы в Германию, так как это я лично испытала на себе, так как была насильно угнана в Германию со своей свекровью. Одновременно вместе со мной было угнано более 3000 женщин, девушек и юношей, а также и трудоспособных стариков Болховского района. Перед отправкой в Германию нас собрали в комендатуру, а затем заперли в подвал, где продержали нас более 2-х недель и ничем не кормили, а в пути следования давали какую-то бурду раз в день, да и то без хлеба. Из Болхова до г. Почеп Брянской области нас гнали 6 недель пешком, а затем погрузили в эшелон, а затем направили в Германию. Со мной было много граждан из г. Болхова и окрестных сел: так, например, гражданки Ждановы – семья и 4-х человек, семья Бобковых Ольги (отчество не знаю) ее мать в последствии в дороге умерла и много других граждан и семей, насильно собранных из окрестных сел» (Романова А. Н. (ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 200)).

«В это же время в селе Барилова одним офицером была расстреляна колхозница, за то, что она взяла с воза отобранный у нее самовар, а при оказании сопротивления при отборе овцы у колхозницы Зелюкиной (имени я ее не знаю) фельдфебелем немецкой армии, последний ее застрелил из пистолета» (из протокола допроса Павлова Семена Павловича (ГАОО. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 200)).

Данные о потерях мирного населения Орловской области в годы нацистской оккупации продолжают обновляться благодаря рассекречиванию и публикации новых материалов следственных дел и протоколов допросов. Эти документы свидетельствуют о многочисленных преступлениях, совершённых оккупантами и их пособниками. Они позволяют более полно воссоздать картину террора и геноцида, устроенных нацистами и их союзниками против советских граждан на территории Орловской области. Обнародование новых сведений из архивов подтверждает выводы отечественных и зарубежных исследователей о том, что гитлеровская Германия длительный период целенаправленно формировалась в государство, со специфическими целями и задачами.

Отметим, что анализ материалов военных преступлений немецко-фашистских захватчиков в отношении мирных граждан города Болхова подчёркивает ужасные последствия оккупации, которые оставили глубокий след в истории региона. Важно понимать, что эти преступления были не единичными случаями, а частью системной политики насилия, направленной на уничтожение духа и идентичности оккупированных народов. Историческая память о трагедии Болхова должна служить напоминанием о необходимости сохранения мира и справедливости, а также о важности защиты прав человека в любых обстоятельствах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На заседании Орловского областного суда по делу о признании геноцидом массовых убийств орловцев в годы Великой Отечественной войны присутствующие единогласно отметили, что преступления, совершённые нацистами и их пособниками на территории Орла и области, несомненно, подпадают под ст. 357 УК РФ («Геноцид»). Согласно закону, геноцид включает действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, такие как убийство её членов, причинение тяжкого вреда их здоровью, принудительное препятствование деторождению, насильственное переселение и создание условий, ведущих к физическому уничтожению членов этой группы.

За практически два года оккупации Орловской области были уничтожены 825 больниц, 2483 школы, театры, музеи, кинотеатры. В Германию на работы были угнаны около 200 тысяч жителей области. Около 80 тысяч мирных жителей были убиты врагом. Города Новосиль, Ливны и посёлок Верховье были уничтожены полностью. В национальный архив «Живая деревня» – реестр сожжённых в годы войны советских деревень – на данный момент включено 53 орловские деревни. В самом Орле немцы уничтожили более 2,2 тыс. жилых домов, 33 учебных заведения, телефонную станцию, учреждения культуры, радиоузел, магазины, детские сады.

В 2022 году Орловский областной суд признал военными преступлениями и преступлениями против человечности как ранее установленные, так и вновь выявленные факты, совершённые нацистскими оккупационными властями и их пособниками на территории Орловской области во время Великой Отечественной войны. Эти преступления были направлены против не менее 50 000 мирных советских граждан и 371 755 военнопленных, что в общей сложности составляет 421 755 человек, а также включают угон в Германию на принудительные работы 56 490 человек.

Введение в научный оборот новых документов о преступлениях нацистов против мирного населения опровергает попытки некоторых исследователей представить оккупационную политику нацистов в позитивном свете для местных жителей. Эвфемизация нацистских преступлений и действий их пособников, наблюдаемая в трудах отдельных историков, как за рубежом, так и в России, открывает возможность для пересмотра истории с позиций, где предательство и преступления против мирного населения принижаются.

Такое «новое прочтение» исторических событий ведёт как к умалению роли Советского Союза в борьбе с фашизмом, так и к реабилитации нацистских преступников и их пособников. Это пример того, как идеи коллаборационизма и искажённая интерпретация исторических фактов получают актуальность в наши дни. В связи с этим изучение военных преступлений нацистских оккупантов остаётся чрезвычайно важной задачей, требующей дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Алексеев, А. А. Социальная история Великой Отечественной войны. Оккупация Северо-Запада России и эвакуация в Сибирь / А. А. Алексеев. – Новосибирск: Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 2017. – 273 с. – ISBN 978-5-906948-71-7. – EDN XQFENB.
2. Асташкин, Д. Ю. Открытый судебный процесс над нацистскими военными преступниками в Новгороде (1947 год) / Д. Ю. Асташкин // Новгородский исторический сборник. – 2014. – № 14 (24). – С. 352–375. – EDN YFISHN.
3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Тульская область: Сборник документов/ Отв. ред. Д.Н. Антонов. – М.: Фонд «Связь Эпох», ООО «Кучково поле Музеон», 2020. – 568 с. – EDN FTSLQD.
4. Булышкин, И. Б. К вопросу о методологических особенностях изучения архивов военных лет / И. Б. Булышкин, Е. С. Матвеева // Современная научная мысль. – 2023. – № 2. – С. 253–258. – EDN LLPFDR <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-2-253-258>

5. Булышкин, И. Б. Роль и значение методов в формировании новых исследовательских областей / И. Б. Булышкин // Логика и методология научных исследований: Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Орёл, 01 марта 2023 года / Под редакцией В.Н. Лупандина. – Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. – С. 73–83. – EDN RZFWDR.

6. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в национальной памяти народов России: Коллективная научная монография / Т. С. Бушуева, Л. П. Колодникова, В. В. Штоль [и др.]. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. – 418 с. – EDN UBFRHL.

7. Великая Отечественная война: без срока давности: Учебные материалы образовательного модуля / Н. А. Ильина, Л. В. Алиева, Ю. В. Алексеев [и др.]; Псковский государственный университет. – Псков: Псковский государственный университет, 2021. – 612 с. – EDN IRFLTI.

8. Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева). – М.: Международный фонд «Демократия», 2009. – 572 с. – EDN QPNCRB.

9. Епифанов, А. Е. К вопросу об установлении и расследовании злодеяний гитлеровских захватчиков и их пособников на современном этапе / А. Е. Епифанов // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы IV Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, Волгоград, 29–30 сентября 2022 года / ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2022. – С. 153–157. – EDN ENICAK.

10. Конасов, В. Б. Судьба советских военнопленных в нацистской Германии / В. Б. Конасов, А. Л. Кузьминых // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 8. – С. 78–79. – EDN HUNVTP.

11. Кондакова, Л.М. Режим террора и насилия. Орловская область в период нацистской оккупации (1941–1943) // Государственный архив Орловской области: сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gaorel.ru/bez-sroka-davnosti/4925-2?ysclid=m084wyj2ec571918537> (дата обращения: 17.09.2024).

12. Ливцов, В. А. Проблема фальсификации истории Второй мировой войны: Орловско-Курская дуга / В. А. Ливцов, А. С. Пожидаев, К. С. Нилаева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 100–107. – EDN ZGVFVB. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-4-100-107>.

13. Ливцов, В. А. Проблема фальсификации истории в контексте реализации государственной политики сохранения историко-культурного наследия / В. А. Ливцов, А. С. Пожидаев // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17, № 5. – С. 108–115. – EDN ZXIYBD. – <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-4-108-115>.

14. Литвиненко, В. В. Преступления вермахта на советской земле. – URL: <https://proza.ru/2023/07/29/454> (дата обращения: 17.09.2024).

15. Лобанов, С. А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях / С. А. Лобанов // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 76–84. – EDN PSLOQR.

16. Нацистская неволя: лагеря и места принудительного содержания на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны. Справочник

/ рук-ль проекта: Е.П. Малышева; научн. ред.: С.В. Аристов; отв. ред.: В.Г. Кузьмин, Д.В. Суржик; ред.: Л.Д. Шаповалова; сост.: А.А. Белоглазов, И.А. Кулаков, Г.А. Перковская, Д.А. Попов; при участии А.Т. Абдукаровой, Ю.И. Крипатовой, Г.А. Москвина. – Санкт-Петербург: Типографский комплекс «Девиз», 2024. – 76 с.

17. Пашинян, Г. А. Вклад судебных медиков в разоблачение фашистских злодеяний против человечества / Г. А. Пашинян, О. А. Панфиленко // Судебно-медицинская экспертиза. – 2005. – Т. 48, № 3. – С. 3–5. – EDN YHJDQR.

18. Христофоров, В. Российско-германские отношения в зеркале исторических портретов / В. Христофоров // Родина. – 2015. – № 6. – С. 128. – EDN UABUCL.

19. Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – URL: <https://victims.rusarchives.ru/index.php/bolkhov> (дата обращения: 17.09.2024).

20. Belov, S. I. Wrongful Actions of the German Armed Forces Against the Civilian Population of Germany in the Final Stages of World War II / S. I. Belov. Bylye Gody. – 2014. – no. 32(2). – P. 145–149. – EDN SJRCFD.

Сведения об авторе:

БУЛЫШКИН Илья Борисович, директор, Координационный центр по вопросам формирования у молодёжи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, адрес: 302026, Орловская область, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95, e-mail: so-phialogos@yandex.ru, SPIN-код: 6345-8804, AuthorID: 1086926; ORCID <https://orcid.org/0009-0003-1916-8428>

References:

1. Alekseev, A. A. (2017) Social history of the Great Patriotic War. Occupation of the North-West of Russia and evacuation to Siberia. Novosibirsk: Siberian State University of Geosystems and Technology, 273 p. (In Russ.). EDN XQFEHB.

2. Astashkin, D. Yu. (2014) Open trial of Nazi war criminals in Novgorod (1947). Novgorod historical collection. no. 14 (24). P. 352-375. (In Russ.). EDN YFISHH.

3. No Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and Their Collaborators against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR During the Great Patriotic War: Tula Oblast: Collection of Documents / Ed.D.N. Antonov. M.: Svyaz Epoch Foundation, Kuchkovo Pole Muzeon LLC, 2020. 568 p. (In Russ.). EDN FTSLQD.

4. Bulyshkin, I. B. and Matveeva, E. S. (2023) Methodological features of research in the archives of war years. *Modern Scientific Thought*. no. 2. pp. 253–258. (In Russ.). EDN LLPFDR <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-2-253-258>.

5. Bulyshkin, I. B. (2023) The role and significance of methods in the formation of new research areas. In: V. N. Lupandin (ed), *Logic and methodology of scientific research: Collection of materials of the IV international scientific and practical conference*, Orel, March 01, 2023, Orel: Central Russian Institute of Management - branch of RANEPa, p. 73-83. (In Russ.). EDN RZFWDR.

6. Bushueva, T. S., Kolodnikova, L. P., Shtol, V. V. [et al.]. *The Great Patriotic War of 1941-1945 in the national memory of the peoples of Russia*. M.: Moscow State Pedagogical University, 2017. 418 p. (In Russ.). EDN UBFRHL.

7. The Great Patriotic War: No Statute of Limitations: Study Materials of the Educational Module / N. A. Ilyina, L. V. Alieva, Yu. V. Alekseev [et al.]; Pskov State University. Pskov: Pskov State University, 2021. 612 p. (In Russ.). EDN IRFLTl.
8. *Wehrmacht Generals and Officers Tell...: Documents from the Investigative Files of German Prisoners of War. 1944-1951.* International Foundation «Democracy» (Alexander N. Yakovlev Foundation). M.: International Foundation «Democracy», 2009. 572 p. (In Russ.). EDN QPNCRB.
9. Epifanov, A. E. (2022) On the issue of establishing and investigating the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices at the present stage. *Military-historical aspects of life in the South of Russia in the 17th-21st centuries: issues of study and museumification: materials of the IV International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the counteroffensive of Soviet troops near Stalingrad, Volgograd, September 29-30, 2022.* Federal State Budgetary Cultural Institution «State Historical and Memorial Museum-Reserve «Battle of Stalingrad». Volgograd: Volgograd State University, P. 153-157. (In Russ.). EDN EHICAK.
10. Konasov, V. B. and Kuzminykh, A. L. (2006) The fate of Soviet prisoners of war in Nazi Germany. *Military History Journal.* no. 8. P. 78-79. (In Russ.). EDN HUHVTp.
11. Kondakova L. M. (2024) The regime of terror and violence. Orel region during the Nazi occupation (1941-1943). State archive of the Orel region: website. [Electronic resource]. - URL: <https://gaorel.ru/bez-sroka-davnosti/4925-2?ysclid=m084wyj2ec571918537> (date of access: 09/17/2024). (In Russ.).
12. Litvsov, V. A., Pozhidaev, A. S. and Nilayeva, K. S. (2017) The Problem of Falsification of the History of World War II: the Orel-Kursk Bulge. *Central Russian Journal of Social Sciences.* Vol. 12, no. 4, p. 100-107. (In Russ.). EDN ZXIYBD. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-4-100-107>.
13. Litvsov, V. A. and Pozhidaev, A. S. (2017) The Problem of Falsification of History in the Context of the Implementation of State Policy for the Preservation of Historical and Cultural Heritage. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management.* Vol. 17, no. 5, p. 108-115. (In Russ.). EDN ZGVFVB. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-4-108-115>.
14. Litvinenko, V. V. (2023) Wehrmacht crimes on Soviet soil. - URL: <https://proza.ru/2023/07/29/454> (date of access: 17.09.2024). (In Russ.).
15. Lobanov, S. A. (1998) International legal aspects of criminal proceedings in cases of war crimes. *State and Law.* no. 5. P. 76-84. (In Russ.). EDN PSLOQR.
16. *Nazi captivity: camps and places of forced detention in the occupied territory during the Great Patriotic War.* Directory / project leader: E.P. Malysheva; scientific ed.: S.V. Aristov; resp. ed.: V.G. Kuzmin, D.V. Surzhik; ed.: L.D. Shapovalova; comp.: A.A. Beloglazov, I.A. Kulakov, G.A. Perkovskaya, D.A. Popov; with the participation of A.T. Abdurkova, Yu.I. Kripatova, G.A. Moskvina. St. Petersburg: Typographic complex «Motto», 2024. 76 p. (In Russ.).
17. Pashinyan, G. A. and Panfilenko, O. A. (2005) The Contribution of Forensic Scientists to Exposing Nazi Atrocities against Humanity. *Forensic Medical Examination.* Vol. 48, no. 3. p. 3-5. (In Russ.) EDN YHJDQP.
18. Khristoforov, V. (2015) Russian-German Relations in the Mirror of Historical Portraits. *Rodina.* no. 6. p. 128. (In Russ.) EDN UABUCL.
19. Federal Archival Project «Crimes of the Nazis and Their Accomplices against the Civilian Population of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945».- URL: <https://www.fedarch.ru/>

<https://victims.rusarchives.ru/index.php/bolkhov> (date of access: 09.17.2024). (In Russ).

20. Belov, S. I. (2014) Wrongful Actions of the German Armed Forces Against the Civilian Population of Germany in the Final Stages of World War II. *Byly Gody*. no. 32(2). P. 145–149. (In Russ.). EDN SJRCFD.

Authors:

BULYSHKIN Илья В., Director, Coordination Center for the Formation of an Active Civic Position in Young People, Prevention of Interethnic and Interfaith Conflicts, Counteraction to the Ideology of Terrorism and Prevention of Extremism, Orel State University named after I.S. Turgenev, e-mail: so-phialogos@yandex.ru, SPIN-код: 6345-8804, AuthorID: 1086926; <https://orcid.org/0009-0003-1916-8428>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНОГО-ЭНЦИКЛОПЕДИСТА
Р. М. ОРЖЕНЦКОГО В ОДЕССЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

А. М. Лушников

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Адрес: 150000, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

Поступила
в редакцию
17.10.2024

Поступила
после
рецензирования
21.11.2024

Принята
к публикации
25.01.2025

Аннотация. Целью работы является исследование основных вех научной и творческой деятельности российского и польского учёного Р. М. Орженцкого во время его пребывания в Одессе. Основы его профессиональной и идейной ориентации сформировались именно в тот период, который был позже условно назван «одесский». При этом некоторые описанные события происходили также в Житомире, Херсоне и Киеве.

В «одесский» период работы учёного он достиг первых научных успехов. Стал авторитетным практикующим юристом и статистиком. Однако основной сферой его научных трудов была политическая экономия. Здесь молодой ученый был сторонником психологического направления. Это научное направление было близко к маржинализму и к австрийской научной школе.

Статья написана с соблюдением принципов научности, историзма и объективности. Автор делает акцент на начальном периоде жизни знаменитого экономиста: ранняя биография, защита диссертации, преподавательская деятельность и др. Особенно подчеркивается, что в работах Р. М. Орженцкого был обоснован психологический подход к экономике. Этот принцип основан на особенностях человеческого выбора.

Делается вывод о том, что именно в одесский период работы Р. М. Орженцкий смог показать свои первые научные достижения. Защитил магистерскую диссертацию. Сформировал правила и принципы своего научного подхода. Необходимо подчеркнуть значение вклада Орженцкого в развитие научной и культурной жизни региона. Он не только способствовал распространению знаний, но и стал важным звеном в цепи формирования научных традиций, связанных с просвещением и энциклопедическим подходом. Его деятельность позволяет лучше понять, как в условиях растущей урбанизации и культурной динамики Одесса становилась важным центром интеллектуальной жизни.

Ключевые слова: Р. М. Орженцкий, биография, политическая экономия, психологический подход к экономике, высшая школа, Одесса

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Лушников А. М. Деятельность ученого-энциклопедиста Р. М. Орженцкого в Одессе на рубеже XIX–XX вв. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 25–38. EDN UGOXDQ. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-25-38>.

© Лушников А. М., 2025

Original article

THE ACTIVITY OF THE ENCYCLOPEDIC SCIENTIST R.M. ORZHENTSKY IN ODESSA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

A. M. Lushnikov

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov
Address: 14, Sovetskaya st., 150000, Yaroslavl, Russia

Received
17.10.2024

Revised
21.11.2024

Accepted
25.01.2025

Abstract. *The purpose of the work is to study the main milestones of the scientific and creative activity of the Russian and Polish scientist R. M. Orzhentsky during his stay in Odessa.*

The foundations of his professional and ideological orientation were formed precisely in that period, which was later conventionally called "Odessa". At the same time, some of the described events also took place in Zhitomir, Kherson and Kyiv. During the «Odessa» period of the scientist's work, he achieved his first scientific successes. He became an authoritative practicing lawyer and statistician. However, the main area of his scientific work was political economy. Here the young scientist was a supporter of the psychological direction. This scientific direction was close to marginalism and the Austrian scientific school.

The article is written in compliance with the principles of scientificity, historicism and objectivity. The author focuses on the initial period of the famous economist's life: early biography, defense of his dissertation, teaching activities, etc. It is especially emphasized that the psychological approach to economics was substantiated in the works of R. M. Orzhentsky. This principle is based on the peculiarities of human choice. It is concluded that it was during the Odessa period of his work that R. M. Orzhentsky was able to demonstrate his first scientific achievements. He defended his master's dissertation. He formed the rules and principles of his scientific approach. It is necessary to emphasize the significance of Orzhentsky's contribution to the development of scientific and cultural life of the region. He not only contributed to the dissemination of knowledge, but also became an important link in the chain of formation of scientific traditions associated with education and the encyclopedic approach. His activities allow us to better understand how, in the conditions of growing urbanization and cultural dynamics, Odessa became an important center of intellectual life.

Keywords: *R.M. Orzhentsky, biography, political economy, psychological approach to economics, Higher school, Odessa*

Funding: *This study was performed without external funding.*

For citations: Lushnikov, A. M. (2025) Activities of the scientist-encyclopedist R.M. Orzhentsky in Odessa at the turn of the XIX–XX centuries. *Journal of Public and Municipal Administration*, Vol. 14, no. 1. P.25–38. EDN UGOXDQ. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-25-38>.

ВВЕДЕНИЕ

Российский и польский исследователь *Роман Михайлович Орженцкий* (1863–1923 гг.) относится к типу учёных-универсалов, которых в XX веке было относительно немного. Он отметился на ниве политэкономии, статистики и правоведения, был чиновником, вузовским профессором, земским деятелем, политическим активистом. Деятельность учёного-энциклопедиста Р. М. Орженцкого в Одессе представляет собой важный этап в осмыслении культурного и научного наследия этого выдающегося человека. Он оказал значительное влияние на интеллектуальную жизнь Одессы в эпоху, когда город становился центром культурного обмена и активного научного поиска. Это время характеризуется значительными социальными и политическими изменениями, что обостряет вопросы образования, науки и культуры.

Орженцкий, занимая ведущие позиции в различных научных обществах, способствовал формированию научных традиций и поддерживал идеи просвещения, что позволило ему стать не только специалистом в своих областях, но и популяризатором знаний. Его работы охватывают широкий спектр тем – от философии и права до естественных наук, что свидетельствует о масштабности его интеллекта и стремлении внести вклад в общее благо. Изучение деятельности Орженцкого позволяет не только глубже понять его личный вклад в развитие науки, но и осветить общественные и культурные контексты того времени, открывая новые горизонты для дальнейших исследований и размышлений.

Методология для изучения темы статьи основывается на комплексном подходе, сочетающем исторический, культурологический и биографический методы. *Исторический метод* позволит проанализировать контекст научной жизни в Одессе в рассматриваемый период, уделяя внимание социальным, политическим и культурным изменениям, которые оказали влияние на деятельность Орженцкого.

Культурологический подход поможет исследовать взаимосвязь между работами ученого и культурными трендами того времени, рассмотреть влияние его идей на образовательные и научные практики в Одессе. Этот аспект также включает в себя изучение взаимодействия Орженцкого с другими учеными и его участие в научных институциях.

Биографический метод является ключевым для понимания личности Орженцкого, его мировоззрения, мотивации и обстоятельств, повлиявших на его научное творчество. В процессе работы планируется анализировать архивные документы, публикации Орженцкого и литературу о нем, что поможет глубже исследовать его вклад в науку и культуру. Использование этих подходов позволит создать целостную картину деятельности Р. М. Орженцкого и его роли в развитии научной мысли на рубеже XIX–XX веков.

Проблематика для изучения темы включает несколько ключевых аспектов, которые требуют тщательного анализа. Во-первых, важным является вопрос о влиянии историко-культурного контекста того времени на формирование научной личности Орженцкого. Как социально-экономические и политические изменения, происходившие в Одессе, повлияли на его научные интересы и подходы?

Во-вторых, необходимо рассмотреть, каким образом работы Орженцкого отразили тенденции и вызовы науки XIX века и как они способствовали развитию

образовательной среды в Одессе. Важно проанализировать, какие концепты и идеи, предложенные Орженцким, были новаторскими для своего времени и как они соотносились с работами его современников.

Кроме того, заслуживает внимания вопрос о взаимодействии Орженцкого с другими учёными и образовательными учреждениями, а также о его роли в формировании научной мысли в Одессе. Значительной проблемой является и осмысление наследия Орженцкого: каким образом его вклад в науку воспринимается современными исследователями и как сохраняется его память в исторической и культурной памяти города. Эти вопросы помогут глубже понять не только личность Орженцкого, но и его место в развитии науки в Одессе.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность изучения тематики можно рассматривать с нескольких позиций. Во-первых, данное время стало периодом значительных изменений в научной и культурной сферах на территории Украины. Одесса, будучи крупным портовым и культурным центром, играла уникальную роль в формировании научной мысли. Исследования Орженцкого, охватывавшие разнообразные области знаний, отражают темпы и направления этих изменений, что позволяет современным ученым лучше понять эволюцию научного подхода того времени.

Во-вторых, работы Орженцкого способствовали формированию и распространению энциклопедических знаний, что имеет важное значение для развития просветительской традиции на Украине. В условиях современных вызовов, связанных с дефицитом качественной информации, обращение к наследию таких исследователей становится крайне актуальным. Их опыт может служить ориентиром для исследований и капитализации знаний, ведь практика организации информации и её систематизации остается важной и в наше время. Таким образом, изучение деятельности Р. М. Орженцкого не только обогащает историческую перспективу, но и открывает новые горизонты для понимания роли науки в обществе сегодня.

Родился Р. М. Орженцкий 16 (28) февраля 1863 года в Житомире в семье дворянина – государственного служащего. Его предки, этнические поляки, представители шляхты, проживали в этих краях, вероятно, еще до разделов Польши. Затем вместе с родителями он переезжает в Херсон, а в 1878 году – из Херсона в Одессу, поступает там в 3-ю мужскую гимназию, которую окончил в 1879 года (по другим данным, в 1880 году) с серебряной медалью. После окончания гимназии он три года обучался на медицинском факультете Университета Святого Владимира в Киеве. Затем Орженцкий переводится на юридический факультет Новороссийского университета (в Одессе), который окончил в 1886 году (по другим данным, в 1887 году).

Можно только предполагать, что послужило толчком для столь неординарного поступка, связанного со сменой вуза и факультета: разочарование в возможностях медицины или профессии врача, тяга к справедливости, которая ассоциируется с деятельностью юриста, личные проблемы или семейные обстоятельства. Однако очевидно, что ученый уже в Киеве приобрел хороший интеллектуальный фундамент в сфере естественных наук, психологии (к ней ещё позднее вернёмся), некоторую склонность к сциентизму (распространению закономерностей естественных наук на науки общественные).

Уже в студенческие годы в Одессе он специализировался на изучении поли-

тической экономии, статистики и финансового права. Среди его учителей были такие известные ученые, как специалисты по финансовому праву, политэкономии и статистике И. И. Патлаевский (1839–1883 гг.), С. И. Иловайский (1861–1907 гг.), Л. В. Федорович (1854–1908 гг.), криминалист А. М. Богдановский (1832–1902 гг.), цивилисты Д. А. Азаревич (1948–1920 гг.), П. П. Цытович (1843–1913 гг.), историк права Ф. И. Леонтович (1833–1911 гг.). Его юридическое образование можно считать вполне фундаментальным, тем более обучение он окончил со степенью кандидата права (примерный аналог современного диплома с отличием).

Напомним, что высшего экономического образования до 1902 года (создание экономического отделения Петербургского политехнического института) в России не существовало. В этой связи экономистов готовили преимущественно юридические факультеты университетов и специализированные юридические вузы. Предмет «политэкономия и статистика» (впоследствии разделённые) там преподавался наравне с правовыми дисциплинами в качестве основного. В этой связи подготовка экономистов была «юридизирована», а такие дисциплины, как политэкономия, статистика, финансовая наука, финансовое право и даже отчасти полицейское (административное) право, имели в значительной степени юридино-экономический характер.

Университетский профессор политэкономии и статистики Л. В. Федорович ставил вопрос о его оставлении при университете «для подготовки к профессорскому званию» (примерный аналог современной аспирантуры), однако польское происхождение и подозрение «в вольнодумстве» не позволили этому осуществиться.

В этой связи в 1887 году начинается служба Р. М. Орженцкого в Херсонско-Бессарабском управлении государственных имуществ помощником делопроизводителя, с 1891 года – чиновником по особым поручениям в судебных делах. В этой должности он оставался до конца 1906 года. Очевидно, что это была работа более юриста (представительство интересов государства в судебных процессах), нежели экономиста и статистика.

Одновременно он активно занимался преподавательской деятельностью в учебных заведениях Одессы – Коммерческой школе, Школе торгового мореплавания, а в 1895 году был допущен к чтению лекций по статистике в Новороссийском университете и д. приват-доцента. Для этого ему пришлось сдать экзамены на получение степени магистра политэкономии (аналог современного кандидатского минимума по специальности) и провести две пробных лекции. В этом же году вышла и его первая книга (Орженцкий, Полезность и цена..., 1895).

После защиты магистерской диссертации в 1897 году (о ней далее) он становится полноправным приват-доцентом юридического факультета Новороссийского университета с более или менее постоянной нагрузкой. Наиболее талантливым его учеником в университете был Г. И. Тиктин (1880 – после 1931 гг.), впоследствии приват-доцент Новороссийского университета и профессор уже советского Одесского института народного хозяйства, оставивший об учителе теплые воспоминания. Впрочем, он более известен как специалист по финансовому праву.

Помимо очевидной тяги к педагогической деятельности, активному преподаванию нашего героя способствовала и вполне прозаическая причина – нужда

в деньгах. Дело в том, что вскоре после завершения обучения он женился на Ф. Ф. Шмуэль-Самойловой, и у них рождается трое детей: Михаил (1891 год), Ядвига (1895 год) и Мария (1899 год). В связи с этим он не смог выехать в традиционную для начинающих ученых зарубежную командировку для завершения обучения, подготовки магистерской диссертации в лучших европейских университетах и работы в ведущих научных библиотеках и архивах. Это тем более обидно, что, помимо русского и польского, он хорошо владел немецким и французским, в меньшей степени – английским и итальянским языками.

При этом Орженцкий со студенческих лет отличался независимостью своих суждений, был сторонником социальных реформ, сотрудничал с общественными организациями и принимал участие в профсоюзном движении, печатался в левых изданиях. Он стал членом Партии социал-революционеров (эсеров) практически с дня ее основания, одним из ее лидеров в Одессе.

Начало Первой русской революции он встретил вполне позитивно, принял в ней активное участие. В частности, ученый организовал из студентов и молодых преподавателей ячейку, в которой становится руководителем младшей группы. В этой ситуации стало вполне закономерным его отстранение от преподавания в университете с мая 1905 года. В условиях нарастающей напряженности и активизации общественного движения в ноябре 1905 года его снова допустили к преподаванию. Отметим, что университет, как и другие вузы, в этот период фактически не работал. Затихание революционной волны в конце 1906 года привело к тому, что продолжение преподавания в родном университете для него стало невозможным. О радикализме настроений ученого в тот период говорит и то, что он стал редактором издания книги К. Дилья «Социализм, коммунизм и анархизм» (Диль, 1918).

Вернемся к научной деятельности в его одесский период, благо она была достаточно бурной. Как уже указывалось, в 1897 году в Новороссийском университете он защищает магистерскую диссертацию по книге «Учение о ценности у классиков и канонистов. Политико-экономический очерк» (Орженцкий, Учение о ценности..., 1896). Этот одесский период можно назвать преимущественно «экономическим», т. к. большая часть его исследований была посвящена именно проблемам политической экономии. Помимо вышеназванных, Орженцкий издал еще целый ряд значимых трудов (Орженцкий, Учение об экономических..., 1903).

Ещё раз подчеркнем, что начинал наш герой именно как экономист. Можно предположить, что его книга «Учение об экономических явлениях. Введение в теорию ценности» готовилась им как будущая докторская диссертация (Орженцкий, Учение об экономических..., 1903; Орженцкий, Основные законы..., 1905). Однако он, как бы сейчас сказали, не попал в тренд и оказался вне мейнстрима. На рубеже столетий в России большим авторитетом пользовались экономисты социалистического толка, в том числе марксисты, ещё в силе были представители исторической школы, начали приобретать влияние неоклассики. Представители этих течений работу Орженцкого дружно не заметили, по крайней мере, специальных рецензий не было, а критика давалась в основном вскользь и даже с некоторым небрежением.

Отметим, что проблемы начались уже до защиты им магистерской диссертации в 1897 году. Одним из авторов отзыва о диссертации, на основании которо-

го она допускалась к защите, стал профессор А. И. Алмазов (1859–1920 гг.), известный канонист и историк права, доктор церковного права. В своем пятидесятистраничном отзыве он буквально «размазал по стенке» всё содержание работы и выводы автора, не найдя буквально ни одного доброго слова.

Начав с формальных замечаний (несоответствие названия содержанию работы, несоответствие содержания предисловия требованиям к нему, расширительное толкование группы «классиков» и неверная трактовка категории «канонистов», некорректное цитирование, ошибки в сносках и др.), Алмазов перешел к содержанию работы. Он настаивал, что работа представляет собой не связанные между собой очерки, которые не объединены композиционно. Вывод был категоричным и беспелляционным: сочинение «...должно быть во многих отношениях переработано автором, чтобы оно удовлетворяло той цели, для которой представлено на факультет...» (Федорович, 1897, С. 51). В этой связи заслуживает уважения эрудиция Алмазова, который столь подробно вник в достаточно далекую от его научных интересов область.

Однако даже по формальным признакам этот отзыв провоцирует много вопросов. Начнём с того, что А. И. Алмазов был не экономистом или финансистом, а выпускником Казанской духовной академии, специалистом по истории церкви и каноническому праву. К тому же Алмазов в 1897 году только перешел на службу в Новороссийский университет, и вряд ли конфликт носил личный характер.

Отметим, что его критика имеет общий характер, а предвзятость некоторых положений очевидна. В настоящее время сложно сказать, с чем это связано, но, возможно, имели место трения религиозного характера. А. И. Алмазов, знаток истории православной церкви и канонического (церковного) права, достаточно нервно среагировал на труд католика Р. М. Орженцкого, который более вольно подходил к взглядам канонистов и их вкладу в развитие экономической и юридической науки. В этой связи другой профессор – Л. В. Федорович – подготовил сначала один, весьма компактный и положительный отзыв с выводом о том, что работа «...с избытком удовлетворяет всем требованиям...» и является вкладом не только в российскую, но и европейскую литературу (Федорович, 1897, С. 13).

После разгрома, устроенного Алмазовым, он представил дополнительный отзыв, уже на отзыв своего предшественника, объемом в 79 страниц. Его стиль был корректным, но резким, с прежним выводом: работа «...требованиям вполне соответствует...» (Федорович, 1897, С. 79). В этой связи можно подчеркнуть, что обсуждение вопроса только о допуске к защите магистерской диссертации вызвала дискуссию двух уважаемых профессоров почти на 150 страниц печатного текста, что близко к объему ещё одной магистерской диссертации. Л. В. Федорович, человек прогрессивных взглядов¹, видный экономист, статистик и финансист, доказал свою правоту и добился проведения «магистерского диспута», как тогда называли защиту диссертации.

Не всё гладко прошло и при защите магистерской диссертации в 1897 году. Если официальные оппоненты, профессора Л. В. Федорович и В. В. Сокольский

¹ Прим. автора: Так, его магистерская диссертация по политической экономии защищена по книге «Жилые помещения рабочих» (СПб., 1881) и затрагивала актуализированный в то время «рабочий вопрос».

(1848), были в основном благожелательны, то неофициальные оппоненты были более критичны. Это, в частности, профессора А. И. Загоровский (1850 – после 1917) и И. Г. Табашников (1842–1913)¹. Полицейст приват-доцент П. А. Шеймин (1860) вообще устроил на защите подобие клоунады. Кроме того, в «Журнале юридического общества» за март 1898 года появилась статья «Магистерский диспут Р. М. Орженцкого в Новороссийском университете».

Автор был скрыт под псевдонимом «И», а в статье защита диссертации была показана в мрачном свете, с акцентом на недостатках и даже с указанием на нарушения общественного порядка во время диспута. В этой связи письмо новоиспеченного магистра политэкономии в редакцию данного журнала мало что изменило (Орженцкий, Письмо в редакцию, 1898). Между тем автор утверждал, что экономические явления представляют собой определенные психические отношения лица к вещам и процессам. Полезность, согласно его теории, делилась на психофизическую и чисто экономическую. Ценность же являет собой некую «метафизическую сущность», проекцию чувств на объект, вызывающий чувства у субъекта.

Действительно, в его работах был обоснован психологический подход к экономике, опирающийся на многофакторность человеческого выбора, ведущую роль индивидуального целеполагания. Он критиковал «трудовую теорию ценности» и акцент делал на полезности, причем предельной. Казалось бы, он мог найти поддержку у представителей австрийской школы и других ответвлений маржинализма. Но в России эти течения в то время находились на периферии научного интереса, да и самого Орженцкого к «австрийцам» можно отнести только с оговорками. Если лидеры австрийской школы К. Менгер (1840–1921 гг.), Ф. Визер (1851–1926 гг.) и О. Бем-Боверке (1851–1914 гг.) (Австрийская школа, 1992) опирались на методологический индивидуализм, а человека сводили к некоему «гедонисту-вычислителю», определяющему свою предельную выгоду, то в учении Р. М. Орженцкого всё было несколько иначе. Так, «австрийцы» допускали вычленение «наиболее общего и могущественного побуждения», определяющего тягу к человеческому благополучию.

Роман Михайлович больший акцент делал на сложном и ситуативном взаимодействии различных побуждений. Вот что он писал по этому поводу: «Формы поведения – продукт биологического развития; их сущность не представляет собой результата разумного и сознательного творчества индивида. В формах поведения есть иррациональный остаток, обязанный их биологическому происхождению... Отсюда ясно, что все попытки рационализации экономических отношений, стремление вывести их a priori из свойств человеческой природы так же бесплодны, как попытки объяснить a priori морфологическое строение человека или дедуктивно вывести величину среднего роста...» (Орженцкий, К теории фонда..., 1909).

Однако он в целом соглашался с тем, что на модели атомарного метода «изолированной абстракции» надлежит строить «точную национальную экономику». При этом социальные выводы нашего героя были почти противоположны-

¹ Прим. автора: По иронии судьбы профессора В. В. Сокольский, А. И. Загоровский и И. Г. Табашников перешли в университет из Демидовского юридического лицея (г. Ярославль), в который впоследствии перейдет Р. М. Орженцкий.

ми выводам «австрийцев». Если К. Менгер и его последователи выступали противниками смешения теории с экономической историей и социальной политикой, то Орженцкий, напротив, предполагал, что психологический подход позволяет определить цель преобразований, а желания и побуждения человека могут стать основой социальных преобразований. Отметим, что ученый в целом без отторжения (хотя и критично) относился к марксизму, и в этом аспекте сознательное социальное конструирование с опорой на человеческие потребности и цели сочеталось с грандиозными преобразованиями советского периода.

Формальное отнесение Р. М. Орженцкого к австрийской школе может быть подтверждено и его уважительным отношением к ее основателю К. Менгеру, а также его последователям, чьи труды он неоднократно цитировал. В частности, в своей магистерской диссертации он одним из первых в российской литературе в позитивном ключе рассмотрел учение К. Менгера о предельной полезности и нашел его наиболее адекватным в применении к ценности (Орженцкий, Учение о ценности..., 1896).

Впоследствии он выступил редактором издания на русском языке труда К. Менгера «Основания политической экономии. Общая часть» (Одесса, 1903 год). При этом нашего героя, наравне с М. И. Туган-Барановским и А. А. Богдановым, можно отнести к числу авторов самостоятельных психологических концепций в экономике. Они созвучны активно разрабатываемым в настоящее время подходам в рамках «поведенческой экономики» (израильско-американские психологи А. Тверски (1931–1996), Д. Кинеман (р. 1934), американский экономист Р. Талер (р. 1945) (двое последних – лауреаты Нобелевской премии по экономике) и др.) (История российской..., 2014). Примечательно, что если в советский период об Орженцком как экономисте упоминалось фрагментарно (История русской..., 1955), то в постсоветский период даже в достаточно подробных справочниках о нем нет ни слова (История российской..., 2014).

Следует отметить некоторое сходство в психологических подходах Романа Михайловича к экономике с психологическим подходом к праву другого русского ученого польского происхождения – Л. И. Петражицкого (1867–1931 гг.). Естественно, Орженцкий был знаком с трудами своего коллеги. Более того, в 1907 году им была подготовлена рецензия на известное исследование Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (Петражицкий, 1907, Т. 1), опубликованная в журнале «Вопросы философии и психологии» в том же 1908 году (Орженцкий, Петражицкий..., 1908). Рецензия представляет собой глубокий критический анализ, который касается не только вопросов юриспруденции, но и сущности нравственности как элемента правового регулирования. Орженцкий отмечает значимость работы Петражицкого в контексте интеграции морали и права, подчеркивая, что автор удачно выделяет взаимосвязь между юридическими нормами и нравственными принципами. Однако в ней Орженцкий акцентирует внимание на некоторых аспектах, требующих уточнения. Он указывает на недостаточную разработанность ряда концептуальных идей, выражая мнение, что автор иногда избегает глубокой аналитики в вопросах соотношения этических норм и законодательства. Орженцкий призывает к более детальному рассмотрению влияния культуры на формирование правовых систем и к интеграции социокультурных факторов в теорию права. Рецензия Орженцкого не только подчеркивает заслуги Петражицкого в

развитии теории права, но и служит основой для дальнейших размышлений над незакрытыми вопросами теоретического осмысления права в контексте морали, предлагая читателям продолжить дискуссию на эту важную тему.

Психологический подход Р. М. Орженцкого сформировался ранее, возможно, под влиянием обучения на медицинском факультете, да и свою позицию тогда еще одесский исследователь обнародовал раньше. В этой связи примечательно повышенное внимание польских и российских исследователей к научному наследию Л. И. Петражицкого (Орженцкий, Петражицкий..., 1908), однако и научное наследие героя данной статьи также, на наш взгляд, достойно большего внимания.

У вышеназванных авторов есть что-то общее и в стилистике. Л. И. Петражицкий как-то отметил, что думает он на польском, пишет на немецком, а говорит на русском. Вероятно, Роман Михайлович тоже думал на польском, а писал и говорил в основном на русском. Им активно использовались цитаты и целые выдержки на немецком и французском языках. Возможно, отсюда некоторая сложность и тяжеловесность стиля (иногда явно излишняя), терминологическая оригинальность. Кроме того, и это отмечалось в литературе (Орженцкий, К теории фонда..., 1909), он необоснованно отождествлял хозяйственные и экономические явления, хотя первые шире по объему и включают в себя не только экономические, но и правовые аспекты (договоры, обязательства и др.). Впрочем, и при изучении чисто экономических отношений он уделял существенное место проблемам их правового регулирования.

В дальнейшем, с 1907 по 1918 год, Р. М. Орженцкий был сначала приват-доцентом, затем профессором Демидовского юридического лицея (г. Ярославль), с конца 1918 по 1919 год – профессором Петроградского университета и сотрудником Центрального статистического управления (ЦСУ) (г. Москва), затем до конца 1922 года трудился в Киеве, став академиком Украинской академии наук (УАН). После командировки за границу он в СССР уже не вернулся, стал профессором Варшавского университета. Погиб ученый в Варшаве в результате террористического акта, обстоятельства которого до сих пор достаточно туманны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение исследования необходимо подчеркнуть значение вклада Орженцкого в развитие научной и культурной жизни региона. Он не только способствовал распространению знаний, но и стал важным звеном в цепи формирования научных традиций, связанных с просвещением и энциклопедическим подходом. Его деятельность позволяет лучше понять, как в условиях растущей урбанизации и культурной динамики Одесса становилась важным центром интеллектуальной жизни.

Исследования Орженцкого, ориентированные на систематизацию и популяризацию знаний, актуальны и в современных реалиях, когда информационная среда требует четкой организации и критического отношения к источникам. Итоги его работы служат напоминанием о необходимости сохранять междисциплинарный подход в научных исследованиях, что может помочь в решении современных проблем, связанных с дефицитом качественного образования и информации. Наследие Р. М. Орженцкого не только обогащает исторические и

культурные исследовательские контексты, но и служит вдохновением для будущих поколений ученых и исследователей, стремящихся к интеграции знаний и культур в рамках глобального диалога.

Именно в одесский период работы ученого он достиг первых академических высот (начиная с магистерской степени), завоевал авторитет практикующего юриста и статистика. Однако в научном разрезе основной сферой его трудов стала политическая экономия, где начинающий ученый показал себя сторонником психологического направления, близкого к маржинализму и в целом к австрийской школе. Поэтому научные воззрения Р. М. Орженцкого оказались настолько оригинальными, что с трудом укладываются в существующие классификации. Подчеркнем, что именно в одесский период выработался фирменный стиль ученого, связанный с рассмотрением проблем политэкономии, статистики, права и психологии в тесном взаимодействии.

Список литературы:

1. Австрийская школа в политической экономии: [сборник: перевод / предисл., С. 5–30, коммент., сост. В. С. Автономова]. – М.: Экономика, 1992. – 492 с..
2. Грибовский, М. В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков / М. В. Грибовский // Новый исторический вестник. – 2015. – № 2 (44). – С. 54–71. – EDN UGXMEJ.
3. Диденко, О. Н. Р. М. Орженцкий – организатор научного отдела статистической методологии при центральном управлении государственной статистики / О. Н. Диденко // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10–14. – С. 3215–3218. – EDN RQRYWD.
4. Диль, Карл. Соціалізм, комунізм і анархізм / Социализм, коммунизм и анархизм / Карл Диль. – М.: Путь к свободе, 1918. – 208 с.
5. Завьялов, Ф. Н. Статистик Р. М. Орженцкий: ученый и практик / Ф. Н. Завьялов // Вопросы статистики. – 2014. – № 6. – С. 80–84. – EDN QLJZYD.
6. История российской экономической науки в лицах: Библиографический справочник / Г. Г. Богомазов, И. А. Благих, И. В. Григорьева [и др.]. – М.: Проспект, 2014. – 444 с. – ISBN 978-5-392-12164-9. – EDN SJHYGF.
7. История русской экономической мысли / под ред. А. И. Пашкова; Академия наук СССР. Институт экономики. – М.: Госполитиздат, 1955–1966 гг. – в 5 т.; Т. 3, Ч. 1: Эпоха империализма и буржуазно-демократических революций в России. – 1966. – 573 с.
8. Лушников, А. М. Право и экономика / А. М. Лушников. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. – 192 с. – ISBN 978-5-392-43391-9. – EDN NXKAOX.
9. Лушников, А. М. Трудовое право и финансовое право: жизнь и научное наследие А. А. Исаева и Р. М. Орженцкого / А. М. Лушников, М. В. Лушникова // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2006. – № 1. – С. 59–64. – EDN SHLTJK.
10. Орженцкий, Р. М. К теории фонда / Р. М. Орженцкий. – Ярославль: Типография Губернского правления, 1909. – 22 с.
11. Орженцкий, Р. М. Основные законы ценности и их практическое значение // Южные записки. – 1905. – № 21–24.

12. Орженцкий, Р. М. Полезность и цена: Полезность и цена: Политико-экономический очерк / Р. М. Орженцкий. – Одесса: Типография А. Хакаловского, 1895. – 92 с.
13. Орженцкий, Р. М. Пособие к элементарному изучению политэкономии / Р. Орженцкий. Вып. 1–2. – Одесса: Тип. А. Хакаловского, 1897–1899. Вып. 1. 21 с.; Вып. 2. 23 с.
14. Орженцкий, Р. М. Письмо в редакцию / Р. М. Орженцкий // Журнал Юридического Общества при Императорском Санкт Петербургском Университете. – СПб., 1898. – Книга 5 (Май). – С. 78–89.
15. Орженцкий, Р. М. Учение о ценности у классиков и канонистов. Политико-экономический очерк / Р. М. Орженцкий. – Одесса: Типография Штаба округа, 1896. – 256 с.
16. Орженцкий, Р. М. Учение об экономических явлениях. Введение в теорию ценности / Р. М. Орженцкий. – Одесса: Экономическая типография, 1903. – 372 с.
17. Оссовская, М. Нравственность и правовые нормы / М.Оссовская // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 188–195. – EDN RDKZPJ.
18. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том I и Том II (издание 2-е, исправленное и дополненное). – С.-Петербург: Типография товарищества «Екатерингофское печатное дело», 1909. – 606 с.
19. Тимошина, Е. В. Л. И. Петражицкий и Львовско-Варшавская школа / Е. В. Тимошина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 182–187. – EDN RDKZOZ.
20. Учение о ценности у классиков и канонистов. Политико-экономический очерк. – Одесса: Типография Штаба округа, 1896. – 256 с.
21. Федорович, Л. В. Отзывы профессоров Л. В. Федоровича и А. И. Алмазова о диссертации Р. М. Орженцкого «Учение о ценности у классиков и канонистов» / Отзывы профессоров Льва Васильевича Федоровича и А. И. Алмазова о диссертации Р. М. Орженцкого «Учение о ценности у классиков и канонистов». – Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1897. – 157 с.

Сведения об авторе:

ЛУШНИКОВ Андрей Михайлович, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, e-mail: am-lu0909@yandex.ru, SPIN-код: 1310-8210, AuthorID: 371755; <https://orcid.org/0000-0002-8043-8218>

References:

1. The Austrian School in Political Economy: [collection: translation / preface, pp. 5–30, commentary, compiled by V. S. Avtonomov]. M.: Economica, 1992. 492 p. (In Russ.).
2. Gribovsky, M.V. (2015) Political activity of the «left» university professors in Russia in the late 19th – early 20th centuries. New Historical Bulletin. no. 2 (44), pp. 54–71. (In Russ.). EDN UGXMEJ.

3. Didenko, O.N. (2013) R. M. Orzhentsky – organizer of the scientific department of statistical methodology at the central administration of state statistics. Fundamental research. no. 10–14, pp. 3215–3218. (In Russ.). EDN RQRYWD.
4. Diehl, K. (1918) Socialism, communism and anarchism. M.: Path to Freedom, 208 p.
5. Zavyalov, F. N. (2014) Statistician R. M. Orzhentsky: scientist and practitioner. Questions of Statistics. no. 6. P. 80–84. (In Russ.). EDN QLJZYD.
6. History of Russian economic science in persons: Bibliographic reference book / G. G. Bogomazov, I. A. Blagikh, I. V. Grigorieva [and others]. M.: Prospekt, 2014. 444 p. ISBN 978-5-392-12164-9. (In Russ.). EDN SJHYGF.
7. History of Russian Economic Thought / edited by A.I. Pashkov; USSR Academy of Sciences. Institute of Economics. M.: Gospolitizdat, 1955-1966. v 5 t.; Volume 3, Part 1: The Era of Imperialism and Bourgeois-Democratic Revolutions in Russia. 1966. 573 p. (In Russ.).
8. Lushnikov, A. M. (2025) Law and Economics / A. M. Lushnikov. - M.: Limited Liability Company «Prospect», 192 p. EDN NXKAOX. ISBN 978-5-392-43391-9. (In Russ.).
9. Lushnikov, A. M. and Lushnikova, M. V. (2006) Labor law and financial law: the life and scientific legacy of A. A. Isaev and R. M. Orzhentsky. Bulletin of labor law and social security law. no. 1. P. 59-64. (In Russ.). EDN SHLTJK.
10. Orzhentsky, R. M. (1909) On the theory of the fund. Yaroslavl: Printing house of the Provincial Government, 22 p. (In Russ.).
11. Orzhentsky, R. M. (1905) Basic laws of value and their practical significance. Southern notes. no. 21-24. (In Russ.).
12. Orzhentsky, R. M. (1895) Utility and price: Utility and price: Political and economic essay. Odessa: A. Khakalovsky Printing House, 92 p. (In Russ.).
13. Orzhentsky, R. M. Handbook of Elementary Study of Political Economy. Issues 1–2. Odessa: A. Khakalovsky Printing House, 1897–1899. Issue 1. 21 p.; Issue 2. 23 p. (In Russ.).
14. Orzhentsky, R. M. (1898) Letter to the Editor. Journal of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University. SPb., Book 5 (May). P. 78–89. (In Russ.).
15. Orzhentsky, R. M. (1896) The Doctrine of Value in the Classics and Canonists. Political and Economic Essay. Odessa: Okrug Headquarters Printing House, 256 p.
16. Orzhentsky, R. M. (1903) The Doctrine of Economic Phenomena. Introduction to the Theory of Value. Odessa: Economic Printing House, 372 p. (In Russ.).
17. Ossovskaya, M. (2013) Morality and Legal Norms. News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. no. 1 (306). P. 188–195. (In Russ.). EDN RDKZPJ.
18. Petrazhitsky L. I. (1909) Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. Volume I and Volume II (2nd edition, revised and supplemented). St. Petersburg: Printing house of the partnership «Ekateringof printing business», 606 p. (In Russ.).
19. Timoshina, E. V. (2013) L. I. Petrazhitsky and the Lvov-Warsaw school. News of higher educational institutions. Jurisprudence. no. 1 (306). P. 182–187. (In Russ.). EDN RDKZOZ.
20. The doctrine of value in the classics and canonists. Political and economic essay. – Odessa: Printing house of the district headquarters, 1896. 256 p. (In Russ.).
21. Fedorovich, L. V. (1897) Reviews of professors L. V. Fedorovich and A. I. Almazov on the dissertation of R. M. Orzhentsky «The Doctrine of Value in the Classics and Canonists» / Reviews of professors Lev Vasilyevich Fedorovich and A. I. Almazov on the dis-

sertation of R. M. Orzhentsky «The Doctrine of Value in the Classics and Canonists». Odessa: «Economic» printing house and lithography, 157 p. (In Russ.).

Authors:

LUSHNIKOV Andrey M., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, e-mail: amlu0909@yandex.ru, SPIN-code: 2016-4307, AuthorID: 72048; <https://orcid.org/0000-0003-1918-531>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

УДК 336.743.22(47+57)р"18/19"
Оригинальная научная статья

<https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-39-53>

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. А. Столяров

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12

Поступила
в редакцию
17.10.2024

Поступила
после
рецензирования
21.01.2025

Принята
к публикации
20.03.2025

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении особенностей становления представлений о «золотом стандарте» в банковской системе Российской империи. В исследовании анализируется процесс введения золотого монометаллизма в России. Особое внимание уделяется подготовительным этапам этого процесса в России в конце девятнадцатого века. Они включали работы, направленные на создание основы для введения золотого рубля и стабилизации финансовой системы. Руководил реформами С.Ю. Витте.

Проблематика статьи заключается в том, что переход к золотому стандарту является дискуссионным предметом в науке. Основной причиной перехода к новой модели служила неразменность кредитного рубля. Несмотря на то, что рубль был конвертируемой валютой, валютные колебания мешали развитию внешней торговли.

Методология исследования основывается на комплексном подходе, включающем историко-экономический анализ, методы системного подхода и институционального анализа.

Работа опирается на широкий спектр исследовательских материалов и монографическую литературу. Используются ряд первоисточников, включая законодательные акты.

В результате исследования делается ряд выводов. Имплементация золотого стандарта в экономику Российской империи в конце XIX века стала важнейшим шагом в процессе модернизации страны. Она укрепила позиции России на мировом рынке. Основным итогом реформы стало введение в обращение кредитного рубля, обеспеченного золотом. Государственный банк был преобразован в единственный эмиссионный центр. Реформа способствовала снижению внутреннего государственного долга на одну треть. Однако для её реализации потребовалось привлечь значительное количество золота через внешние займы. Это увеличило задолженность царского правительства.

Ключевые слова: монетаризм, золотой стандарт, экономика, банк, Российская империя

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Столяров А. А. Формирование категории золотого стандарта в банковской системе Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 39–53. EDN KHMGOI. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-39-53>.

© Столяров А. А., 2025

Original article

FORMATION OF THE CATEGORY ABOUT THE «GOLD STANDARD»
IN THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

A. A. Stolyarov

Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA
Address 12, Oktyabrskaya st., 302026, Orel, Russia

Received
17.10.2024

Revised
21.01.2024

Accepted
20.03.2025

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of the formation of ideas about the «gold standard» in the banking system of the Russian Empire. The study analyzes the process of introducing gold monometallism in Russia. Particular attention is paid to the preparatory steps taken by the Russian authorities, including the work carried out under the leadership of S. Yu. Witte, aimed at creating a basis for the introduction of the gold ruble and stabilization of the financial system.

The problematic of the article lies in the fact that the transition to the gold standard is a controversial subject in science. The main reason for the transition to the above-mentioned model was the inconvertibility of the credit ruble. Despite the fact that the ruble was a fully convertible currency – currency fluctuations hindered the active development of foreign trade.

The research methodology is based on a comprehensive approach, including historical and economic analysis, methods of systems approach and institutional analysis.

The author relies on a wide range of research materials and monograph literature. A number of primary sources are used, including legislative acts.

The study provides a number of conclusions. The implementation of the gold standard in the economy of the Russian Empire at the end of the 19th century was the most important step in the process of modernizing the country and strengthening its position in the world market. The main results of the reform were the introduction of a credit ruble backed by gold, the transformation of the State Bank into the only emission center. Moreover, the reform contributed to a decrease in domestic public debt by one third. However, its implementation required attracting a significant amount of gold through external loans, which increased the debt of the tsarist government.

Keywords: monetarism, gold standard, economy, bank, Russian Empire

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Stolyarov, A. A. (2025) Formation of the category about the «gold standard» in the banking system of the Russian empire in the late 19th and early 20th centuries. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.42–57. EDN KHMGOI. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-39-53>.

ВВЕДЕНИЕ

Классический золотой стандарт, или золотой монометаллизм, представляет собой финансовую систему, при которой денежная единица страны имеет свою стоимость, привязанную к строго определенному количеству золота. В такой системе деньги существуют в виде золотых монет или банкнот, которые можно обменивать на золото по заранее установленному обменному курсу и по первому требованию их владельцев (Friedman, 1990, Р. 7). Это означает, что каждая банкнота или монета может быть преобразована в физическое золото и государство гарантирует такую возможность обмена на официальном уровне. Золотой стандарт был широко распространен в мировой экономике с конца XIX века до начала XX века, хотя в разные исторические моменты он существовал в разных формах.

Золотослитковый стандарт, существовавший в период между мировыми войнами, стал важным этапом в истории золотого монометаллизма. При золотом стандарте деньги могли быть обменены на золотые слитки, что означало, что центральные банки стран могли держать свои резервы в виде золотых слитков, а не в форме монет. Этот стандарт использовали такие страны, как Великобритания, Франция, Дания и Норвегия. В то же время большинство стран периферийных регионов придерживались золотодевизного стандарта, при котором деньги были обеспечены не непосредственно золотом, а валютой других стран, в частности стерлинговыми депозитами в Лондоне. Великобритания, имея широкую сеть валютных правлений по всему миру, обеспечила фунту стерлингов статус ведущей резервной валюты, что способствовало стабильности мировой финансовой системы.

Одним из основных недостатков золотого стандарта являются высокие издержки, связанные с наличным обращением металлических денег. Например, хранение, транспортировка и защита больших количеств золота значительно увеличивали затраты. Это побудило многие развитые страны искать альтернативы для золотых монет. В этой связи государственные и частные эмиссионные банки начали привлекать золото на депозиты, выпуская на основе этих депозитов векселя или банкноты. Эти бумажные деньги, будучи обеспеченными золотыми запасами, могли использоваться как полноценное средство платежа, а их владельцы могли обменивать их на золото по требованию. Такая система часто называлась смешанным стандартом, так как одновременно использовались как металлические, так и бумажные деньги. Более того, в мире ощущалась острая нехватка наличного золота, что приводило к необходимости эмиссии бумажных денег в обмен на депозиты других валют, что усиливало финансовую зависимость от Великобритании (Усоский, 2019, С. 51–52). Некоторые страны, например Китай, Персия, а также ряд стран Латинской Америки, никогда не использовали классическую систему золотого стандарта, а предпочитали серебряный или биметаллический стандарты. Они не следовали за основными экономическими державами и сохраняли приверженность серебру или использовали комбинированные системы, где золотая и серебряная монеты имели равный статус.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переход стран на золотой стандарт в XIX веке был в значительной степени обусловлен политическими мотивами. На пути к внедрению золотого монометаллизма существовало множество альтернативных денежных систем, включая биметаллизм и валюты, не обеспеченные товаром. Многие страны начали переход на золотой стандарт в период с 1870-х годов до первого десятилетия XX века.

Однако выбор в пользу этого стандарта зависел не только от богатства или бедности страны, но и от валютной политики соседних государств и тех стран, с которыми у страны были экономические связи. Следует отдельно отметить тот факт, что на выбор золотого стандарта также влияли следующие обстоятельства.

Во-первых, снижение издержек международной торговли. Так, одним из основных аргументов в пользу золотого стандарта была ориентация страны на внешнюю торговлю. Присоединение к металлическому блоку позволяло значительно сократить транзакционные издержки, связанные с колебаниями валютных курсов между блоками и необходимостью обмена валют. Чем больше страна торговала с государствами, использующими золотой стандарт, тем больше была экономия на торговых издержках. Процесс формирования металлических блоков способствовал росту торговли между странами, входящими в эти блоки. Например, между 1870 и 1910 годами объем двусторонней торговли между странами золотого стандарта увеличился более чем на 30 % (Моисеев, 2003, С. 26–27).

Во-вторых, слабость национальных финансов. Использование золота как резервного актива было доступно лишь тем государствам, которые обладали стабильной финансовой системой. На протяжении многих веков, начиная с Римской империи, снижение качества чеканки монет было распространенным методом финансирования дефицита бюджета. Переход на золотой стандарт часто представлял собой не только экономическое, но и политическое решение, принятое в целях стабилизации финансов и укрепления государственной власти.

Переход на новый денежный стандарт создал стабильность цен, которая сохранялась в течение всего XIX века. Однако для стран с ослабленным банковским сектором и постоянными бюджетными дефицитами отказ от неконвертируемых бумажных денег или инфляционного серебряного стандарта был невозможен. Попытка перейти на золотой стандарт в этих условиях неминуемо привела бы к финансовому кризису. Поэтому процесс перехода на золотой монометаллизм проходил в рамках длительного предварительного периода, в ходе которого происходила стабилизация государственных финансов и накопление золотых резервов центральными банками (Моисеев, 2002, С. 42).

Основу золотого блока составляли Великобритания, Франция, Германия и США. Помимо них, важными игроками мировой финансовой арены были страны периферии, такие как государства Южной и Восточной Европы (включая Россию), Азии, Центральной и Южной Америки. В то время как государства ядра золотого блока неизменно фиксировали курс своих валют по отношению к золоту, многие страны периферии использовали альтернативные валютные режимы (Bordo, 1995, Р. 426).

Вход России на мировой рынок создал настоящую необходимость в формировании денежной системы, аналогичной той, что существовала в промышленно развитых странах. Неразменность кредитного рубля приводила к резким колебаниям его валютного курса. Хотя рубль являлся полностью конвертируемой валютой, продажа иностранной валюты за рубли в стране была свободной и не было ограничений на вывоз кредитных рублей за границу, эти колебания мешали активному развитию внешней торговли и, соответственно, снижали доходы бюджета.

До имплементации золотого стандарта в экономику Российской империи (реформа С. Ю. Витте) в структуре денежных обращений преобладала система фиду-

циарных денег, то есть кредитных билетов, не обеспеченных золотом. Золотомонетный стандарт предполагал строгую привязку количества золота к курсу банкнот, которые банки были обязаны обменивать на золото по первому требованию владельцев. В последующих трёх вариантах золотого стандарта (золотослитковым, золотодевизным и золотовалютным) такого обмена золотых монет на банкноты во внутренней экономике больше не было. Именно обмен банкнот на золото обеспечивал их жесткую привязку, выражавшуюся в официально установленном центральным банком курсе (масштабе цен). Новая реформа подразумевала, что обменный курс с использованием золотого стандарта был связан с объёмом экономических операций. Новая система денежных обращений отменяла какие-либо ограничения для субъектов экономической деятельности в области обмена кредитных билетов на золото, более того, законодатель установил свободный ввоз и вывоз золота. Настоящая законодательная новелла позволила расширить границы использования национальных денежных единиц за пределами национальной экономики.

Не менее важной предпосылкой проведения реформы денежного обращения являлся тот факт, что к концу XIX века стремительное развитие российской экономики и положительное сальдо внешней торговли позволили царскому правительству накопить значительные запасы золота. Уже в 1862 году была предпринята попытка восстановить обмен кредитных денег на золото и серебро, известная как реформа «свободного размена». Для этого, в частности, привлекались внешние займы. В целях реализации вышеуказанного экономического курса 25 апреля 1862 года был издан императорский Указ «О размене государственных кредитных билетов», который установил правила обмена золота и серебра, как в слитках, так и в монетах, на билеты Государственного банка. Согласно указу, предусматривалось постепенное повышение обменного курса, чтобы со временем стоимость кредитных билетов сравнялась с ценой монет из драгоценных металлов. Процесс размена проходил в два этапа: с 1 мая по 1 августа 1862 года стоимость серебряного рубля составляла 110,5 копейки, а после 1 августа – 108,5 копейки. Официальный обмен кредитных билетов на звонкую монету начался с 1 мая того же года. В дальнейшем планировалось установить паритет курса – 1 рубль серебром за 1 кредитный рубль.

Однако количество банкнот, предъявленных для обмена, оказалось настолько большим, что уже в 1863 году запаса монет не хватило для продолжения обменных операций, и их пришлось прекратить. Министерство финансов продолжило политику, направленную на подготовку к будущей денежной реформе. В рамках этой политики использовались различные методы для частичного изъятия кредитных билетов из оборота, а также активно наращивался монетный фонд. В частности, начиная с 1867 года качество разменной серебряной монеты было ухудшено, а медная монета облегчена. Кроме того, был возобновлен выпуск казной депозитных билетов, которые стали использоваться как платежные средства. Депозитные билеты выдавались в обмен на звонкую монету, как русскую, так и иностранную, а также на золото и серебро в слитках, принимаемых для официальных платежей (Хеллер, 2008, С. 123). Более того, с 1877 года таможенные пошлины стали взиматься в золоте или в иностранной валюте, которая конвертировалась в вышеописанный драгоценный металл, что значительно увеличило размер налогового обложения. Это позволило России получить необходимые ре-

сурсы для расчетов с зарубежными кредиторами и свело к минимуму негативные последствия колебаний курса рубля (Кириллов, 2008, С. 167–168). Таким образом, приоритет в создании монетного фонда был отдан золоту. В марте 1877 года министр финансов М. Х. Рейтерн, ориентируясь на золотомонетный монометаллизм с учётом мирового опыта и обесценивания серебра относительно золота, представил в Комитет финансов предложение о разрешении сделок с использованием золота. Однако начавшаяся 12 апреля Русско-турецкая война вынудила отказаться от планов, так как для покрытия дефицита бюджета был начат выпуск необеспеченных кредитных билетов. В 1881 году вновь были предприняты шаги по стабилизации денежного обращения и подготовке реформы: императорским указом от 1 января 1881 года был объявлен план погашения кредитных билетов, выпущенных во время Русско-турецкой войны. Настоящий правовой акт предполагал прекращение выпуска кредитных билетов и сокращение действующих в экономическом обороте. Планировалось за восемь лет изъять кредитные билеты на сумму 400 млн рублей и подготовить почву для денежной реформы (Альтман, 2004, С. 45).

Однако предложенные меры не были реализованы в полном объеме, хотя в период с 1879 по 1886 год объём кредитных билетов в обращении за пределами Государственного банка сократился с 1152 до 906 млн рублей, что составляет более 21 % (Арзуманова, 2011, С. 250). Новым шагом в направлении золотого обращения стало введение Монетными правилами от 17 декабря 1885 года обязательного статуса золотой монеты как платёжного средства, принимаемого по номинальной стоимости. Это ознаменовало утрату серебряной монетой своего приоритетного положения, установленного реформой Е. Ф. Канкрин, и её уравнивание с золотой монетой в обращении.

Подготовка к денежной реформе, начатая министром финансов Н. Х. Бунге и продолженная И. А. Вышнеградским, включала следующие ключевые направления: сокращение бюджетного дефицита за счет увеличения косвенных налогов и сдержанного роста государственных расходов, что позволило в 1889 году впервые с 1861 года сбалансировать бюджет без дефицита (Морозан, 2004, С. 141), накопление золотого запаса на фоне корректировки торгового баланса. Для этого были предприняты меры по увеличению экспорта, прежде всего хлеба, даже в неурожайные годы, ограничению импорта через протекционистскую тарифную политику, привлечению внешних займов и наращиванию добычи золота. Следует отметить, что к концу XIX века Россия стала одной из ведущих стран по добыче золота. Накануне отставки И. А. Вышнеградского в министерстве финансов были разработаны ключевые принципы реформирования денежной системы: девальвация рубля, введение золотого монометаллизма, параллельное использование металлических и бумажных денег, гарантированный обмен кредитных билетов на золото, ограничение выпуска банкнот до уровня, соответствующего потребностям денежного оборота, разрешение казначейству принимать звонкую монету для уплаты налогов по установленному курсу, а также возможность использования золотых монет в частных расчетах (Степанов, 2004, С. 63).

Настоящие принципы были полностью воплощены в законодательных актах 1895–1897 годов. В августе 1890 года Вышнеградский получил разрешение немедленно приступить к покупке золота и заграничных тратт в значительных объемах с целью удержания цены золотого рубля на уровне не выше 1 рубля 50 копеек в кредитных билетах (Каценеленбау, 1926, С. 304). С вышеуказанного мо-

мента министерство финансов начало проводить валютные интервенции, которые использовались как для повышения, так и для понижения курса рубля. Понижение курса было связано с тем, что высокий курс был невыгоден экспортерам хлеба. Это привело к значительным колебаниям курса рубля, при этом средний уровень оставался относительно низким. В связи с этим противники реформ С. Ю. Витте, В. П. Мансуров утверждали, что курс кредитного рубля к 1896 году непременно поднялся бы до 85–90 копеек, если бы министерство финансов не вмешивалось с помощью искусственных мер (Каценеленбаум, 1926, С. 298).

В ходе проведения денежной реформы Государственный банк получил право на эмиссию банкнот под золотое обеспечение, строго ограниченное потребностями денежного обращения. Государственный банк осуществлял обмен валюты по фиксированному курсу. Золотое покрытие для выпуска банкнот должно было составлять не менее 50 % от общей суммы выпущенных банкнот, которая не превышала 600 млн руб. Закон позволял банку выпускать банкноты, не полностью обеспеченные золотом, на сумму до 300 млн руб. Банкноты, превышающие этот лимит, должны были быть полностью обеспечены золотом. В 1898 году в обращении находилось золота на сумму 436 млн руб., а в активах банка в России и за границей – более чем в два раза больше (1185 млн руб.). Однако этот золотой запас был обманчив, так как внешний долг России превышал указанную сумму (Мельникова, 2000, С. 116).

К 1 января 1881 года золотой фонд составлял 291,1 млн рублей, а к 15 декабря 1894 года он увеличился до 649,5 млн рублей (Брокгауз, 1991, С. 116). Рост золотых запасов страны был обусловлен активизацией добычи золота и в особенности привлечением внешних займов: с 1893 по 1898 год внешний долг России увеличился более чем на 1 млрд. рублей (Хромов, 1982, С. 114). После прихода С. Ю. Витте на должность министра финансов были предприняты меры для стабилизации курса рубля, в том числе активизация валютных интервенций; борьба со спекуляцией рублем как в Российской империи, так и за ее пределами; установление единого обменного курса. Чтобы снизить внутреннюю спекуляцию, были запрещены сделки на разницу при покупке и продаже золотой валюты. В 1893 году такие операции были запрещены на биржах, а банкам запретили участвовать в подобных сделках и за границей. В результате разница между максимальным и минимальным курсом рубля значительно сократилась: в 1895 году она составила всего 1,59 %, что стало большим улучшением по сравнению с предыдущими годами, когда в 1888 году разница достигала 36 %, а в 1891 году – 24,8 % (Морозан, 2004, С. 172). О стабильности рубля и низком уровне инфляции говорит тот факт, что банки предоставляли долгосрочные ипотечные кредиты на срок 55 ½ лет под 6,5 % годовых. Денежная реформа стала предметом активных дискуссий, в которых высказывались различные мнения относительно ее необходимости, сути, условий проведения и последствий. Настоящая мера способствовала стабилизации рубля, росту внутренних сбережений, улучшению капиталообразования в экономике империи, а также привлечению иностранных инвестиций и кредитов. Однако реформа оказалась очень затратной для государства и общества. За девять лет (с 1888 по 1896 год) золотой запас России утроился и к 1 января 1897 года составил 814 млн руб., что стало крупнейшей концентрацией золота (для сравнения: во Франции – 478,7 млн руб., в Англии – 202,6 млн руб.) (Селищев, 2007, С. 231).

В целях имплементации новой денежной реформы в экономическую систему Российской империи необходимо было разработать новый механизм эмиссии кредитных билетов. Так, 29 августа 1897 года император подписал указ, касающийся порядка выпуска кредитных билетов и их обеспечения. Указ гласил, что «государственные кредитные билеты выпускаются Государственным банком в объеме, строго ограниченном насущными потребностями денежного обращения и под обеспечением золотом» (Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, 1897, С. 2499–4288, 88, 111). Сумма золота, которая должна обеспечивать билеты, должна составлять не менее половины от общей суммы выпущенных кредитных билетов, если она не превышает 600 миллионов рублей (Верхоланцева Т. Ю., 2022, С. 130). Для кредитных билетов, находящихся в обращении свыше 600 миллионов рублей, требуется полное золотое обеспечение – один рубль за рубль, так чтобы на каждые 15 рублей в кредитных билетах приходилось не менее одного имперского рубля в золоте. Таким образом, указ ввел строгие условия для обеспечения кредитного рубля и подтвердил его девальвацию, а также демонетизацию серебра, которое перестало рассматриваться как гарантия бумажных денег.

Благодаря усилиям С. Ю. Витте и его предшественников были созданы необходимые условия для проведения денежной реформы, введшей в обращение кредитный рубль, обеспеченный золотом. К 1897 году это дало возможность Государственному банку накопить 1095 млн. рублей, что практически соответствовало количеству кредитных билетов в обращении. Правительство также дало разрешение банку проводить операции с золотом, включая покупку и продажу золотых монет. В 1895 году министр финансов С. Ю. Витте инициировал денежную реформу, в результате которой в обращение был введен разменный золотой рубль по курсу 1 золотой рубль = 1 руб. 50 коп. в кредитных билетах (1896 год). Фактически это привело к скрытой девальвации рубля, так как кредитный рубль был приравнен к 66 2/3 копейки в золотом эквиваленте (Хромов П. А., 1982, С. 115). По существующему на тот момент курсу золотой рубль содержал 17,424 доли чистого золота. Реформа способствовала снижению внутреннего государственного долга на одну треть, однако для её реализации потребовалось привлечь значительное количество золота через внешние займы, что, в свою очередь, увеличило задолженность царского правительства.

Внедрение золотого стандарта в экономику Российской империи в конце XIX века стало важнейшим шагом в процессе модернизации страны и укрепления ее позиций на мировом рынке. Этот процесс, который достиг кульминации с денежной реформой 1897 года, не только изменил структуру денежной системы России, но и оказал значительное влияние на ее экономическое развитие, промышленный рост и международную торговлю. Одной из главных целей внедрения золотого стандарта было создание стабильной валютной системы. До реформы российский рубль был неразмненным на золото, что приводило к резким колебаниям его курса и создавало препятствия для внешней торговли. Золотой стандарт установил фиксированное соотношение рубля и золота, что придало рублю стабильность и предсказуемость. Это было особенно важно в условиях глобализации конца XIX века, когда международная торговля и инвестиции играли ключевую роль в развитии стран. Государственный банк также стал важным звеном в обеспечении ликвидности и надёжности банковской системы. Основными результатами реформы стали

внедрение золотого монометаллизма в стране и преобразование Государственного банка в единственный эмиссионный центр. Одним из важнейших эффектов введения золотого стандарта было укрепление роли Государственного банка Российской империи, который стал главным органом, регулирующим денежно-кредитную политику. Банк России, с его обязанностью обеспечивать стабильность рубля, взял на себя функции распространения золотого паритета и поддержания валютных резервов. В условиях золотого стандарта центральный банк страны был обязан поддерживать фиксированный курс рубля относительно золота, что требовало постоянного контроля над объёмом денежной массы и координации с внешними финансовыми рынками. Переход на золотой стандарт способствовал расширению и модернизации частных и коммерческих банков в России. Структурная перестройка банковского сектора началась с роста числа учреждений, предоставляющих широкий спектр услуг – от депозитных вкладов до кредитования и эмиссии облигаций. При этом обеспеченность золотыми резервами позволяла частным банкам работать с большей уверенностью в своих долгосрочных обязательствах, что, в свою очередь, способствовало росту предпринимательской активности и укреплению делового климата.

Кроме того, для коммерческих банков переход на золотой стандарт создавал новые возможности для международных расчётов. Возможность свободного обмена рубля на золото сделала российские банки более конкурентоспособными на международной арене и способствовала росту их связей с иностранными финансовыми учреждениями, что дало им доступ к международному капиталу.

Несмотря на преимущества, золотой стандарт накладывал определённые ограничения на деятельность банков. Прежде всего, это касалось гибкости в регулировании денежной массы. Центральный банк не мог свободно эмитировать деньги в условиях финансовых кризисов или других экономических трудностей, поскольку увеличение денежной массы должно было быть обеспечено увеличением золотых резервов. В результате в периоды экономических спадов или кризисов банки сталкивались с нехваткой ликвидности, что приводило к банкротствам некоторых финансовых учреждений. К примеру, финансовый кризис 1907 года, вызванный недостаточной ликвидностью и спекулятивными операциями, показал, что золотой стандарт не всегда способен обеспечить необходимую гибкость банковской системы для эффективного реагирования на экономические потрясения. Банки также сталкивались с проблемой поддержания золотых резервов в условиях растущего внешнего долга и дефицита бюджета. Сложности с накоплением золота ограничивали способность банков обеспечивать кредиты и выполнять свои обязательства, что в итоге приводило к росту процентных ставок и увеличению финансовых рисков для заемщиков.

До начала Первой мировой войны денежное обращение оставалось стабильным: монеты обменивались на государственные кредитные билеты, происходило наращивание золотых запасов. Введение золотого монометаллизма сделало серебряный рубль вспомогательным платёжным средством. Расчёты в серебре между частными лицами были разрешены лишь в ограниченных объёмах: до 25 рублей – крупными номиналами и до 3 рублей – разменной монетой (Богданова, 2022, С. 128). Денежная реформа, наряду с другими факторами, значительно способствовала росту промышленного производства, которое в 1890-х годах увеличилось более чем в два раза, тогда как в Германии его рост составил 62 %, в США – 38 %, а в Англии – 27 % (Хейфец, 2003, С. 12).

Подводя итог настоящей работе, можно сделать вывод о том, что в конце XIX века в мире произошли значительные изменения в денежно-кредитной системе мировых рынков. Настоящее положение было обусловлено снижением покупательной способности серебра и необходимостью поиска соответствующих альтернатив. Более того, золотой стандарт не только обеспечивал стабильность валют, но и способствовал развитию международной торговли и инвестиций. Одной из главных причин перехода к золотому стандарту была необходимость в стабильной денежной системе. Золото как драгоценный металл имело долгую историю использования в качестве средства обмена и хранения стоимости. Обеспечение валюты золотом придавало уверенность как потребителям, так и инвесторам. Наряду с вышеуказанным необходимо отметить, что открытие новых месторождений золота в США и Австралии привело к завышению его стоимости на монетных дворах. Настоящие обстоятельства способствовали росту объемов торговли и инвестиций, что, в свою очередь, усиливало экономическое развитие. Особую роль внесла промышленная революция, произошедшая в XIX веке, которая вызвала резкий рост объемов производства и потребления. Для обеспечения вышеуказанного роста возникла объективная необходимость в надежной денежной системе, которая была бы способна поддерживать постоянно увеличивающуюся денежную массу. Золотой стандарт обеспечивал стабильность валюты, что позволяло странам финансировать свои экономические программы и развивать инфраструктуру. Страны, принявшие золотой стандарт, могли привлекать иностранные инвестиции, что дополнительно способствовало экономическому развитию.

Еще одним аргументом в пользу перехода на новую систему расчетов послужила мировая интеграция национальных экономик. В условиях глобализации и активного развития международной торговли переход на золотой стандарт значительно упростил расчеты между странами. Закрепление валют за золотом позволяло легко конвертировать одну валюту в другую, что упрощало торговлю и финансовые операции. Страны могли без труда обменивать свои валюты на золото, тем самым снижая риски, связанные с колебаниями валютных курсов. Это облегчало сделки и способствовало интеграции мировых рынков. В условиях растущей конкуренции между государствами за влияние на мировом рынке страны стремились создать унифицированные валютные системы. Золотой стандарт стал своего рода мировым языком для торговли и финансов. Он способствовал сближению валютных систем и облегчал взаимодействие между различными экономиками.

Таким образом, имплементация золотого рубля в банковскую систему империи увеличило доверие к российской валюте как внутри страны, так и на международной арене. Инвесторы и торговые партнеры больше не опасались резких обесценений, что способствовало притоку капиталов в Россию и активизации торговых связей. Фиксированный курс рубля стимулировал инвестиции в промышленность и инфраструктуру, так как предприниматели могли планировать долгосрочные проекты без риска серьезных валютных колебаний. Также иностранные инвесторы были более уверены в надежности своих вложений в российскую экономику, что способствовало развитию промышленности и улучшению транспортных и коммуникационных сетей всей империи. Привязка рубля к золоту обеспечивала его стабильность, что, в свою очередь, вело к стабилизации цен, снижению инфляционных ожиданий и развитию внутренних рынков. Эко-

номические субъекты – как предприятия, так и потребители – начали воспринимать рубль как надёжную валюту, что укрепляло доверие к финансовой системе и облегчало процессы кредитования и расчётов. Банковская система также претерпела изменения в ответ на введение золотого стандарта. Золотое обеспечение рубля потребовало формирования золотых резервов, что способствовало развитию центрального банка – Государственного банка Российской империи. Важнейшей задачей центрального банка было поддержание паритета рубля с золотым обеспечением, что требовало значительных усилий в условиях мировой нестабильности.

Вместе с тем стоит отметить тот факт, что внедрение золотого стандарта создавало строгие рамки для денежно-кредитной политики, ограничивая возможности государства в манипуляциях с денежной массой. Золотой стандарт способствовал интеграции экономики Российской империи в мировую финансовую систему. Стабильность рубля, обеспеченная золотом, облегчала внешние расчёты, упрощала международные торговые отношения и снижала риски валютных колебаний. Россия, будучи одним из крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции и сырья, могла выгодно торговать с другими государствами, поддерживая экспорт товаров. Страна также стала активным игроком на международных финансовых рынках, что дало ей доступ к капиталам иностранных инвесторов. Вместе с тем переход на золотой стандарт также подразумевал зависимость от внешних факторов, таких как колебания мировых цен на золото и экономические кризисы. Например, мировой экономический кризис 1907 года показал уязвимость золотого стандарта: несмотря на стабильность рубля, финансовые и экономические потрясения в других странах влияли на экономику Российской империи, ограничивая возможности для роста.

Введение золотого стандарта, несмотря на все свои преимущества, имело и определённые ограничения. Привязка рубля к золоту ограничивала возможности для гибкой денежно-кредитной политики. В случае экономических трудностей или финансовых кризисов государство не могло свободно увеличивать денежную массу, что налагало дополнительные трудности на возможность стимулирования экономики в условиях внешней или внутренней нестабильности. Привязка рубля к золоту тормозила возможности гибкой денежно-кредитной политики, особенно в периоды внешних или внутренних экономических потрясений. Россия была вынуждена поддерживать значительные золотые резервы, что, с одной стороны, обеспечивало стабильность рубля, а с другой – ставило страну в зависимость от внешних факторов, таких как изменение мировых цен на золото и финансовые кризисы. Например, в годы Первой мировой войны правительство Российской империи столкнулось с серьёзными проблемами финансирования военных расходов, но не могло выйти за рамки золотого стандарта без риска девальвации рубля. Более того, золотой стандарт требовал значительных расходов на поддержание золотых резервов, что налагало дополнительные финансовые обязательства на государственный бюджет. Для России, обладавшей относительно скромными золотыми резервами, это означало определённые экономические риски. Более того, несмотря на экономическую стабильность, золотой стандарт не принес одинаковых выгод всем слоям населения. Для среднего класса он стал фактором уверенности и роста благосостояния, тогда как для более бедных слоев населения, особенно крестьян и рабочих, стабилизация рубля не всегда приводила к

реальным улучшениям в условиях низких доходов и социальной нестабильности. Система золотого стандарта также ограничивала возможности государства в области социально-экономической политики, что влекло дальнейшее увеличение социального неравенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, введение золотого стандарта в Российской империи в 1897 году сыграло ключевую роль в стабилизации национальной валюты и интеграции страны в мировую финансовую систему. Привязка рубля к золоту обеспечила валютную стабильность, что способствовало развитию внутренних рынков, укреплению банковской системы и стимулированию внешней торговли. Российская империя стала более конкурентоспособной на международных рынках, а её финансовая система – более прозрачной и предсказуемой для иностранных инвесторов. Несмотря на валютные риски и инфляционные колебания, золотой стандарт позволил России использовать золото как универсальное средство расчетов, улучшив условия для ведения международной торговли и укрепив доверие к национальной валюте, как в стране, так и за её пределами.

Список литературы:

1. Friedman M. Bimetallism revisited // «Journal of Economic Perspectives». – 1990, № 4. EDN: BHTLQF.
2. Усоский, В. Н. Эволюция системы золотого стандарта и создание системы фидуциарного стандарта / В. Н. Усоский // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 2 (14). – С. 51–60. – EDN DQVSFA.
3. Моисеев, С. Р. Классическая система золотого стандарта / С. Р. Моисеев // Финансы и кредит. – 2003. – № 12 (126). – С. 24–34. – EDN HUXVOJ.
4. Моисеев, С. Р. Биметаллический денежный стандарт / С. Р. Моисеев // Финансы и кредит. – 2002. – № 13 (103). – С. 40–45. – EDN HVFGQJ.
5. Bordo, M. D. The gold standard as a rule: an essay in exploration / M. D. Bordo, F. E. Kydland // Explorations in Economic History. – 1995. – Vol. 32. – P. 423-464. – EDN HHJBIR.
6. Хеллер, К. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. I: А–М. М.: РОССПЭН, 2008. – 1470 с.: ил / К. Хеллер // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2009. – № 1 (54). – С. 219–221. – EDN UDZTJX.
7. Кириллов, А. К. В. Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацилло. История налогов в России. IX – начало XX в. / А. К. Кириллов // Вопросы истории. – 2008. – № 7. – С. 167–171. – EDN JSZSJ.
8. Денежные реформы в России: история и современность: сборник статей. – М.: Издательство «Древлехранилище», 2004. – 280 с. – EDN QRQYBP.
9. Арзуманова, Л. Л. Становление и развитие денежного обращения, в России начиная с X в. до реформ С. Ю. Витте / Л. Л. Арзуманова // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 5. – С. 249–252. – EDN OHLBSN.
10. Морозан, В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / В. В. Морозан. – Санкт-Петербург: Крига, 2004. – 400 с. – ISBN 5-901805-18-6. – EDN RBQLTP.
11. Степанов, В. Л. Разработка концепции денежной реформы 1895–1897 гг. Роль предшественников С. Ю. Витте / В. Л. Степанов // Денежные реформы в Рос-

сии: история и современность: сборник статей. – М.: Издательство «Древлехранилище», 2004. – С. 62–67. – EDN TAINNB.

12. Учение о деньгах и кредите / З. С. Каценеленбаум, проф. – 3-е изд. – М.: Экон. жизнь, 1926. – С. 304.

13. Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. – М.: Стрелец, 2000. – С. 116.

14. Россия: Энцикл. словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Эфрон (Санкт-Петербург). – Л.: Лениздат, 1991. – 874 с. + IV, С. 196.

15. Экономическая история СССР: Первобыт.-общин. и феодал. способы пр-ва в России: (Учеб. пособие для экон. спец. ун-тов) / П. А. Хромов. – М.: Высшая школа, 1988. – 270 с.

16. Селищев, А. С. Деньги. Кредит. Банки: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит» / А. С. Селищев. – М.: Питер, 2007. – 427 с. – (Учебник для вузов).– EDN QROBTR.

17. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, 1897, 2-е полугодие: 1897, 2-е полугодие: (№ 68–102). – 1897. – С. 2499–4288, 88, 111 с., (3) л. ил.

18. Верховланцева, Т. Ю. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате в фонде отдела официальных и нормативных изданий РГБ / Т. Ю. Верховланцева // Румянцевские чтения – 2022: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Москва, 21 апреля 2022 года. Том Часть 1. – Москва: Издательство «Пашков дом», 2022. – С. 128–133. – EDN NXCKFX.

19. Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования: Сборник материалов Пятой Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 13–14 октября 2022 года / Под ред. А. А. Богданова. Том Выпуск V. – Санкт-Петербург: АО «Гознак», 2022. – 532 с. – ISBN 978-5-906708-48-9. – EDN WXHUOO.

20. Хейфец, Б. А. Кредитная история России: Характеристика сувер. заемщика / Б. А. Хейфец; Б. А. Хейфец. – М.: Экономика, 2003. – ISBN 5-282-02294-X. – EDN QQDJKF.

Сведения об авторе:

СТОЛЯРОВ Александр Андреевич, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, e-mail: Stolyarov.po4ta@yandex.ru, SPIN-код: 7371-3903, AuthorID: 1241839; <https://orcid.org/0009-0001-8482-1409>

References:

1. Friedman, M. (1990) Bimetallism revisited. *Journal of Economic Perspectives*. no. 4. (In Russ.). EDN: BHTLQF.

2. Usosky, V. N. (2019) Evolution of the gold standard system and the creation of a fiduciary standard system. *Law. Economics. Psychology*. no.2 (14). P.51-60. (In Russ.). EDN DQVSFA.

3. Moiseev, S. R. (2003) Classical gold standard system. *Finance and credit*. no. 12 (126). P. 24-34. EDN HUXVOJ. (In Russ.).

4. Moiseev, S. R. (2002) Bimetallic monetary standard. *Finance and credit*. no.13 (103). P. 40-45. (In Russ.).- EDN HVFGQJ.
5. Bordo, M. D. and Kydland, F. E. (1995) The gold standard as a rule: an essay in exploration. *Explorations in Economic History*. Vol. 32. P. 423-464. (In Russ.). EDN HHJBIR.
6. Heller, K. (2009) Economic history of Russia from ancient times to 1917: Encyclopedia. T. I: A-M. M.: ROSSPEN, 2008. - 1470 p.: ill. *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*. no. 1 (54). P. 219-221. (In Russ.). EDN UDZTJX.
7. Kirillov, A. K., Zakharov, V. N., Petrov, Yu. A. and M. K. Shatsillo. (2008) History of taxes in Russia. IX – early XX centuries. *Questions of history*. no. 7. P. 167-171. (In Russ.). EDN JSAZSJ.
8. Monetary reforms in Russia: history and modernity: a collection of articles. Moscow: Izdatelstvo "Drevlekhraanilishche", 2004. 280 p. ISBN 5-93646-043-6. (In Russ.). EDN QRQYBP.
9. Arzumanova, L. L. (2011) Formation and development of money circulation in Russia starting from the X century. to the reforms of S. Yu. Witte. *Gaps in Russian legislation*. no. 5. P. 249-252. (In Russ.). EDN OHLBSN.
10. Morozan, V. V. (2004) *History of banking in Russia (second half of the 18th - first half of the 19th century)*. St. Petersburg: Kriga, 400 p. (In Russ.). EDN RBQLTP.
11. Stepanov, V. L. (2004) Development of the concept of monetary reform of 1895-1897. The role of predecessors of S. Yu. Witte. *Monetary reforms in Russia: history and modernity: collection of articles*. M.: Izdatelstvo "Drevlekhraanilishche", P. 62-67. EDN TAINNB. (In Russ.).
12. Katsenelenbaum, Z. S. (1926) The doctrine of money and credit, prof. 3rd ed. M.: Ekon. zhizn, P. 304. (In Russ.).
13. Melnikova, A.S., Uzdzenikov, V.V. and Shikanova, I.S. (2000) Money in Russia. History of Russian monetary economy from ancient times to 1917. M.: Strelets, P. 116. (In Russ.).
14. Russia: Encyclopedic dictionary. Publishers: F.A. Brockhaus (Leipzig), I.A. Efron (St. Petersburg). L.: Lenizdat, 1991. 874 p. + IV, p. 196. (In Russ.).
15. Economic history of the USSR: Primitive communal and feudal modes of production in Russia: (Textbook for economic specialty universities). M.: Higher School, 1988. 270 p. (In Russ.).
16. Selishchev, A. S. (2007) Money. Credit. Banks: textbook for students studying in the specialty "Finance and Credit". M.: Piter, 427 p. (Textbook for universities). (In Russ.). - EDN QROBTR.
17. Collection of laws and regulations of the Government, published under the Governing Senate, 1897, 2nd half-year: 1897, 2nd half-year: (no. 68-102). 1897. p. 2499-4288, 88, 111 p., (3) p. ill. (In Russ.).
18. Verkholtantseva, T. Yu. (2022) Collection of laws and regulations of the Government, published under the Governing Senate in the collection of the Department of Official and Regulatory Publications of the Russian State Library. *Rumyantsev Readings – 2022: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. In 2 parts, Moscow, April 21, Volume Part 1. Moscow: Pashkov Dom Publishing House, 2022. p. 128-133. (In Russ.).- EDN NXCKFX.
19. Money in Russian History. Issues of Production, Circulation, and Existence: Collection of Materials of the Fifth International Scientific Conference, St. Petersburg,

October 13–14, 2022 / Ed. A. A. Bogdanov. Volume Issue V. St. Petersburg: Goznak JSC, 2022. 532 p. (In Russ.). EDN WXHUOO.

20. Kheifets, B. A. (2003) Credit History of Russia: Characteristics of the Sovereign Borrower. Moscow: Economica. (In Russ.).– EDN QQDJKF.

Author:

STOLYAROV Alexander A., Graduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, e-mail: Stolyarov.po4ta@yandex.ru, SPIN-code: 7371-3903, AuthorID: 1241839; <https://orcid.org/0009-0001-8482-1409>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КОЛЛЕКЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЫ

М. А. Комова

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
Адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

Поступила
в редакцию
15.12.2024

Поступила
после
рецензирования
19.02.2025

Принята
к публикации
21.03.2025

Аннотация. Целью исследования является реконструкция процесса формирования коллекции предметов из дореволюционной коллекции древнерусской живописи и скульптуры Орловского епархиального музея или Музея Орловского Церковного историко-археологического общества (далее – ОЦИАО).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью реконструкции состава коллекции дореволюционного епархиального музея, в целях выявления сохранившихся экспонатов, выявления наличия в церквях Орловской епархии предметов, входивших в дореволюционное собрание Епархиального музея.

Работа написана с использованием методов системности, анализа и синтеза, хронологического метода. Это позволило изучить процесс поиска и классификации памятников древнерусской живописи и скульптуры в Орловской епархии во второй половине XIX-первой четверти XX вв.

Источниками данной работы являются неизданные материалы дореволюционных отчетов ОЦИАО. Они разрознены и упоминаются в ряде письменных источников. В них указаны поступившие в Музей предметы, их датировка и место изготовления. В результате исследования была осуществлена реконструкция перечня икон из коллекции Орловского епархиального музея (Музея ОЦИАО). Проведен анализ истории изучения церковных древностей (произведений древнерусской живописи и скульптуры), определены основные направления в развитии научного знания об их изучении в Орловском крае членами ОЦИАО. Сбран, введен в научный оборот и проанализирован комплекс архивных материалов и дореволюционной документации, в которых преобладают не привлекавшиеся исследователями ранее архивные материалы, неопубликованные документы российских архивов (ГАОО, ГИМ ОПИ) и дореволюционные периодические издания из Краеведческого отдела Орловской библиотеки И.А. Бунина. Выводы основываются на научно-исследовательской работе автора в качестве аттестованного эксперта Министерства культуры РФ с произведениями иконописи и церковной скульптуры.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, ризница, древлехранилище, церковный музей, церковно-археологический кабинет, церковное искусство, произведения средневековой иконописи, поздние русские иконы, древнерусская деревянная скульптура

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Комова М. А. История формирования дореволюционной коллекции древнерусской живописи и скульптуры // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 54–82. EDN OHOHFE. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-54-82>.

© Комова М. А., 2025

Original article

HISTORY OF THE FORMATION OF THE PREREVOLUTIONARY COLLECTION OF ANCIENT RUSSIAN PAINTING AND SCULPTURE OF THE OREL DIOCESAN MUSEUM

M. A. Komova

Orel State University named after I.S. Turgenev
Address: 95, Komsomolskaya st., 302026, Orel, Russia

Received
15.12.2024

Revised
19.02.2025

Accepted
21.03.2025

Abstract. The purpose of the study is to reconstruct in the process of forming the collection of items from the pre-revolutionary collection of Old Russian painting and sculpture of the Orel Diocesan Museum or the Museum of the Orel Church Historical and Archaeological Society (hereinafter referred to as the MOCHAS).

The relevance of the research is due to the need to reconstruct the collection of the pre-revolutionary Diocesan museum in order to identify preserved exhibits, to identify the presence of objects that were part of the pre-revolutionary collection of the Diocesan Museum in the churches of the Orel Diocese.

The work is written using the methods of consistency, analysis and synthesis, as well as the chronological method. This made it possible to study the process of searching and classifying monuments of Old Russian painting and sculpture in the Orel Diocese in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries.

The sources of the study are the unpublished materials with pre-revolutionary reports of the MOCHAS. These materials are scattered and distributed across many written sources. They contain the items received in the museum, their dating and place of manufacture. As a result of the research there was completed reconstruction of the list of icons from the collection of the Orel Diocesan Museum (the MOCHAS Museum). An analysis of the history of the study of church antiquities (artworks of Old Russian painting and sculpture) was carried out, the main directions in the development of scientific knowledge about their study in the Orel region by members of the MOCHAS were determined. A set of archival materials and pre-revolutionary documentation was collected, introduced into scientific circulation and analyzed. Archival materials previously not used by researchers, unpublished previously documents from Russian archives (GAOO, GIM OPI) and pre-revolutionary periodicals from the Local History Department of the Orel Library of I.A. Bunin predominate in these materials and documents. The conclusions are based on research work of the author as a certified expert of the Ministry of Culture of the Russian Federation with artworks of icon painting and church sculpture.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church, sacristy, ancient repository, church museum, church-archaeological cabinet, church art, works of medieval icon painting, late Russian icons, ancient Russian wooden sculpture

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations : Komova, M.A. (2025) History of the formation of the collection of ancient Russian painting and sculpture of the Orel diocesan museum. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.54–82. EDN OHOHFE. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-54-82>

ВВЕДЕНИЕ

Целью исследования является максимально подробное восстановление перечня предметов из дореволюционной коллекции древнерусской живописи и скульптуры Орловского епархиального музея, или Музея Орловского церковного историко-археологического общества (далее – ОЦИАО, Музей ОЦИАО), изучение процесса выявления и систематизации памятников древнерусской живописи и скульптуры в Орловской епархии во второй половине XIX – первой четверти XX века, а также выявление в современных церквях Орловской епархии предметов, проходивших как поступившие в дореволюционное собрание епархиального музея, согласно материалам ОЦИАО.

В 2024 году автор статьи был назначен научным консультантом при воссоздании епархиального музея в Орле и, имея специальную подготовку по исследованию памятников древнерусского искусства, впервые приступил к сопоставлению сохранившихся старинных предметов в новом епархиальном музее и описаний предметов из дореволюционного Музея ОЦИАО и архивных материалов.

При работе с архивными документами, обследовании собраний действующих церквей было выявлено несколько предметов, которые соответствуют дореволюционным описаниям предметов церковной старины, привезенных из региональных экспедиций членами Орловского церковного историко-археологического общества. Эти предметы ранее не были введены в научный оборот, не идентифицированы, не систематизированы, им не дана историческая атрибуция. Поэтому автор все эти исследования реализует в данной статье. Уточненный в данном исследовании перечень предметов дореволюционного Музея ОЦИАО включает, кроме старопечатных и рукописных книг, предметов русского быта и археологии, древнерусские и поздние русские иконы, русские деревянные скульптуры, меднолитую пластику религиозного содержания, а также перечень фотографий предметов из собрания. Восстановленный перечень позволит надеяться на возможное выявление части сохранившихся в фондах орловских музеев и в собраниях храмов Орловской митрополии предметов из Музея ОЦИАО. При сравнении с известным списком предметов Музея ОЦИАО, включающим произведения иконописи и скульптуры, подготовленным в 1910 г. П. С. Ткачевским, полученных автором в данном исследовании результатов становится очевидным, что список Ткачевского неполный, так как он завершается 1910 г., а музейное собрание комплектовалось до конца 1917 г. И даже в списке П. С. Ткачевского 1910 г. отсутствуют предметы, которые перечисляются на заседаниях ОЦИАК и ОЦИАО как подаренные, купленные или переданные из предыдущего собрания «древлехранилища» при семинарии. В результате проведенного исследования архивных источников и дореволюционной печати выявлено 37 предметов и 11 фотографий, наименования которых, а в ряде случаев датировка, место изготовления и стиль нам известны. Предметы распределены по разделам: коллекция икон (12 предметов); коллекция русской деревянной скульптуры XVII–XIX вв. (15 предметов); произведения древнерусской и византийской пластики (литье, резьба по камню) (10 предметов); коллекция фотодокументов и авторской графики ОЦИАО (фотографии, рисунки местночтимых икон – 11 фотографий).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Трагическая судьба коллекции старинных икон и древнерусской скульптуры, составлявших экспозицию и фонды Орловского епархиального музея, после 1917 г. наложила свой отпечаток на физическую сохранность произведений, а также на информацию о происхождении памятников, зачастую лишенных сопроводительной документации. Также в документах, введенных ранее в научный оборот, отсутствует перечень с точными наименованиями и датировкой произведений иконописи и русской деревянной скульптуры из собрания ОЦИАО. Актуальность данного исследования обусловлена существованием неизданных материалов с дореволюционными отчетами ОЦИАО, где указаны поступившие в музей предметы, их датировка и место изготовления. Эти материалы разрозненны и распределены по множеству письменных источников. Их систематизацией исследователи ранее не занимались. Поэтому требуется провести изучение материалов для восстановления списка древнерусской живописи и скульптуры из экспозиции и фондов Музея ОЦИАО. Это может помочь найти сохранившиеся в современных церковных собраниях Орловской епархии предметы из дореволюционного собрания Музея ОЦИАО, а также предоставит возможность выявить утраченные предметы и фотодокументы из восстановленного по документам перечня в фондах современного Орловского краеведческого музея.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Историей дореволюционного епархиального музея (Музея ОЦИАО), чье собрание было передано Орловскому губернскому, затем краеведческому музею, успешно занимались многие исследователи. Были, в частности, изучены персональные биографии ученых, которые формировали коллекции, занимались исследованиями памятников, изучен историко-культурный и социологический контекст музейного дела в Орле. История музейного дела и вопросы изучения древнерусской иконописи в XIX в. отражены в фундаментальной монографии Г. И. Вздорнова. Историко-культурный контекст возникновения интереса к наследию Православной Церкви раскрыт во вступительной статье к коллективной монографии (Ливцов В. А., Богатырев Р. А., Комова М. А.). Так, историк И. Л. Ашихмин и культуролог Е. Е. Свешникова достаточно подробно реконструируют становление музейного дела в период после 1917 г., приводя фамилии участников и сведения о репрессиях во время «дела краеведов», перечисляя заседания научных коллективов и указывая цифровые показатели экспонатов. Но о конкретных предметах из коллекции ОЦИАО в статьях И. Л. Ашихмина не упоминается. Археолог Г. П. Поляков в своих статьях, посвященных собранию ОЦИАО, первым исследовал архивный документ – «Доклад П. С. Ткачевского от 27 августа 1910 г.», где приведен перечень предметов Музея ОЦИАО. Но данные о предметах в его исследованиях не систематизированы, наименования и датировки не уточнены, а основной акцент поставлен на археологических находках и истории музея. Кроме того, Поляков не приводит иные архивные источники, где были бы перечислены предметы, поступившие в Музей ОЦИАО после 1910 г. Поэтому история формирования фондов и экспозиции епархиального музея, дальнейшая судьба его собрания остается недостаточно изученной, хотя поступавшие в Музей ОЦИАО древности упоминались в «Орловских епархиальных ведомостях» с 1900 по 1917 г. Мало того, история конкретной музейной коллек-

ции древнерусской живописи и скульптуры в монографических исследованиях и статьях не отражена.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основе работы лежат широкий взгляд на выбор источников и междисциплинарность, позволяющие рассмотреть связь исторического процесса и предметов церковной старины (произведения древнерусской живописи и скульптуры). Был использован традиционный научный подход к исследованию с соблюдением принципа историзма, научной объективности и целостности. Для всестороннего изучения историко-культурных явлений дополнительно использовались понятия и материалы таких гуманитарных дисциплин, как история искусства, культурология, филология, музеология, теология. При написании статьи были использованы общенаучные (анализ и синтез) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-хронологический) методы; методы историографического исследования – сравнительно-исторический, историко-генетический, ретроспективный, а также перспективного анализа, аналитический и герменевтический методы.

ЧТО НОВОГО ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Было осуществлено детальное историческое восстановление перечня икон из коллекции Орловского епархиального музея (Музея ОЦИАО). Проведен анализ истории изучения церковных древностей (произведений древнерусской живописи и скульптуры), определены основные направления в развитии научного знания об их изучении в Орловском крае членами ОЦИАО. Сбран, введен в научный оборот и проанализирован комплекс архивных материалов и дореволюционной документации, в которых преобладают не привлекавшиеся исследователями ранее архивные материалы, ранее не опубликованные документы российских архивов (ГИМ ОПИ, ГАОО) и дореволюционные периодические издания из краеведческого отдела Орловской библиотеки им. И. А. Бунина. Помимо изучения и анализа обширной источниковой базы, выводы основываются на многолетней личной научно-исследовательской работе автора в качестве аттестованного эксперта Министерства культуры РФ с произведениями иконописи и церковной скульптуры, включавшей их историко-искусствоведческое изучение и атрибуцию.

В 2024 году автор статьи был назначен научным консультантом при воссоздании епархиального музея в Орле и, имея специальную подготовку по исследованию памятников древнерусского искусства, впервые приступил к сопоставлению старинных предметов, сохранившихся в новом епархиальном музее, с описанием предметов из дореволюционного Музея ОЦИАО и архивных материалов. При работе с архивными документами, при обследовании собраний действующих церквей было выявлено несколько предметов, которые соответствуют дореволюционным описаниям предметов церковной старины, привезенных из региональных экспедиций членами Орловского церковного историко-археологического общества. Эти предметы ранее не были введены в научный оборот, не идентифицированы, не систематизированы, им не дана историческая атрибуция. Поэтому автор все эти исследования реализует в данной статье.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕМАТИКИ

Бытование в Орловской епархии произведений древнерусского искусства и церковной скульптуры требует дальнейшего комплексного исследования, которое предполагает поэтапную детальную реконструкцию процесса формирования коллекции дореволюционного епархиального музея в Орле, выявления части предметов, которые могут продолжать находиться в епархиальных собраниях, их исследование и введение в научный оборот; формирование современной экспозиции с опорой на традиции дореволюционного Музея ОЦИАО; выявление новых эффективных форм исследовательской и экспозиционной деятельности епархиального музея в Орле; осмысление значения музейного собрания для музейной практики и культурной жизни региона.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Перед представлением результатов исследования архивов и дореволюционной периодики, по которым можно восстановить максимально полный перечень памятников иконописи и русской деревянной скульптуры из собрания Музея ОЦИАО, проанализируем материалы, показывающие генезис и дальнейшее развитие интереса к научному изучению церковных древностей в Российской империи и, в частности, Орловской губернии в XIX – первой четверти XX века. Также нас интересует, как этот гражданский интерес привел к коллективной практике научного изучения предметов церковного искусства.

В 2024 г., согласно указу митрополита Тихона, главы Орловской и Болховской епархии, был воссоздан епархиальный музей, получивший посвящение в честь новомученика орловского Серафима (Остроумова), последнего орловского дореволюционного епископа, избранного почетным членом Орловского церковного историко-археологического общества (ОЦИАО). Современный музей был учрежден в память о существовавшем в Орле еще до 1917 г. Перед открытием нового епархиального музея в Орле работа по сбору предметов церковного обихода и искусства велась в течение года. Вновь составленная экспозиция охватывает множество памятников христианского религиозного обихода, раскрывает в деталях православное богослужение. Современный музей предлагает уникальную коллекцию движимых ценностей, отражающую многовековую историю православия, начиная от археологических предметов, относящихся к культуре союза племен вятичей до Крещения Руси, предметов периода христианизации восточной Черниговщины, бытования Верховских княжеств, становления единого Московского государства (домонгольские кресты-энколпионы, старинные копии резных древнерусских скульптур «Никола Мценский» и «Никола Болховский», иконы старообрядческих мастерских, фрагменты скульптурного декора резных иконостасов орловских церквей) вплоть до истории Русской Православной Церкви в XVIII–XX вв. (Комова, 2012, С. 11–15). Эта уникальная коллекция предметов религиозного обихода, документов и фотографий, которые никогда не публиковались и не изучались прежде. В числе данного собрания случайно были выявлены несколько старинных предметов, имеющих отношение к дореволюционной коллекции ОЦИАО.

Отметим, что в имперский период в Орле были открыты несколько музеев, в собрание которых входили произведения древнерусской живописи и скульптуры. Так, в 1897 г. в Орле возник губернский историко-археологический музей (Свеш-

никова, 2011, С. 86–93). Чуть позднее, в 1900 г., открылся музей при Орловском церковном историко-археологическом комитете – ОЦИАК (затем, с 1905 г., Музей при ОЦИАО, он же Орловский епархиальный). В фондах Музея ОЦИАО находилось более 1500 предметов, распределенных по разделам: «1) литейных произведений и икон; 2) рукописей, старопечатных книг и архивных материалов; 3) церковной утвари, шитья и предметов бытового характера; 4) археологического (памятники религиозной культуры и быта)» (Поляков, 2010, С. 53–57). П. С. Ткачевский, уточняя позицию общества по выбору предметов для экспозиции, отмечал, что «для посетителей Музея помимо древностей церковных более-менее известного времени христианской эры, представляется возможность ознакомиться как с древними христианскими же (памятниками), но более отдаленного (времени)» (Ответ Археологического общества // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1911. С. 222). В 1909 г. Музей ОЦИАО удостоился посещения председателя Императорского археологического общества и главы Комиссии по сохранению древних памятников – княгини П. А. Уваровой (Ответ Археологического общества // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1911. С. 219). Ткачевский, исходя из своих научных интересов, разделял предметы «церковного периода» (имеется в виду период русской истории XI–XIX вв.) и памятники «отдаленного времени» (надо понимать, археологические памятники христианской античности и византийского периода). Отметим, что и П. С. Ткачевский, и его коллега И. С. Комягинский (с 1909 г. хранитель Музея ОЦИАО) прошли научную подготовку в качестве слушателей Московского археологического института (Свешникова, 2005, С. 378–379). Так, Музей ОЦИАО к 1910 г. стал одним из самых крупных провинциальных музеев данного церковного профиля, сотрудники которого получили качественное для того времени научное образование.

Музею ОЦИАК положили начало следующие собрания: древлехранилище Орловской духовной семинарии, ризница Орловского архиерейского дома (далее – Архиерейский дом (двор)), древности из церквей, монастырей, пожертвования частных лиц и общественных организаций. Памятники древней иконописи и церковной скульптуры, металлического литья выявлялись членами ОЦИАО непосредственно в действующих храмах, в усадебных собраниях либо в процессе проводимых археологических раскопок, проходивших на территории Орловской и Севской епархии (Голотвин, 2019, С. 452–467). Музейные экспонаты были распределены по разделам: археологический (более 420 предметов), церковное шитье (богослужебные облачения, покровцы, плащаницы), церковно-обиходный (с памятниками русской деревянной скульптуры XVIII–XIX вв. и фрагментами иконостасов и царских врат, резных крестов), металлическое литье (богослужебные предметы, иконные металлические складни), региональное иконное наследие (более 70 предметов). Отдельным музейным разделом была археологическая коллекция «крестов, складней, панатий и энколпионов, включавшая свыше 800 предметов, подаренная местным любителем и знатоком старины Л. И. Пущиным», внуком декабриста, орловским старожилом, построившим знаменитый в Орле «Дом с грифонами», где специальный зал был предназначен для хранения древностей (ГАОО. Ф. 711. Оп. 1. Д. 2. Л. 18. Опись коллекции Л. И. Пущина). Собрание древностей Л. И. Пущина, переданное в Музей ОЦИАО, было размещено в «специальных витринах» (Сводный отчет ОЦИАО за 1910, 1911 и 1912 гг. / Орловские епархиальные ведомости. № 32. 1913. С. 897). К сожалению, из обшир-

ной пушкинской коллекции древностей в современном Орловском краеведческом музее выставляются только коллекция традиционной русской одежды и старинные предметы обихода и мебели. Предметы религиозного назначения из коллекции Л. Пушина не сохранились. Во всяком случае, нет перечня, отношение которого в ОКМ была бы задокументирована как ранее принадлежавшая Л. И. Пушину. Это связано с историей собрания и идентификацией предметов из собрания ОКМ, который был преемником нескольких последовательно сменявших друг друга музеев в первой трети XX в.: Музея ОЦИАО, Орловского губернского, Историко-художественного.

В 1917 г. собрание Музея ОЦИАО было спасено благодаря активности секретаря ОЦИАО И. С. Комягинского, который в 1918 г. написал письмо в Московское областное управление архивным делом с просьбой прислать охранную грамоту губернскому музею (ГИМ ОПИ (Государственный исторический музей. Отдел письменных источников). Ф. 54. 874. Л. 33–37). Другой активный член ОЦИАО – П. С. Ткачевский, занимая должность хранителя музея, передал в Орловский губернский музей многие экспонаты, дополнив коллекцию предметами, собранными в региональных церквях и усадьбах (Ткачевский П. Орловский музей при Губна-робразе // «Наша работа»: журнал-ежемесячник. 1920. Февраль (№ 1). С. 121–124). Губернский музей с обновленной экспозицией был открыт только в 1919 г. под новым наименованием – «Историко-художественный» (Ашихмин, 2022, С. 79–81). В 1925 г. был образован объединенный Орловский государственный музей с филиалами: историко-художественным, Тургеневским и естественно-историческим, руководство которым было поручено П. С. Ткачевскому. Именно на его базе в 1932 г. был создан Орловский краеведческий музей (Ашихмин, 2022, С. 26–33). В 1937 г. часть коллекции предметов культа передана в новоучрежденный Орловский антирелигиозный музей, располагавшийся в Богоявленской церкви в Орле, который был закрыт в 1941 г., перед оккупацией. Судьба его многих экспонатов неизвестна. Некоторые из них вернулись в церкви, где до революции сложилось их местное почитание, например русская деревянная скульптура «Никола Мценский» (конец XVII в.) из Никольского собора г. Мценска (Комова, 2017, С. 88–90). Отставка и последовавший арест П. С. Ткачевского по «делу краеведов» в 1927 г., невозвращение из эвакуации в период Великой Отечественной войны ряда музейных предметов привели к полной утрате коллекции икон и русской деревянной скульптуры из бывшего собрания Музея ОЦИАО (Поляков, 2010, С. 127–129).

В последующий советский период история собрания древнерусской иконописи и скульптуры не изучалась. Только в 2003 г. вышел «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны» (далее – Каталог). Том № 9 Каталога посвящен утраченным иконам из собрания Орловского краеведческого музея. Среди перечисленных в каталоге 36 икон и богослужебных предметов по атрибутивным данным можно узнать несколько ранее зафиксированных в коллекции дореволюционного Музея ОЦИАО. К сожалению, в Каталоге не указаны данные о поступлении предметов в краеведческий (ранее историко-художественный) музей (только одна запись раскрывает имя заказчика – «помещик Бардин, масон»), отсутствует фотофиксация (исключение – икона Богоматери Казанской в жемчужном окладе, XVIII в., кат. 181; крест на престольный, серебро, жемчуг, XVII в., кат. 203). Отсутствие данных о судьбе и полном списке

иконной коллекции дореволюционного Музея ОЦИАО побудило автора изучить данный вопрос.

Организации музеев в Российской империи в XIX в. предшествовали исторические предпосылки формирования общественного интереса к древностям российским. Особым фактором следует назвать высокое патриотическое настроение, возникшее в русском обществе после победы над войском Наполеона в Отечественной войне 1812 г., связанное как с национальными триумфами и победами, так и с просветительством и культурным развитием страны. Начало XIX в. в России было ознаменовано значительным возрождением религиозной жизни, усилением православия и его роли в российском обществе, что сопровождалось интересом к историческому наследию Православной Церкви, включая церковные древности. Следующим фактором надо назвать духовное просвещение: в этот период активно развивается образование, включая духовное образование, раскрывающее историю Православной Церкви и ее материального и духовного наследия (Ливцов, Комова, Богатырев, 2022, С. 80–81). Третьим фактором, приведшим к интересу к археологическим древностям, был рост национального самосознания, приведший к формированию русской национальной идентичности. В середине – второй половине XIX в. это повлекло активный интерес к русской иконописи как актуальному символу православия, предвосхитивший ее научное открытие в XX в.

Культурные и исторические памятники, в том числе церковные художественные древности, к середине XIX в. стали рассматриваться как проявление русской национальной культуры и ее исторических достижений. В этот период развивался интерес к архитектуре и искусству, включая религиозную архитектуру и религиозную живопись (иконопись, фреска, пластика малых форм). Церковные древности стали рассматриваться как национальное достояние, символизирующее величие и красоту русской культуры, как отмечал известный искусствовед Г. И. Вздорнов в монографии «Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи» (Вздорнов, 2006, С. 10–15). Все эти исторические предпосылки способствовали формированию общественного интереса к церковным древностям и местночтимым святыням в России, в том числе в Орловской губернии, к середине XIX века.

В 1820-е гг. в Орловской епархии начали активно изучаться особые для религиозной культуры края места, связанные с прославлением местночтимых икон. Изучение памятников древности тогда предпринималось еще не с целью коллекционирования (как сбор древних экспонатов для древлехранилищ и ризниц), а в первую очередь для возобновления знаний о памятниках церковной старины с просветительскими целями, связанными с религиозной практикой и паломничеством к святым местам. Ярким эпизодом представляется изучение обстоятельств появления регионального почитания святых мест, в частности древнего колодца на Мценском городище как места явления резной иконы Николая Ратного. Применительно к этому периоду относится деятельность преосвященного Гавриила, епископа Орловского и Севского (Василия Федоровича Розанова (1781–1858), который впервые пересказывает в своей публикации древнюю легенду о явлении иконы Николая Чудотворца на горе Самород и обновлении древнего колодца на месте обнаружения древнерусской деревянной скульптуры во Мценске (Письмо «От Преосвященного Гавриила, епископа Орловского и Севского – О тайнике, найденном в городе Мценске» от 2-го Апреля 1825 г. // Отечественные записки. Ч. 22. 1825. С. 429–440). Чуть позже, в 1881 г., в сказе «Левша» писатель Н. С. Лесков

напомнил о почитании во Мценске этой известнейшей в России иконы-скульптуры Николая-угодника. Этот резной образ, помещенный в городском Николаевском храме, считался реликвией. Жители Орловской епархии традиционно считали Мценск «домом Святого Николы», названным так в честь центрального собора города, где находилась святыня. В паломничество к известной иконе из дальних губерний приходили люди.

В Орловской епархии начинаются работы по системному сбору исторических сведений о региональных церковных древностях. Проводится анализ доступного материала, включающего историю древностей и местночтимых икон, информацию о которых получали в результате региональных поездок и опроса прихожан храмов. Этот период был важным для сохранения исторической памяти. С 1865 года составление настоятелями храмов Орловской епархии церковных летописей стало обязательным. Выдержки из них неоднократно публиковались в «Орловских епархиальных ведомостях». Тогда же были опубликованы материалы об иконе Троицы из Преображенской церкви г. Орла, сообщающие об истории бытования иконы, о деталях ее почитания и прославления (Об иконе Пресвятой Троицы, находящейся ныне в Преображенской церкви г. Орла // Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 3. С. 111–115). Описание иконы касается в основном точного размера и драгоценного оклада, что было характерно для описания икон в XIX в. Отсутствует фиксация деталей иконографии и стиля. В том же году начинают печатать монументальный труд Иерофея, архимандрита Свенского монастыря, посвященный истории монастыря и его святыням, в первую очередь древней иконе 1288 г., где даются обширные сведения об историко-культурном контексте бытования святыни. Текст ориентирован на пересказ позднесредневекового «Сказания о зачатии Свенского монастыря», а также на значительный архивный материал (монастырские летописи, синодик, архивные документы) (Иерофей, архимандрит. О Свенской чудотворной иконе // Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 6. С. 234–243).

С середины XIX в. в Российской империи создаются епархиальные музейные собрания и древлехранилища. В 70-е гг. XIX в. церковные музеи при духовных академиях и семинариях были немногочисленны и невелики, а доля произведений иконописи и церковной скульптуры была мала (например, в большинстве храмов после знаменитого указа императора Петра I 1722 г. были утрачены русские деревянные скульптуры, исключая разрешенные изображения Распятия Христова). Но уже на рубеже XIX–XX вв. в губернских городах ученые из архивных комиссий, епархиальных церковно-археологических комитетов и обществ, ставя целью сохранение исторического и культурного наследия православия и его популяризации среди верующих и широкой общественности, а также публикацию памятников древней письменности и описания древностей, участвовали в создании епархиальных музеев. Епархиальные музейные собрания часто приходили на смену древлехранилищам, где хранились старинные предметы, вышедшие из церковного употребления.

На рубеже XIX–XX вв. сформировалась необходимая информационно-культурная среда, что ознаменовалось созданием научных сообществ по изучению церковных древностей как в столице, так и в Орловской губернии. В этот период происходило активное становление деятельности историко-археологических обществ в регионах, каждое из которых выпускало свои печат-

ные материалы. Так, для «изучения и охранения старины» в Российской империи по разработке видного российского ученого-историка и источниковеда Н. В. Калачова в регионах были созданы губернские ученые архивные комиссии (в Орле – Орловская ученая архивная комиссия (ОУАК) 1884 г. основания), и позднее, в 1900 г., был создан Орловский церковно-археологический комитет (ОЦАК), который дал начало с 1905 г. Орловскому церковному историко-археологическому обществу (ОЦИАО) (ГАОО. Ф. 711 (Орловское церковное историко-археологическое общество)). Участники региональных научных обществ собирали художественные древности, которые затем были объединены в музейные собрания (Поляков, 2010, С. 171–175). Этот процесс был ответом на открытие двух крупнейших музеев Российской империи: Третьяковской галереи в Москве (1892) и Русского музея в Петербурге (1898) (Вздорнов, 2006, С. 13–18).

Согласно докладу члена ОЦИАО И. Е. Евсеева, появлению в Орловской и Севской епархии публичного музея церковных древностей предшествовал единовременный крупный дар в виде старинных церковных книг, икон и богослужебных предметов в 1780 г. Дар поступил от архимандрита Досифея, ректора Севской семинарии, которая располагалась в Севском Преображенском монастыре, где ранее располагался и Архиерейский дом. Художественные древности хранились совместно с книжными в «пожертвованном древлехранилище» при семинарской библиотеке еще 100 лет, даже тогда, когда семинария была переведена в Орёл. Евсеев установил: «В 1893 г. по инициативе ректора духовной семинарии, протоиерея В. А. Сахарова, древлехранилище было выделено из библиотеки, а заведывание им принял на себя преподаватель семинарии И. А. Богданов. В 1893–1895 гг. в это древлехранилище довольно обильно поступали пожертвования от преподавателей, учеников, духовных и светских лиц, но потом поток пожертвований стал сокращаться и наконец совершенно прекратился. Ввиду этого, а также ввиду организации Музея при Орловском Церковном Историко-Археологическом Обществе (ОЦИАО), Правление семинарии признало... передать древлехранилище в Музей Общества» (4-е и 5-е очередные заседания Орловского Церковно-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 50. 1905. С.1337).

Новый музей был размещен в помещении старинной надвратной Петропавловской церкви при Архиерейском доме (Ливцов, 2019, С. 95). Храм этот был сооружен в 1693 г. еще в бытность игумена Евфимия, строителя Успенского монастыря. С 1755 г. церковь числилась домовою, так как была без прихода, в ней на службе находились только схимонахи. При реорганизации Орловского Успенского монастыря в Архиерейский дом Петропавловская церковь была упразднена и отдана под жилое помещение, где некоторое время располагался ремесленный приют, а затем музей Орловского церковного историко-археологического комитета (ОЦИАК), о чем отмечалось в епархиальной печати (Приложение. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 38. 1901. С. 6).

В вышеназванной монографии учеными ОЦИАК публиковались данные о старинных иконах, получивших особое церковное почитание: о местночтимой иконе «Троица», которая «очень древняя, в среброзлаченной ризе, знамения от коей признаны Св. Синодом и в архиве Консистории имеются» (Приложение. Описание

церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 10. 1902. С. 82); о еще двух местночтимых списках икон Богоматери – Владимирской и «Достойно есть», привезенной с Афона в 1900 г. (Приложение. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 14–15. 1902. С. 101–104); о старинной местночтимой крупноформатной иконе Богоматери «Взыскание погибших» XVIII в. из Георгиевской церкви г. Болхова (Предстоящие Церковно-Археологические чтения // Орловские епархиальные ведомости. № 44. 1902. С. 1778). Детализированные сведения, собранные учеными ОЦИАК о старинной местночтимой иконе «Успение Пресвятой Богородицы» («письма древне-византийского»), почитаемой в Успенском соборе Орловского Успенского монастыря с 1688 г. (далее – Архиерейского дома), можно использовать для современной атрибуции этого памятника иконописи (Приложение. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии (Орловский Церковный историко-археологический комитет // Орловские епархиальные ведомости. № 39. 1901. С. 25–26). Автор ранее в монографии исследовал данную икону и пришел к выводу, что она представляет собой древний список XVII в. с известной московской святыни – иконы «Успение Богоматери (Облачное)» 1479 года из местного ряда центрального иконостаса Успенского собора Московского Кремля. Эту кремлевскую икону нередко копировали и передавали в провинцию в виде царских вкладов, так как Успенский собор и его иконостас были эталонными для многих храмов Успенского посвящения позднесредневекового Московского государства. Эти вклады осуществляли государство-объединительную функцию через посредство копирования православных святынь. Совпадают размеры икон (Орловская икона вертикального формата – 178 x 138, московская вертикального формата – 179 см по большей стороне) (Комова, 2012, С. 74–75). В данное время крупноформатная икона «Успение Богоматери», перевезенная в качестве благословения из Орловского Богоявленского монастыря в новый Успенский в последней четверти XVII в., утрачена.

Члены ОЦИАК готовили исследования для презентации экспозиции музея и раскрытия через предметный ряд темы христианского просвещения Орловской земли. Они собирали материал, делали доклады и публиковали исследования в духе иконографической школы рубежа XIX–XX вв., ставя акценты на раскрытии текстов сказаний об иконах и содержания иконографических композиций. Тогда А. И. Георгиевский прочитал реферат «О происхождении типа иконы «Взыскание погибших» и древнейших типов с нее», вероятно уделив внимание одной из старинных местночтимых икон Богоматери одноименного иконографического типа из болховской Георгиевской церкви. Последняя отличалась от московского иконографического типа наличием белого плата на главе Богоматери, отчего называемой в Болхове «покровенной». После обсуждения реферата Георгиевского И. Е. Евсеев сделал предложение «о фотографировании всех местночтимых икон и составления описания их» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 50. 1904. С. 1218). Самим И. Е. Евсеевым было исследовано произведение древнерусского литья с изображением св. Никиты («литой образок» 42 x 38 мм), подаренное А. И. Георгиевским Музею ОЦИАК (здесь назван «Орловский Археологический музей»). В опубликованном докладе, «читанном в

Церковно-археологическом собрании 11 ноября 1904 г.», Евсеев уделил внимание апокрифическим и фольклорным источникам иконографии. Он минует стилистическое описание предмета, проводит датировку, исходя из палеографии – XIV в., учитывая собственную склонность к филологическим исследованиям (Привесный образок с изображением св. великомученика Никиты // Орловские епархиальные ведомости. № 44. 1904. С. 1108–1113).

Период с последней четверти XIX – первой четверти XX в. можно назвать профессиональным этапом в открытии и выявлении региональных памятников церковной старины, так как в крае появляются ученые, которые получают специальное образование в столице, посещают археологические съезды, что помогало становлению научного изучения церковных древностей в Орловской епархии. Публикуются первые региональные научные работы по «древлеведению», т. е. дисциплине, специализирующейся не только на вещественных остатках прошлого, к которым относятся и памятники древнерусских письменности и книжности, архитектуры, древнерусской живописи и скульптуры, прикладного искусства.

Систематизацией полученных научных знаний в области истории и археологии в этот период занимались представители просвещенного дворянства. Так, Г. М. Пясецкий (1838–1900) был одним из ярких его представителей, принимавшим в дальнейшем в числе других авторов участие в изданиях Орловского церковного историко-археологического общества. В «Орловских епархиальных ведомостях» были впервые опубликованы главы труда Г. М. Пясецкого «История Орловской епархии», где отдельная глава была посвящена церковным древностям: почитаемым «иконам, крестам, утвари храмовой и облачению сана духовного» (Пясецкий Г. М. Священные древности Орловского края от времени зависимости его от Черниговских и Рязанских епископий // Орловские епархиальные ведомости. 1870. № 10. С. 1050–1061). В 1869 г. Г. М. Пясецкий впервые систематизирует сведения о местночтимых древнерусских иконах и святынях (Пясецкий Г. М. (Г. П.). О явленных явлениях и чудотворных в пределах Орловского края, в период зависимости его, от Черниговской и Рязанской епископий (до XV века) // Орловские епархиальные ведомости. 1870. № 10. С. 655–662). Тогда же краевед публикует материалы о почитании одной из известных региональных святынь на основе материалов из консисторского архива Орловской епархии (Пясецкий Г. М. (Г. П.). Выписка из дел консисторского архива о чудотворном образе Св. Чудотворца Николая, находящих во Мценском Николаевском соборе // Орловские епархиальные ведомости. 1869. № 14. С. 1074–1076).

Печатным органом ОЦИАО стали «Орловские епархиальные ведомости», освещавшие всю его деятельность. После образования по указу Святейшего Синода ОЦИАО члены общества также занимались исследовательской деятельностью по выявлению и описанию региональных святынь, произведений иконописи, изучению их бытования. Бывший председатель общества И. Е. Евсеев высказывает в своей публикации предположение о более древней датировке первой половиной XII в. известной иконы Богоматери «Свенская Печерская», современная датировка которой совпадает с датой, указанной в «Сказании о зачатии Свенского монастыря», – 1288 г. Более подробно брянское сказание исследуется в публикации ОЦИАО (Чудотворная икона Свенской Божией Матери в Свенском, Брянского уезда, монастыре и ея писатель св. Алипий // Орловские епархиальные ведомости. № 24. 1911. С. 704–709), где автор приписывает создание иконы Богоматери Свен-

ской известнейшему киевскому иконописцу монаху Алипию, тем самым значительно удревяняя икону, присланную брянскому князю, и предполагая, что прислали не копию, а древний киевский оригинал XI в. Другой святыне Орловской епархии – иконе Богоматери Казанской, привезенной в монастырь в 1620 г. в качестве дара от царя Михаила Федоровича, посвящен очерк одного из членов ОЦИАО (Н.Т.) Чудо милости Божией, явленной от образа Казанской Божией Матери, находящейся в Плещанской пустыни Севского уезда Орловской губернии // Орловские епархиальные ведомости. № 27–28. 1915. С. 677–679).

Мценскому местночтимому образу св. Николая также посвящено исследование В. Адамова, преподавателя Мценской гимназии, члена ОЦИАО (Адамов А. Чудотворный образ Святителя Николая в г. Мценске. Исторический очерк в предстоящему 500-летию со дня обретения его. 1415–1915» // Орловские епархиальные ведомости. № 18. 1915. С. 445–455). Адамов, ссылаясь на ставшую уже образцом монографию Г. М. Пясецкого, предполагает, что икона древнее 1415 г., что она могла быть доставлена по речному пути во Мценск из Киева вместе с миссией священномученика Кукши Печерского. Многие позиции исследователей начала XX в. строились на догадках и предположениях. Все они опровергаются исследованием оригинала скульптуры «Никола Мценский». От сохранившейся во Мценском Петропавловском соборе русской деревянной скульптуры осталась только голова и торс на уровне плеч (первоначальная высота была более 200 см). Утраты произошли после 1917 г., когда она была вывезена из Мценска в Орёл, в 1937–1941 гг. она находилась в антирелигиозном музее, потом ее вернули во Мценск. Она оказалась по стилистически-иконографическим особенностям характерной для русской традиции скульптурой «на рези в киотцах» конца XVII в., произведенной в московских царских мастерских, и имеет аналоги в ряде музейных собраний РФ. Почитание данной резной иконы отражено в одном письменном источнике – «Легенде о крещении Мценян в 1415 г.». Но филологическое исследование данного текста показало, что он оформился на рубеже XVII–XVIII вв., через пару десятилетий после того, как новую скульптуру впервые привезли во Мценск в дар построенному каменному Никольскому собору в 1680-х гг. (Комова, 2017, С. 88–90).

На заседаниях ОЦИАК упоминались редкие старинные иконы, которые выкупались из частных собраний для пополнения коллекции музея. Исходя из опубликованных списков таких закупок, мы можем составить представление о фонде икон музея при Орловском архиерейском доме. Так, на заседании ОЦИАК были перечислены следующие древности: «древний образ Воскресения Христова в металлической ризе, 4 x 4 вершка (17,6 x 17,6 см); шитый образ Благовещения (Богородице); образ Богоматери «О тебе радуется» (древняя копия знаменитой иконы С. Ушакова); образ св. Стефана Сербского, написанный на камне» (Заседание Церковно-Археологического комитета // Орловские епархиальные ведомости. № 48. 1904. С. 1151–1152). Из кратких описаний перечисленных предметов следует, что они относятся к традиции позднего Средневековья и раннего Нового времени: почитание Стефана Сербского (1377–1427) на Руси появляется уже в XV в., но его иконы в этот период были редки, поэтому орловская икона, вероятно, более позднего периода; списки известных произведений иконописца С. Ушакова, выполненные в узнаваемом живоподобном стиле, были распространены и в петровское время, образы Анастасис в русской иконописи получили широкое распространение в XVII–XVIII вв. В 1911 г. также на средства ОЦИАО председателем было

выкуплено «несколько старинных икон и крестов» (Отчёт о деятельности ОЦИАО за 1908–1909 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 10. 1911. С. 312). На следующем заседании ОЦИАК упоминается о новом приобретении – «иконе Божией Матери западного типа XVII–XVIII вв.», о чём было опубликовано позднее (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 51. 1904. С. 1243–1253). По таким параметрам можно искать иконы из дореволюционного Музея ОЦИАО в местных церковных и музейных собраниях, учитывая неполноту наших знаний о точном перечне собранных до 1917 г. предметов.

Точными описаниями предметов церковного искусства из собрания ОЦИАО отличаются рефераты и статьи ученых. Некоторые из них были опубликованы в «Епархиальных ведомостях». Так, А. И. Георгиевский представил реферат о находящейся в музее общества иконе Флора и Лавра, покровителей лошадей, придя к выводу, что данный образ принадлежит русской традиции, а не византийской (Георгиевский А.И. Об иконе Флора и Лавра из Музея Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 51. 1905. С. 1379). Почетный член ОЦИАО А. Е. Попов сделал сообщение о ценном поступлении в музей – «кресте дочери Царя Михаила Федоровича Великой Княжны Татьяны Михайловны» (6-е заседание Церковного Историко-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 11. 1913. С. 350). Крест принадлежал ранее представительнице царского рода Романовых Федоровича Татьяне (1636–1706), жертвователю ряда региональных храмов рубежа XVII–XVIII вв. В частности, на ее вклад был построен собор Воскресенской Тихоновой пустыни в г. Карачеве. Мы можем предположить, что предмет мог происходить из регионального собрания.

Музей ОЦИАК (а затем и Музей ОЦИАО) на протяжении всего периода своего существования принимал в дар старинные предметы искусства, а также копии и авторские эскизы иконографических композиций, связанных с историческими событиями. К собиранию предметов из церквей епархии добавились и меценатские вклады, когда «многими частными лицами собирались коллекции икон, крестов, монет, русских выставок и прочее, а антиквариями скупались и перепродавались различные предметы старины в другие города» (Ткачевский П.С. Орловский музей церковных древностей при Орловском церковном историко-археологическом обществе: Доклад от 27 августа 1910 г. Копия с рукописи. Л. 1–30). Например, член общества А. Н. Шульгин, генерал от инфантерии, «предложил собранию собственноручный рисунок иконы (хоругви) Грузинской Божией Матери, сооруженной в полку, которым командовал А. Н. в 1877–78 г., в воспоминание победоносного перехода через Дунай. Этот рисунок был принят собранием для руководства перед сооружением иконы св. Кукши» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1905. С. 194). Из данного текста следует, что Музей ОЦИАО также пополнялся иконами современного письма. Учитывалась связь с культурой Орловщины, например с почитаемыми на Орловщине святыми (образ священномученика Кукши Печерского, первого известного в верхнем Поочье православного миссионера). В дальнейшем было решено заказать для ОЦИАО икону священномученика Кукши в мастерской Киева (Журнал заседания Церковно-Археологического Комитета 5 марта 1905 г. // Орловские епархиальные ведомости. № 14. 1905. С. 418–419). В 1909 г. смотритель I Орловского духовного училища (которое располагалось на территории Орловского архиерейского дома (Жарков, Ливцов, Лепилин, 2007, С. 10–15))

Н. А. Павловский в дар обществу передал «икону Спасителя и Апостолов на Тайной вечере» (Отчёт о деятельности ОЦИАО за 1908–1909 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 10. 1911. С. 312).

Также в дар было принято «резное изображение явления Сергию (Богоматери) и Варвары» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 9. 1905. С. 261–264). Здесь упомянут характерный для русской паломнической культуры деревянный рельеф небольшого формата, происходивший из мастерских Троице-Сергиева монастыря и выполненный в конце XIX – начале XX в. Резной образок изображал событие из жития Сергия Радонежского, когда ему с учеником Михеем во время молитвы явилась Богоматерь, которую сопровождали апостолы Петр и Иоанн. Традиционно размер таких икон не превышал 25 см по большей стороне. Резной образок с фигурой св. Варвары (обычно в рост с чашей в руках) являлся характерной паломнической реликвией XIX в., привозимой русскими путешественниками из Киева (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 7. 1905. С. 194). Именно там, в соборном храме Михайловского Златоверхого монастыря, несколько столетий находились мощи великомученицы Варвары, одной из самых почитаемых в Киеве святых. Резной паломнический образок характерного исполнения и размера (13 см по большей стороне), похожий на поступивший в музейное собрание в 1905 г., был найден в ризнице Никитско-Ахтырского собора в г. Орле; сохраняется в новом епархиальном музее. Подобные резные иконы известны по публикациям собрания в каталогах Государственного исторического музея.

В 1905 г. председатель ОЦИАК А. И. Шульгин в дар музею передал «4 археологических предмета: энколпион, камею, голову с нимбом, образок мастичный преподобных Печерских святых Антония и Феодосия» (Журнал заседания Церковно-Археологического Комитета // Орловские епархиальные ведомости. № 19. 1905. С. 551–552). Из перечисленных предметов следует отметить крест-энколпион, аналоги которого чаще встречались в древнерусский период XI–XV вв. (позднее появляются псевдоэнколпионы – двусторонние предметы, которые не открываются для вложения святыни); камею (скорее всего, античного происхождения); скульптурную голову святого «с нимбом», принадлежность которой невозможно без наличия подробного описания определить; икону преподобных Антония и Феодосия Печерских, выполненную в виде рельефа из специальной восковой мастики (встречалась чаще в византийской традиции), вероятно нанесенной на иконную доску миниатюрного формата. Иконка с преподобными могла быть как домонгольского периода, но не ранее 1288 г. (исходя из первого известного парного изображения печерских преподобных), так и XVI–XVII вв. Именно тогда культ печерских святых активнее распространялся в Московской Руси не только благодаря переизданию Патерика, но и благодаря распространению почитания региональной святыни из Брянского Свенского монастыря – иконы Богоматери «Свенская-Печерская», где в композиции со свитками в руках преподобные Антоний и Феодосий Печерские стоят по обе стороны от Богоматери с Богомладенцем, восседающих на высоком троне (датировка оригинала по первому прославлению – около 1288 г.). Активное почитание оригинала иконы началось с 1560-х гг., после прославления в Москве и возвращения в Свенскую обитель (Антонова, Комова, 2015, С. 185–187).

Крупные пожертвования были приняты в древлехранилище ОЦИАО в 1910–

1912 гг. Среди предметов, поступивших в собрание музея, были: «резные статуэтки Спасителя с предстоящими конца XVIII в. из Благовещенской г. Болхова церкви, чрез П. С. Ткачевского; икона Палиховского письма конца XVIII в. Успение Пресвятой Богородицы (от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Т(качевского); образ Спасителя, писанный по старому образцу XVII в. Новгородского пошиба, от о. И(льи) Ливанского; образ Корсунской Божией Матери, монастырское письмо 2 половины XVIII в., от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Т(качевского); образ Божией Матери на дереве с басмой, от В. И. Чичерова, XVII–XVIII вв.» (Сводный отчет Орловского Церковного Историко-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 32. 1913. С. 897). Исходя из данного описания икон, следует пояснить, что икона «Успение Богородицы» происходит из позднего русского иконописного центра в селе Палех Владимирской губернии (конец XVIII в.), стиль которого чаще всего тяготеет к миниатюризации (поздний русский «неострогановский стиль»); образ Спасителя (вероятно, «Вседержитель») «писанный по старому образцу XVII в. Новгородского пошиба» (от прот. Ильи Ливанского); икона Богородицы «Корсунская» монастырского письма (позднее русское живоподобие), вторая половина XVIII в.; икона Божией Матери на дереве в басменном окладе, XVII–XVIII вв. (русская традиция, возможно, живоподобная). К 1917 г. пожертвования памятников иконописи в Музей ОЦИАО практически прекратились. Последний дар зафиксирован в объявлении от ОЦИАО о «ценном по древности и изяществу работы образе св. Иоанна Предтечи (от Комягинского Г.)» (В Церковном Историко-Археологическом Обществе 30.10.1917 // Орловские епархиальные ведомости. № 44–45. 1917. С. 410).

Исследователи ОЦИАО регулярно совершали поездки по епархии для проведения археологических раскопок и исследования местных церковных и усадебных собраний древностей с целью приобретения новых экспонатов для музея. В таких поездках встречались интересные для исследований произведения древней иконописи и церковной скульптуры. Так, П. С. Ткачевский, пребывая в Болхове, отметил, что в Троицкой церкви «достоем особенного внимания иконостас, а в соборной – вырезной образ Николая Чудотворца, сооруженный в Новгороде при Московском Великом Князе Василии Ивановиче» (Сводный отчет о деятельности Орловского Церковного Историко-Археологического Общества за 1910, 1911, 1912 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 23. 1913. С. 699). Данная русская деревянная скульптура уже попадала в поле зрения исследователей ОЦИАО в 1905 г. Но тогда в издании была приведена другая датирующая скульптуру надпись: «резной образ святителя Николая, изображающий великого угодника во весь рост. Образ, несомненно, очень древний. Из надписи, сделанной на доске, к которой образ прикреплен, видно, что он вывезен из Новгорода... (что) освящена доска сия в Новгороде при благоверном князе Иоанне Васильевиче, при архиепископе Александре Великого Новгорода. Икона эта особо чтима» (Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский и Кромской районы. Орел: Издание ОЦИАО, 1905. С. 8). В 1914 г. участники выездного заседания ОЦИАО отчитались: «Из достопримечательностей храма необходимо отметить икону Святителя Николая, во весь рост (более 5-ти пудов веса (т. е. более 82 кг)) – вывезена из Новгорода во времена Иоанна Грозного» (Поездка членов Орловского Церковного Историко-Археологического Общества в г.г. Болхов и Мценск // Орловские епархиальные ведомости. № 46. 1914. С. 1193).

Отметим, что данная методика датировки памятника – по сопровождающим его надписям или местной легенде – не выдерживает научной критики. В одной надписи содержится датировка временем правления великого князя Василия III (1505–1533), отца Иоанна IV Грозного; в другой – временем правления царя Иоанна IV Грозного (1547–1584) и архиепископа Александра Бердова (1576–1586). Первая резная скульптура, изображающая св. Николая Чудотворца («можайский тип» с мечом в левой руке), появилась во Пскове, затем в Новгороде в 1540 г. Но в XVII в. подобные скульптуры часто копировались царскими мастерами и рассылались в русские города-крепости. Если датировать болховскую скульптуру по надписям и указанным персонажам (времени их правления), то выходит период с 1547 по 1584 г. Но при обследовании собраний болховских храмов вышеуказанная икона была найдена во Введенской церкви, куда была перенесена из соборного храма в XX в. Оказалось, что скульптура имеет общие стилистические признаки с резными скульптурами последней четверти XVII в. московского происхождения (с той же скульптурой «Никола Мценский», конец XVII в.), соответственно, имеет отношение к иной культурной традиции и привезена значительно позже по сравнению с датой, указанной исследователями ОЦИАО (Комова, 2017, С.88–90). Так же как и в случае со скульптурой «Никола Мценский», в Болхове могло сложиться церковное сказание, удревняющее историю местночтимой иконы, либо до Смутного времени в Преображенскую церковь середины XVI в. (изначально деревянную), которая находилась в центре построенного при царе Иоанне Грозном Болховском кремле в 1556 г., была привезена резная икона в киоте «Никола Ратный». Скульптуры XVI в. крупнее и тяжелее, размером восходят к оригинальной можайской скульптуре XIV в. (хранится в Третьяковской галерее), от которой началось почитание скульптур св. Николая Чудотворца с мечом и крепостью в руках. Предметы в руках святителя указывают на его функцию защитника города. Изначально устная легенда о спасении города от нашествия неприятеля сложилась в г. Можайске. Эту легенду хорошо знали и в Орловской епархии, пересказав ее на страницах издания, отмечая, в частности, что «святитель явился в таком виде, стоящим на воздухе (в небе) над собором, когда на Можайск напали неприятели, и это явление жителей города ободрило, а врагов устрасило, так что они тотчас бежали» (К Мценским торжествам // Орловские епархиальные ведомости. № 22. 1915. С. 552–553). Популярность можайской легенды и распространение киотных скульптур св. Николая Чудотворца повсеместно в Московском государстве в XVI–XVII вв. объясняет наличие местного почитания резных икон во Мценске, Болхове и Орле. Из местных храмов несколько старинных русских деревянных скульптур были переданы в Музей ОЦИАО.

Отметим, что «Описание музея церковных древностей» (включавшее список художественных предметов религиозного назначения), которое изготовил «член Общества П. С. Ткачевский, состоявший студентом Московского Археологического института для получения ученого звания», упоминается в его отчете в «Орловских епархиальных ведомостях». В отчетный период некоторые из предметов древлехранилища ОЦИАО участвовали в Художественно-промышленной выставке в Орле «в качестве показателей чисто русского старинного искусства» (Отчет о деятельности ОЦИАО за 1910, 1911 и 1912 гг. Орловские епархиальные ведомости. № 29. 1913. С. 835). Ткачевский указывал, что произведений иконописи в музее достигло 70. Коллекция икон Музея ОЦИАО содержала также произведения

поздних региональных школ иконописания XVI–XVIII вв., исходя из описания П. Ткачевского, «писанных на полотне и дереве», среди которых «немного образов... московской, новгородской и строгановской школ. Есть работы, исполненные местными мастерами-иконописцами для нужд церкви и дома» (Ткачевский П.С. Орловский музей церковных древностей при Орловском церковном историко-археологическом обществе: Доклад от 27 августа 1910 года. Копия с рукописи. Л. 1–30). Копии были выполнены по предложению И. Е. Евсеева, после того как на заседании ОЦИАО постановили «для отдела икон, имеющихся в музее... приобрести копии с типичных образцов, существовавших на Руси (5) иконописных школ – византийской, новгородской, строгановской, суздальской и фряжской, при чем указал, что таковые иконы могут быть изготовлены в Московском Строгановском училище» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 9. 1905. С. 263).

ОЦИАК проводил церковно-археологические чтения, на которых члены общества представляли фотографии, выполненные ими во время обследований собраний икон региональных храмов. Следует отметить, что в 1910 г. преосвященным Александром (викарный епископ Елецкий в составе Орловской епархии) было рекомендовано духовенству «обратить особое внимание (на) хранимые в церквях древние иконы и вещи, сделать их описание, снять, где окажется возможным на фотографии, и как описание, так и фотографии, оставить в одном экземпляре при церкви, а вторые экземпляры доставить в Общество... иконы и древности лежат как хлам... передавать в Древлехранилище ОЦИАО ...добавить и исправить церковные летописи рассказами старожилов» (Отчет о деятельности Орловского Церковного Историко-Археологического общества за 1910, 1911 и 1912 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 29. 1913. С. 834–835).

Наибольшее количество фотографий, фиксирующих археологические и художественные древности из собрания Музея ОЦИАО, выполнил П. С. Ткачевский, но также фотографии выполняли и другие члены общества. Так, член общества В. Р. Апухтин на церковно-археологических чтениях демонстрировал «фотографические снимки с церквей, икон и рукописей» (Предстоящие Церковно-Археологические чтения // Орловские епархиальные ведомости. № 44. 1902. С. 1779). В 1905 г. соборный протоиерей О. В. Рязанов из Дмитровска передал на заседании ОЦИАК две фотографии, сделанные «с древней иконы святителя Николая из церкви села Столбово, уцелевшей от упраздненного в 1763 г. Николаевского Столбовского мужского монастыря» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 1/2. 1905. С.31). Отметим, что точной атрибуции и датировки этой местнотимой иконы так и не было произведено. Согласно местной легенде икона в Столбово обретена была в 1134–1135 гг. Согласно надписи на обороте иконы, скопированной и опубликованной Г. М. Пясецким, обретение иконы произошло позднее: «В лето от Рождества Христова 1334 г. явилась сия чудотворная икона Святителя Христова Николая в уезде Севском, в стану Глодневском, в Комаричах, над рекою, зовомую Ибуш, на столбе дубовом, в Нерусских лесах, невидимою силою Божиею, идеже на том самом месте и поныне значится каменный столб» (Историческое описание церквей и приходов Карачевского и Дмитровского уездов / Историческое описание церквей, монастырей и приходов Орловской епархии (издание Орловского Церковного историко-археологического общества). Т. I. Орел, 1905. С. 386–390). Краевед Г. М. Пясецкий

приводит запись церковной летописи (повести) о том, что икона явилась при тех же обстоятельствах в 1626 г. в месте, где был построен деревянный храм, который потом сгорел. На пожарище икона св. Николы была снова обретена и поновлена в 1760 г. (Пясецкий Г.М. История Орловской епархии. Орел, 1899. С. 125–126). Удивляет несколько зафиксированных в литературе дат обретения иконы, по которым нельзя предположить даже, была ли икона «св. Никола Столбовской» древнерусской или поздней русской традиции. К сожалению, фотографии данной иконы из Музея ОЦИАО не сохранилось (находка дореволюционного фотоизображения помогла бы сделать вывод о примерной датировке иконы). К изучению истории бытования иконы из Столбово несколько раз обращались исследователи ОЦИАО. А. Е. Поповым была даже высказана гипотеза, не поддержанная другими членами, что Столбово – древнерусский центр, более древний, чем Мценск (уп. 1147 г.), связанный с миссионерской деятельностью священномученика Кукши Печерского. Главным аргументом здесь выступала местная легенда о том, что «в селе Столбове хранится древняя икона, современная св. Кукше, имеющая надпись, что она явилась в 1134 г.» (Сводный отчет Орловского Церковного Историко-Археологического Общества за 1910, 1911 и 1912 гг. // Орловские епархиальные ведомости. № 26. 1913. С. 779).

В Музей ОЦИАО в 1905 г. из Казанской (Знаменской?) церкви (исходя из указанного в источнике храмового праздника; современный Болховский район Орловской области) поступили «7 фотографических снимков древних икон из церкви села Гнездилово Ближнее» (Церковно-Археологическое собрание // Орловские епархиальные ведомости. № 9. 1905. С. 263). По всей видимости, упомянутые семь икон входят в состав перечисленных святынь данной старинной церкви в издании ОЦИАО 1905 г., а именно: «главная святыня храма – небольшая (4 x 3 ½ вершка, т. е. 17,6 x 15,4 см) икона Казанской Божией Матери. По преданию, она была найдена первыми поселенцами (М. Комова: т. е. в XVIII в., т. к. первое упоминание в 1749 г.) на дереве, росшем на месте храма. ...В честь Казанской иконы Богоматери праздник этот и доселе остается престольным праздником храма... (этой иконы) помещенной по левую сторону царских врат (иконостаса); ...запрестольная икона Тихвинской Божией Матери, написанная на тяжелой доске с резным золоченым венчиком вокруг лика Богоматери, на обратной стороне – изображение св. Александра Свирского. Икона Знамения Божией Матери, поставленная на месте храмовой иконы; наверху иконы значится такая надпись: Точное изображение и мера чудотворного образа Знамения Пресвятой Богородицы в Велице Новограде писал новгородский свидетельствованный поп Георгий 1725 г.; святцы-складень с изображением двенадцатых и других больших праздников (от времени сильно попорчены); старинные царские двери (Комова М.А.: местного ряда старинного иконостаса первой половины – середины XVIII в., исходя из стиля), вырезанные из цельных дубовых досок с рельефным изображением Благовещения и 4 евангелистов, в 1885 г. эти двери были сняты со своего места и помещены в куполе, против иконостаса; икона Нерукотворного образа (5 x 4 четверти, т. е. 30 x 24 см) с 4 изображения из истории события; икона-картина Ангела Хранителя, покрывающего своим заступлением праведника, написанная в виде 17 отдельных сцен; изображение Распятия Христова; эта картина особенно оригинальна: над крестом чистая тьма в виде ленты; над тьмой два красных шара с человеческим лицом с надписью «Солнце» и «Луна», еще выше Бог-Отец, благо-

словающийся обеими руками и притом 2-перстным сложением; около креста – с правой стороны Богоматерь и Жены мироносицы, с левой – св. Иоанн Богослов и сотник Лонгин с двуперстно сложенной рукой для крестного знамения по краям 11 изображений Страстей Господних... (Комова М.А.: иконография «Плоды страданий Христовых», получившая распространение в русском искусстве с конца XVII в.); изображение на боковых алтарных дверях св. архидиаконов Стефана и Филиппа почти в полный рост; местный образ Спасителя (местный ряд иконостаса); икона Господа вседержителя; икона Боголюбской Божией Матери (Богомладенец изображен благословляющим двумя перстами). Есть еще несколько старинных икон, писанных в древнерусском и византийском стиле, как например, икона Казанской Божией Матери (известная здесь как «Божия Матерь с паперти»)» (Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский и Кромской районы. Орел: Издание ОЦИАО, 1905. С. 28–30). В данном перечне приведены 10 икон (не считая отличавшихся особой художественной ценностью старинных икон, входивших в состав местного ряда иконостаса данного храма). К сожалению, фотографии этих региональных художественных ценностей не сохранились, и их перечень восстанавливается только по изданию ОЦИАО.

Обратимся к сохранившейся дореволюционной фотографии, на которой зафиксирован зал с собранием церковной скульптуры (Фонды Орловского Епархиального музея им. священномученика Серафима (Остроумова). Книжное собрание. Альбом «Выпуск Орловской Духовной Семинарии. 1912–1913 гг.». Л. 3). На фотографии, которую сопровождает надпись чернилами «Церковно-Истор. – Археологический Музей (при Архиерейском доме)», видны 11 полноростовых скульптур и один рельеф с ликом Христа (оглавно). Детальным исследованием данной фотографии, не раз скопированной, известной и по другим альбомам и фондам, специалисты не занимались. Рассмотрим эту фотографию. Слева направо размещены: женская фигура в рост (одна из жён-мироносиц?); сидящая мужская фигура с веревками на запястьях (скульптура «Христос в темнице»); опирающаяся на предыдущую скульптуру небольшая мужская фигура в рост с утраченными руками (фигура Христа с Распятия из композиции «Голгофа»); женская фигура в рост в платке, концы которого закинута за плечи, с левой рукой на груди, правой – держащей складку длинной одежды, изображенная по колено (Богоматерь или Мария Магдалина из левой части композиции «Голгофа»); мужская фигура в рост с прядями волос по плечи, с левой рукой на груди, правой – держащей складку длинной одежды, изображена по колено (Апостол Иоанн Богослов из композиции «Голгофа»); у ног данной скульптуры помещен высокий рельеф в академической стилистике с крупной головой Христа, обращенной вправо, в овальном медальоне-углублении, на оставшихся треугольных выступах по углам рельефно выделяются буквы ИИЦИ («Иисус Назаретянин Царь Иудейский»); значительно более высокая, чем остальные, женская фигура в длинном платье-хитоне и длинном античном головном уборе-мафории, прикрывающем плечи с платком поверх, концы которого лежат впереди, с раскинутыми в стороны руками в позе оранта (мученица Параскева Пятница, предположительно из региональной Пятницкой часовни на торгу); первая небольшая мужская фигура – епископа в архиерейских одеждах, без головного убора, в рост, с раскинутыми в стороны руками в позе оранта, расположена на деревянной тумбе (скульптура «Никола Можайский»); вторая небольшая мужская фигура – епископа в архиерейских одеждах, без го-

ловного убора, в рост, с раскинутыми в стороны руками в позе оранта, расположена на деревянной тумбе (скульптура «Никола Можайский»); сидящая мужская фигура с правой рукой, подпирающей голову (скульптура «Христос в темнице»); небольшая женская фигура в рост с распущенными длинными волосами, в набедренной повязке, с непокрытыми ногами, упирающимися в деревянную подставку (фигура Марии Магдалины из композиции «Голгофа»); крупная мужская фигура в рост, в набедренной повязке, с утраченными руками (фигура Христа с Распятия из композиции «Голгофа»). Высота изображенных на фотографии скульптур меньше среднего человеческого роста (только скульптура «Параскева Пятница» чуть более 150 см). Находившаяся в дореволюционной экспозиции русская деревянная скульптура «Мученица Параскева Пятница» могла происходить из Успенского собора г. Кромь. Именно на нее обратили внимание еще в 1905 г. исследователи ОУАК, когда публиковали перечень святынь из кромских храмов (Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский и Кромской районы. Орел: Издание ОЦИАО, 1905. С. 446).

На вышеприведенной фотографии экспозиции Музея ОЦИАО находятся две композиционных группы храмовых деревянных скульптур «Голгофа»: первая (небольшого формата) – Распятый Христос, Богоматерь, Иоанн Богослов; вторая – Распятый Христос, жена-мироносица и Мария Магдалина (утрачены скульптуры Богоматери и Иоанна Предтечи). Подобные композиции в церковной культуре XVIII в. состояли из нескольких фигур, число которых могло доходить до семи. Фигуры размещались на разных уровнях вокруг Распятия на едином основании, изображающем каменную поверхность горы Голгофы. Более ранние варианты такой композиции (обычно из трех центральных фигур) становились завершением высоких иконостасов в русских храмах эпохи барокко. Стилистика этих скульптур, исходя из трактовки складок тканей, жестов рук, также относится к провинциальной культуре барокко. К более раннему периоду XVII в. можно отнести небольшие скульптуры, изображающие «явленную» в Можайске резную икону св. Николая. На данных скульптурах отсутствуют традиционные детали: меч в правой руке и изображение крепости (или отдельно храма – в более поздних вариантах). Эти скульптуры первоначально находились в специальных киотах, отсюда получили название «киотные». Их наличие в Орловской епархии связано с особым почитанием образа Николы Можайского Ратного и посвящение ему нескольких часовен и храмов (Никольский собор во Мценске, Никольская часовня в Орле, церковь Николы Ратного в Ливнах). Один из музейных экспонатов – старинная русская деревянная скульптура Николы Можайского – мог происходить из монастырской каменной Никольской часовни, находившейся на берегу реки у Красного моста в Орле. Отсутствие изображения митры на правой скульптуре, крупная голова с условно переданными деталями, с декоративным нимбом-диском, прикрепленным к затылку, условная трактовка туловища с короткими руками без сгибов и одежд без складок относят данную скульптуру к провинциальной традиции первой половины XVII в. Скульптура Николая Чудотворца справа может быть поздней копией XIX в. Откуда были вывезены данные скульптуры, в отчетах ОЦИАО не указано. «Резная» скульптура Николая Чудотворца упоминается в обнаруженном археографом И. Е. Евсеевым документе, текст которого приводится в «Епархиальных ведомостях» со ссылкой на описание ее в монастырском синодике конца XVII в.: «Синодик житийный XVII–XVIII вв. Успенского орловского монасты-

ря. Рукопись 8, 63 л. С многочисленными статьями без рисунков. Л. 1 запись: Сей синодик града Орла Пречистыя и Великия Лавры, обители святыя Успения Богоматери и церкви Иоанна Предтечи, и церкви Петра и Павла. А нарисуетя сей монастырь Успенской. С л. 46 вкладная запись Никиты Ивановича Акинфова: Аз многогрешный в сию святую и пречестную орловскую Успенскую обитель при причестнейшему отцу архимандриту Евфимии о вышеписанном синодике родителей моих в вечное поминовение по себе и по всех родителей своих и по всех православных отошедших света сего во оный прерадостный вечный свет приложил... (образ ре)зной поставлен в киоте в каменной монастырской часовне» (Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах // Орловские епархиальные ведомости. № 12. 1905. С. 14–15). Запись в синодике мы прокомментируем известным фактом, что скульптуры «ратного» св. Николая (с мечом и крепостью в руках) передавались высокопоставленными людьми в качестве вкладов в монастырь и вывозились из столичных царских мастерских. Особое значение имели вклады таких икон, изображающих святого защитника города, в приграничные городовые или крепостные храмы или монастырские храмы и часовни. Отдельными деталями, указывающими, что в синодике описана именно такая скульптура, является упоминание киота (киотная скульптура) и наименование часовни – Никольская, в которой, соответственно, ставилась главная икона такого же посвящения (Комова, 2017, С.89–90). К сожалению, в фондах современного краеведческого музея данные скульптуры отсутствуют. Они, вероятно, не были переданы в губернский музей в 1917 г. Судьба их неизвестна.

На указанной выше фотографии Музея ОЦИАО не отражен еще один памятник поздней русской деревянной скульптуры последней трети XVIII в., который поступил в музейное собрание в 1910–1912 гг. и был привезен, согласно отчету П. С. Ткачевского, из Болховской Благовещенской церкви. В «Орловских епархиальных ведомостях» за 1913 г. опубликован «Сводный отчет ОЦИАО за 1910, 1911, 1912 гг. Продолжение». В числе прочих предметов церковной старины указываются «резные статуэтки Спасителя с предстоящими конца XVIII в. из Благовещенской церкви г. Болхова» с пометой «чрез П. С. Ткачевского» (Сводный отчет Орловского Церковного Историко-Археологического Общества // Орловские епархиальные ведомости. № 32. 1913. С. 897). Из краткого описания понятно, что в Музей ОЦИАО поступила скульптурная группа небольшого формата «Распятие с предстоящими» (50 см по максимальной высоте), которая, вероятно, использовалась для панихидного столика. Предмет находился до 1918 г. в Музее ОЦИАО в Архиерейском доме в Орле. Далее след его теряется. В период собирания экспозиции музея митрополии в Троицкой церкви на кладбище в Орле в подсобном прихрамовом помещении обнаружена скульптурная группа небольшого формата, соответствующая описанию и атрибуции Ткачевского (конец XVIII в.). Данные статуэтки покрывает позолота поверх тонкого левкаса и полимента, что подтверждает принадлежность предмета культуре барокко и соответствует стилистике региональных иконостасов г. Болхова второй половины – конца XVIII в. (Лазарева, 2013, С. 9–10). Эта композиция, в целом повторяющая иконографию больших скульптурных «Голгоф», характерных для искусства русского барокко, о которых шла речь выше, относится к известной в русском искусстве с конца XVII в. иконографии «Плоды страданий Христовых», или «Процветший крест». В центре сохранившейся в Орле композиции представлен Иисус Христос. Шестиконечный крест, на ко-

тором Господь распят, переходит в возвышающееся каменистое основание, на фоне которого в углублении-пещере изображен рельефно череп Адама. Вверху изображается титло с надписью «ІНЦІ» (Иисус Назаретянин Царь Иудейский). В верхнем сегменте над крестом изображены три диска: на центральном – Святой Дух в виде голубя, на боковых – солнце и луна. В навершии утрачена полуфигура Саваофа в виде старца. Глава Христа поникла на правое плечо, вокруг главы – лучистый терновый венец, на бёдрах – тканевое препоясание. Средокрестье и диск с рельефным изображением Святого Духа дополнены рельефным лучистым сиянием. По обе стороны от распятия на небольших тумбах размещены слева направо предстоящие персонажи: Мария Магдалина, Богоматерь, Иоанн Богослов и Лонгин Сотник. Обнаружение данного предмета (высокой степени редкости, узнаваемого в деталях) в подсобном помещении Троицкой кладбищенской церкви в Орле указывает на то, что не все предметы из фондов Музея древностей при ОЦИАО были переданы в 1917 году в Орловский губернский музей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Итак, изученные материалы позволяют нам восстановить более полный список собрания произведений древнерусской и поздней русской иконописи, а также русской деревянной скульптуры, которые находились в Музее Орловского церковного историко-археологического общества и которые были зафиксированы в записке П. С. Ткачевского за 1913 г. Практически все произведения, а также богатейший фотоархив с изображениями древних предметов безвозвратно утеряны после 1917 г.

Список иконного собрания Музея ОЦИАО, который удалось восстановить по материалам дореволюционной печати, следующий:

- коллекция икон (12 предметов): древняя икона «Воскресение Христово» в металлической ризе, 4 x 4 вершка (17,6 x 17,6 см), не ранее XVII в.; шитая икона «Благовещение (Богородице)»; икона Богоматери «О тебе радуется», не ранее конца XVII в. (древняя копия знаменитой иконы С. Ушакова); икона «Св. Стефан Сербский», написана на камне, не ранее XV в.; икона Божией Матери западного типа, XVII–XVIII вв.; икона «мученики Флор и Лавр, покровители лошадей», древнерусское письмо; икона «Тайная вечеря» (со Спасителем и 12 апостолами, поздняя русская иконописная традиция, дар Н. А. Павловского); икона «Успение Богоматери» Палех, конец XVIII в. (от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Ткачевского); образ Спасителя, «писанный по старому образцу XVII в. Новгородского пошиба» (от прот. Ильи Ливанского); икона Богоматери «Корсунская», монастырское письмо (позднее русское живоподобие), вторая половина XVIII в. (от московского купца Е. И. Селина, через П. С. Ткачевского); икона Божией Матери на дереве в басменном окладе, XVII–XVIII вв. (от В. И. Чичерова); древняя икона «св. Иоанн Предтеча» (от Г. Комягинского);

- коллекция русской деревянной скульптуры XVII–XIX вв. (15 предметов): крест-канунник с предстоящими «Плоды страданий Христовых, или Процветший крест», конец XVIII в. (происхождение: Болхов, Благовещенская церковь, сохраняется в новом епархиальном музее); скульптурная группа «Голгофа» небольшого формата, XVIII в. (Христос с «Распятия», одна из жен-мироносиц, Мария Магдалина?), скульптурная группа «Голгофа» среднего формата, XVIII в. (Христос с «Распятия», Богоматерь и апостол Иоанн Богослов); крупноформатная скульптура

«Христос в темнице»; скульптура «Христос в темнице»; древнерусская киотная скульптура «Мученица Параскева Пятница», XVII–XVIII вв.; древнерусская киотная скульптура «Никола Можайский», первая половина XVII в. (первая); киотная скульптура «Никола Можайский», XIX в. (вторая); горельеф «Голова Христа. Иисус Назаретянин Царь Иудейский», XIX в. (крупноформатный медальон в академической стилистике); резная икона (барельеф) «Явление Богоматери преподобному Сергию Радонежскому», XIX в., Сергиев Посад; паломническая резная икона (барельеф) «Великомученица Варвара», XIX в., Киев (происхождение: Никитско-Ахтырский собор, г. Орёл; сохраняется в новом епархиальном музее);

- произведения древнерусской и византийской пластики (литье, резьба по камню) (10 предметов): литая икона «Мученик Никита», XIV в. («литой образок», 42 x 38 мм); крест-энколпион, скульптурная голова святого «с нимбом», икона-рельеф из воскомастики «Преподобные Антоний и Феодосий Печерские» (предметы из археологической коллекции А. Н. Шульгина); змеевик из красной меди, 2 энколпиона, первая половина XII в. (происходят из древнерусского г. Вщиж); две каменных резных камеи (античность, раннее Средневековье, Византия?); крест дочери царя Михаила Федоровича великой княжны Татьяны Михайловны (первая половина XVII в.);

- коллекция фотодокументов и авторской графики ОЦИАО (фотографии, рисунки местночтимых икон – 11 фотографий): фотография иконы «Никола Столбовской», XI–XIV вв. (Севск-Дмитровский); фотография иконы Богоматери «Взыскание погибших», 1707 году (Болхов); 7 фотографий икон из Казанской (Знаменской) церкви из села Ближнее Гнездилово Болховского уезда Орловской губернии (иконы из выборки предметов, приведенных в источнике ОЦИАО: икона Богоматери «Казанская», до 1749 г.; запрестольная икона Богоматери «Тихвинская» с изображением на обороте св. Александра Свирского; икона «Знаменье Пресвятой Богородицы Новгородское», иконописец поп Георгий, 1725 г.; старинный складень «Святцы с изображением двенадцатых и других больших праздников»; старинные царские двери с рельефным изображением Благовещения и 4 евангелистов, XVIII в.; икона «Спас Нерукотворный» (30 x 24 см) с 4 изображениями из истории события; икона «Ангел Хранитель в деяниях (17 отдельных сцен); живописная икона «Распятие Христово со сценами 11 страстей Господних»; диаконские парные двери местного ряда иконостаса «Св. архидиаконы Стефан и Филипп»; местный образ Спасителя (местный ряд иконостаса); икона «Спас Вседержитель»; икона Богоматери «Боголюбская»; местночтимая икона Богоматери «Казанская» (известная здесь как «Божия Матерь с паперти»); «собственноручный рисунок иконы (хоругви) Грузинской Божией Матери» (А. Н. Шульгин); образ священномученика Кукуши Печерского (начало XX в.).

В результате проведенного исследования архивных источников и дореволюционной печати выявлено 37 предметов и 11 фотографий, наименования которых, а в ряде случаев датировка и стиль нам известны.

Отметим, что в составе коллекции Музея ОЦИАО не было списков с местночтимых икон Богоматери и святых (Орловской Балыкинской, Болховской Тихвинской, Белобережской, Чолнской, Молченской, Одринской и других), а также копий русских деревянных скульптур «Никола Мценский» и «Никола Болховский». Акцент в сборе памятников ставился не на редкой иконографии, а на исторической достоверности и древности предметов. Основное внимание собирате-

лей коллекции для Музея ОЦИАО было направлено на древние предметы религиозного назначения и иконы, чей стиль относится к традиционным русским иконописным школам, реже – на произведения поздней русской иконописи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уточненный в данном исследовании перечень предметов дореволюционного Музея Орловского церковного историко-археологического общества включает, кроме старопечатных и рукописных книг, предметов русского быта и археологии, древнерусские и поздние русские иконы, русские деревянные скульптуры, меднолитую пластику религиозного содержания, а также перечень фотографий предметов из собрания. Восстановленный перечень позволит надеяться на возможное выявление части сохранившихся предметов из Музея ОЦИАО в фондах орловских музеев и в собраниях храмов Орловской митрополии. При сравнении с известным списком предметов Музея ОЦИАО, включающим произведения иконописи и скульптуры, подготовленного в 1910 г. П. С. Ткачевским, полученных автором в данном исследовании результатов становится очевидным, что список Ткачевского неполный, так как он завершается 1910 г., а музейное собрание комплектовалось до конца 1917 г. И даже в списке П. С. Ткачевского 1910 г. отсутствуют предметы, которые перечисляются на заседаниях ОЦИАК и ОЦИАО как подаренные, выкупленные или переданные из предыдущего собрания «древлехранилища» при семинарии.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарность митрополиту Орловскому и Болховскому преосвященному Тихону (Доровских), предоставивших доступ к исследованию собраний иконописи и скульптуры, находящихся в действующих храмах Орловской и Болховской епархии.

Список литературы:

1. Антонова, М. В. Проблемы текстологии «Сказания о зачатии Свенского монастыря» / М. В. Антонова, М. А. Комова // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 185–187. – EDN VHRYEY.
2. Ашихмин, И. Л. Особенности музейного дела в Орловском крае в 20-е годы XX века / И. Л. Ашихмин // Новейшие исследования в области истории и педагогики: Материалы II Международной научной конференции, Орёл, 26 апреля 2022 года / Редколлегия: И.Е. Воронкова (и др.). – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. – С. 78–89. – EDN YNESZR.
3. Ашихмин, И. Л. Становление музейного дела в Орловской губернии в 20-е годы XX века / И. Л. Ашихмин // Роль и место советского государства в мировой истории: опыт, наследие и взгляд в будущее (к 100-летию образования СССР): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 17 апреля 2022 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2022. – С. 26–33. – EDN EZUYUZ.
4. Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи / Г.И. Вздорнов. – Москва: Индрик, 2006. – 411 с.
5. Голотвин, А. Н. К истории археологического изучения Липецкой области: работы П.С. Ткачевского в Усманском районе / А. Н. Голотвин // Верхнедонской археологический сборник: Сборник статей / Отв. редакторы А.А. Бессуднов, Е.Ю. За-

харова. Выпуск 11. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 452–467. – EDN PXYJKD.

6. Жарков, М. А. История Орловской епархии / М. А. Жарков, В. А. Ливцов, А. В. Лепилин. – Орёл: Издательский дом «Орлик» и К, 2007. – 240 с. – EDN ZCGSHL.

7. Комова, М. А. Иконное наследие Орловского края XVIII–XIX веков / М. А. Комова; М. А. Комова; Орловский гос. ун-т. – М.: Индрик, 2012. – ISBN 978-5-91674-183-4. – EDN QWCNGF.

8. Комова, М. А. Русская деревянная скульптура «Никола Мценский»: Сказание, иконография, стиль / М. А. Комова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2017. – № 2 (100). – С. 88–90. – EDN YNCWOT.

9. Лазарева, Т. В. Алтарные преграды храмов Центральной России Нового времени. Монография. Серия: Научная мысль. 244 с.

10. Ливцов, В. А. История Орловской духовной семинарии / В. А. Ливцов // «Образ» религии: религиозное образование в многообразии религиозных культур: материалы Международной научно-практической конференции, Орёл, 30 ноября – 2017 г. – Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2019. – С. 94–100. – EDN QIAMLG.

11. Ливцов, В. А. Православное наследие России: ритуалы и обряды, искусство и богословская мысль / В. А. Ливцов, М. А. Комова, Р. А. Богатырев // Энциклопедия нематериального культурного наследия России: Посвящается Году культурного наследия народов России / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. – М.: Институт Наследия, 2022. – С. 79–100. – EDN CERBDC.

12. Поляков, Г. П. Музей церковных древностей при Орловском церковном историко-археологическом обществе (по докладу П.С. Ткачевского от 27 августа 1910 г.) / Г. П. Поляков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2 (40). – С. 53–57. – EDN OGKGET.

13. Поляков, Г. П. Церковные историко-археологические музеи Орловской епархии в начале XX века / Г. П. Поляков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 2 (15). – С. 171–175. – EDN OKKZAZ.

14. Свешникова, Е. Е. Из истории формирования музейной сети в Орловской губернии в 1917–1920 гг. / Е. Е. Свешникова // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1 (3). – С. 86–93. – EDN OOAUB.

15. Свешникова, Е. Е. Особенности формирования Орловского губернского музея / Е. Е. Свешникова // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры: Забелинские научные чтения – 2004 / Государственный Исторический музей. – М.: Тиссо-Полиграф, 2005. – С. 378–384. – EDN YQJKNH.

Сведения об авторе:

КОМОВА Марианна Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, e-mail: marianna.orel@mail.ru, SPIN-код: 5766-6602, AuthorID: 649048; <https://orcid.org/0009-0004-3618-0661>

References:

1. Antonova, M. V. and Komova, M. A. (2015) Problems of textual criticism of «The Tale of the Conception of the Svensky Monastery». *Bulletin of Bryansk State University*. no. 3. P. 185-187. (In Russ.). EDN VHRYEY.
2. Ashikhmin, I. L. (2022) Features of museum business in the Orel region in the 1920 p. *The latest research in the field of history and pedagogy: Proceedings of the II International Scientific Conference*, Orel, April 26, 2022. Editorial board: I.E. Voronkova (et al.). Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev, P. 78-89. (In Russ.). EDN YNESZR.
3. Ashikhmin, I. L. (2022) Formation of museum business in the Orel province in the 1920 p. *The role and place of the Soviet state in world history: experience, legacy and a look into the future* (on the 100th anniversary of the formation of the USSR): materials of the All-Russian scientific and practical conference, Orel, April 17, 2022. Kursk: Closed Joint-Stock Company «University Book», Pp. 26-33. (In Russ.). EDN EZUYUZ.
4. Vzdornov, G. I. (2006) *Restoration and science. Essays on the history of the discovery and study of ancient Russian painting*. Moscow: Indrik, 2006. 411 p. (In Russ.).
5. Golotvin, A. N. (2019) On the history of the archaeological study of the Lipetsk region: works of P.S. Tkachevsky in the Usman region. *Verkhnedonskaya archaeological collection: Collection of articles* / Responsible. editors A.A. Bessudnov, E.Yu. Zakharova. Issue 11. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, pp. 452-467. (In Russ.). EDN PXYJKD.
6. Zharkov, M. A. et al. (2007) *History of the Orel diocese*. Orel: Publishing house «Orlik» and K, 240 p. (In Russ.). EDN ZCGSHL.
7. Komova, M. A. et al. (2012) *Icon heritage of the Orel region of the 18th-19th centuries*. Orel State un-t. M.: Indrik. ISBN 978-5-91674-183-4. (In Russ.). EDN QWCNGF.
8. Komova, M. A. (2017) Russian wooden sculpture "Nikola Mtsensky": Legend, iconography, style. *Bulletin of Novgorod State University*. no. 2 (100). P. 88-90. EDN YNCWOT. (In Russ.).
9. Lazareva, T. V. Altar barriers of temples of Central Russia of the New Time. Monograph. *Series: Scientific Thought*. 244 p. (In Russ.).
10. Livtsov, V. A. (2019) History of the Orel Theological Seminary. «Image» of religion: religious education in the diversity of religious cultures: materials of the International scientific and practical conference, Orel, November 30, 2017. Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev, P. 94-100. (In Russ.). EDN QIAMLG.
11. Livtsov, V. A. et al. (2022) Orthodox heritage of Russia: rituals and ceremonies, art and theological thought. *Encyclopedia of the intangible cultural heritage of Russia: Dedicated to the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia* / Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhacheva. M.: Institute of Heritage, P. 79-100. (In Russ.). EDN CERBDC.
12. Polyakov, G. P. (2011) Museum of Church Antiquities at the Orel Church Historical and Archaeological Society (based on the report of P.S. Tkachevsky dated August 27, 1910). *Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. no. 2 (40). P. 53-57. (In Russ.). EDN OGKGET.
13. Polyakov, G. P. (2010) Church Historical and Archaeological Museums of the Orel Diocese at the Beginning of the 20th Century. *Central Russian Journal of Social Sciences*. no. 2 (15). P. 171-175. (In Russ.). EDN OKKZAZ.

14. Sveshnikova, E. E. (2011) From the history of the formation of the museum network in the Orel province in 1917–1920. *Questions of Museology*. no. 1 (3). P. 86–93. (In Russ.). EDN OOAUAB.

15. Sveshnikova, E. E. (2005) Features of the formation of the Orel Provincial Museum. *Historical Museum – Encyclopedia of Russian History and Culture: Zabelinsky Scientific Readings* – 2004. State Historical Museum. M.: Tissot-Poligraf, P. 378–384. (In Russ.). EDN YQJKN.

Authors:

KOMOVA Marianna A., Candidate of Art History, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, e-mail: mariamna.orel@mail.ru, SPIN-код: 5766-6602, AuthorID: 649048, <https://orcid.org/0009-0004-3618-0661>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВЕТСКИХ ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ В 70–80-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Л. Н. Орлова , Е. А. Цыганкова

Московский государственный институт культуры
Адрес: 141406, Россия, ЦФО, Московская область, г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7
Орловское региональное отделение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»
Адрес: 302001, Россия, Орловская область, г. Орёл, 1-я Посадская ул., д. 14

Поступила
в редакцию
19.11.2024

Поступила
после
рецензирования
14.02.2025

Принята
к публикации
16.03.2025

Аннотация. Цель исследования – проанализировать основы идейно-политической работы в пионерских лагерях в СССР в 70–80-е гг. XX века, как составной части идеологической воспитательной системы СССР.

Методологией исследования является количественный и качественный анализ нормативных документов в сфере организации летнего отдыха в этот период.

Статья основана на анализе архивных источников, а также материалов газет и журналов исследуемого периода. Это позволило выявить, что в СССР в 70–80-е гг. XX века ставилась задача усиления идейно-нравственного, трудового воспитания пионеров и школьников в период летних каникул. Формировалась политическая культура подростков. Международный детский фестиваль 1977 года «Пусть всегда будет солнце!» расширил свои границы на площадках пионерских лагерей СССР. Фестиваль стал примером комплексного подхода к решению воспитательных задач, в том числе идейно-нравственного, трудового и интернационального воспитания.

Делается вывод, что большое значение в воспитательной работе лагеря для формирования мировоззрения имело включение пионеров в практическую деятельность. Каждый отряд имел зону пионерской заботы в лагере и вне его. В первые дни вожатый, воспитатель организовывал ребят на работу в зоне ближнего действия. Это уборка спальных комнат, оформление отрядных уголков, приведение в порядок спортивных и игровых площадок, подготовка места для отрядного костра и т. д. Расширенная зона пионерского действия представляла собой окрестные села, предприятия, детские сады и др. В результате, к концу 70-х – началу 80-х годов в СССР сложилась целостная система идейно-политического воспитания в пионерских лагерях.

Ключевые слова: пионерские лагеря, Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина, марши Всесоюзной пионерской организации, Конституция СССР, Международный детский фестиваль, зона пионерского действия

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Орлова Л. Н., Цыганкова Е. А. Идейно-политическое воспитание в советских пионерских лагерях в 70–80-е годы XX века // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 83–95. EDN QGGXYL. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-83-95>.

© Орлова Л. Н., Цыганкова Е. А., 2025

Original article

IDEOLOGICAL AND POLITICAL EDUCATION IN PIONEER CAMPS IN THE USSR IN THE 70-80S OF THE TWENTIETH CENTURY

L.N. Orlova , E.A. Tsygankova

Moscow State Institute of Culture

Address: 7, Bibliotechnaya St., Khimki, 141406, Russia, Central Federal District, Moscow Region

Orel Regional Branch of the All-Russian Political Party "UNITED RUSSIA"

Address: 14, 1st Posadskaya St., 302001, Orel, Russia

Received
19.11.2024

Revised
14.02.2025

Accepted
16.03.2025

Abstract. The purpose of the study is to analyze the foundations of ideological and political education in pioneer camps in the USSR in the 70-80s of the twentieth century as a part of Ideological education system of the USSR. The methodology of the study is a quantitative and qualitative analysis of regulatory documents in the field of organization of summer recreation during this period.

The article is based on the analysis of archival sources, as well as materials from newspapers and magazines of those years. This leads to the conclusion that in the USSR in the 70-80s of the twentieth century, the task was to strengthen the ideological, moral, labor education of pioneers and schoolchildren during summer holidays. This actively contributed to the education of political culture of teenagers. International Children's Festival of 1977 «Let There Always Be Sunshine!» expanded its boundaries on the sites of pioneer camps of the USSR. The festival became a good example of a comprehensive approach to solving educational problems, including ideological and moral, labor and international education.

It is concluded that the inclusion of pioneers in practical activities was of great importance in the educational work of the camp for the formation of a worldview. Each detachment had a pioneer care zone in the camp and outside it. During the first days, the counselor, educator organized the children for work in the short-range area. This included cleaning bedrooms, decorating squad corners, tidying up sports fields and playgrounds, preparing a place for a squad fire, etc. The expanded zone of pioneer activity included surrounding villages, enterprises, kindergartens, etc. Thus, by the end of the 70s – beginning of the 80s, a comprehensive system of ideological and political education in pioneer camps had developed in the USSR.

Keywords: pioneer camps, All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin, Marches of the All-Union Pioneer Organization, Constitution of the USSR, International Children's Festival, pioneer action zone

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Orlova L. N., Tsygankova E. A. (2025) Ideological and political education in pioneer camps in the USSR in the 70-80s of the twentieth century. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.83–95. EDN QGGXYL. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-83-95>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами, связанными как с исторической ценностью, так и с современными вызовами. Во-первых, пионерские лагеря были важным институтом советского воспитания, и их роль в формировании идеологического сознания молодёжи в указанный период невозможно переоценить. В условиях регулируемой идеологической государственной пропаганды лагеря служили площадкой для внедрения социалистических ценностей, укрепления коллективизма и патриотизма у подрастающего поколения. Изучение этого аспекта позволяет глубже понять механизмы формирования общественного сознания в советском обществе и их влияние на будущие поколения.

Во-вторых, с учётом современного контекста, когда вопросы воспитания молодёжи, формирования гражданской позиции и идеологических установок вновь становятся актуальными, исследование опыта советского времени может предложить полезные уроки. Отношение к патриотизму, социальной справедливости и коллективизму остается важным элементом общественного дискурса в России и сегодня. Возможность анализа методов и подходов, используемых в пионерских лагерях, может способствовать разработке новых стратегий воспитательного воздействия на молодежь в условиях современных реалий. Работа над данной темой не только обогащает наше историческое знание о советском прошлом, но и открывает новые перспективы для дискуссий о воспитании и идеологическом образовании в современном обществе. Актуальность данной темы подчеркивается и многообразием подходов к ее изучению – от социальной и культурной истории до педагогики и психологии.

При раскрытии темы статьи можно применять несколько методов, которые позволят глубже исследовать и проанализировать эту важную проблему.

Исторический метод стал основой для изучения контекста, в котором проходило воспитание подрастающего поколения. Анализ архивных документов, литературных источников и воспоминаний участников пионерских лагерей позволит проследить, каким образом формировались идеологические установки и какие конкретные методы использовались для их внедрения. Этот метод поможет охватить не только формальные аспекты воспитания, но и более глубокие культурные и социальные изменения, происходившие в обществе.

Сравнительный метод позволяет сопоставить различные аспекты идеологического воспитания в пионерских лагерях с аналогичными практиками в других социальных или образовательных учреждениях как в Советском Союзе, так и за его пределами. Исследование, например, опыта западных лагерей может выявить сходства и различия в подходах к воспитанию, а также осветить влияние глобальных процессов на локальные практики.

В совокупности эти методы позволят всесторонне исследовать тему и сделать более глубокие выводы о роли идеологического воспитания в пионерских лагерях в СССР в 70–80-е гг. XX века.

В последнее время всё острее поднимается проблема идеологического воспитания подрастающего поколения. К сожалению, современные подростки не способны в полной мере критически осмысливать происходящее, присутствует также полная незаинтересованность в политических и экономических проблемах, отсутствует чувство гордости за свою страну.

Каким же образом решалась данная проблема в Советском Союзе?

Понятно, что пионерская организация являлась проводником идей коммунистической партии и комсомола, она учила анализировать события в стране и в мире, учила гордиться страной и народом. Однако ее деятельность не ограничивалась рамками школы. Продолжение этой работы проходило в пионерских лагерях, работа в которых на всём своём протяжении носила не просто развлекательный, а идеологически насыщенный характер, была тесно связана с жизнью страны, народа, комсомола, Всесоюзной пионерской организации.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Организация отдыха детей и подростков в СССР была основана на так называемом принципе непрерывности и преемственности в деятельности пионерской организации, что означало логически подготовленный, естественно происходящий переход в деятельности пионеров от одного этапа к другому. Такой переход воплощает на последующем этапе всё то положительное, что было достигнуто на предыдущем. Важно отметить, что организационная структура пионерской организации была представлена пионерскими дружинами и отрядами школ и пионерских лагерей. Принцип непрерывности деятельности пионерской организации требовал наличия органической связи между всеми звеньями данной организационной структуры.

Подробнее остановимся на идеологическом воспитании в пионерских лагерях в 70–80-е гг. XX века как неотъемлемой составной части системы советского воспитания, призванной обеспечить непрерывность и последовательность процесса воспитания, его идейно-политическую насыщенность и общественно полезную направленность; включение каждого учащегося в различные виды деятельности; формирование у детей политической культуры, развитие высоких духовных потребностей, стремления совершать добрые дела для коллектива и людей (Вожакий, 1982, С. 37).

В год 50-летия Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина в постановлении ЦК КПСС от 26 марта 1972 года отмечалось, что пионерская организация активно участвует в решении задач идейно-нравственного становления и всестороннего развития юных граждан. Ее история богата примерами патриотизма, самоотверженности, подлинного героизма (Всесоюзная..., 1972, С. 21).

На пленумах ЦК ВЛКСМ ставились задачи улучшения политико-воспитательной работы с подростками и молодежью: укреплять связь с жизнью, обеспечивать непрерывность процесса воспитания молодых людей в трудовых и учебных коллективах, по месту жительства и отдыха, с учетом современных запросов и потребностей (Товарищ..., 1983, С. 432).

Акцент делался на утверждении в сознании подрастающего поколения советского патриотизма и социалистического интернационализма, чувства гордости за принадлежность к великой Родине (Товарищ..., 1983, С. 433).

Отмечалась необходимость совершенствования военно-патриотического и физического воспитания – развивать и обогащать содержание Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, формы и методы оборонно-массовой работы (Товарищ..., 1983, С. 433).

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная тематика нашла отражение в монографиях Л. Н. Орловой «Яркие страницы славной истории» (Орлова, 2022); В. А. Ливцова, А. Ю. Сарана, Л. Н. Орловой, О. С. Фефеловой «Комсомол Орловской области: история становления и развития.

1918–1991 гг.» (Ливцов..., 2019), статьях Л. Н. Орловой, Е. А. Цыганковой (Садовниковой) «Развитие летнего отдыха в 50–60-е годы XX века в Советском Союзе как одно из направлений работы комсомола и пионерской организации», «История развития системы отдыха и оздоровления детей во взаимодействии с комсомолом и пионерской организацией в 40–50-е годы XX века» (Цыганкова, 2023).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодные постановления государственных и общественных органов «О дальнейшем расширении сети и укреплении материальной базы пионерских, спортивно-оздоровительных лагерей и лагерей труда и отдыха учащейся молодежи, улучшении организации и руководства их работой» являлись основополагающими при планировании и организации работы летом. Кроме того, Бюро Центрального Совета пионерской организации ежегодно утверждало рекомендации по совершенствованию воспитательной работы пионерских лагерей, разработанные ЦС ВПО и отделом педагогики комсомольской и пионерской работы НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. В основу была положена трудовая и общественная деятельность школьников. В течение лета каждый ребенок должен был овладеть новыми умениями и навыками, укрепить свое здоровье и физически закалиться (Вожатый, 1982, С. 37), тем более с учетом основных особенностей пионерского лагеря: оздоровительный характер его деятельности, кратковременность пребывания детей (12 – 40 дней), высокая интенсивность (по сравнению со школой) общения внутри детского коллектива за счет свободного времени. Кроме того, условия лагеря позволяли закреплять и развивать знания, умения и навыки, приобретенные в пионерском отряде школы.

Рекомендации для пионерских лагерей строились на основе резолюций съездов КПСС, ВЛКСМ, а также направлений маршей Всесоюзной пионерской организации (программ деятельности). Например, в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века реализовывался всесоюзный марш пионерских отрядов «Пионеры всей страны делу Ленина верны», и в соответствии с ним с учетом различных юбилейных событий или ключевых мероприятий страны строился план работы пионерского лагеря.

В 1980 году таковыми датами являлись: 110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина (для чего предписывалось в доступной форме на примерах работы близлежащих предприятий, колхозов и совхозов показывать, как претворяются в жизнь заветы В. И. Ленина; определить каждому пионерскому лагерю задания по сбору материалов для пополнения и обновления экспозиций школьных музеев, ленинских комнат, уголков, созданию летописей трудовых коллективов, награжденных орденом Ленина, носящих имя В. И. Ленина); 35-летие Победы советского народа над фашистской Германией (рекомендовалось вовлекать пионерские отряды в походы по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа; углублять работу, связанную с воспитанием подростков на примере жизни и подвига героя, чье имя носит лагерь; продолжить шефство пионеров над братскими могилами, местами захоронений советских воинов, аллеями и парками памяти героев; знать бывших фронтовиков – сотрудников лагеря, записывать их воспоминания; проводить встречи с ветеранами войны, сборы и костры пионерской отваги, кинофестивали о бессмертном подвиге советского народа, военизированные игры, активно создавать профильные отряды «Поиск», «Красные следопыты», проводить операции «Герои живут рядом», «Звезды Тимура», «Ветеран

живет рядом», открывать мастерские по изготовлению сувениров ветеранам); XXII Олимпийские игры в Москве (в инструктивном письме призывалось раскрывать подросткам политическую обстановку при подготовке и проведении Олимпийских игр, сущность олимпийского движения, его историю, пропагандировать достижения советского спорта, а также организовать в течение лета туристические походы, сдачу летних норм комплекса ГТО, обучение детей плаванию, проводить соревнования на призы клубов ЦК ВЛКСМ) (Вожатый, 1980, С. 35).

Кроме того, в инструктивных письмах и рекомендациях ЦК ВЛКСМ, ЦС ВПО по организации летнего отдыха акцент делался на политическом воспитании подростков, формировании умения анализировать события, происходящие в стране и мире, для чего предлагалось знакомить пионеров и школьников в доступной форме с претворением в жизнь планов очередной пятилетки; проводить еженедельные обзоры политических событий в стране и мире; организовывать пионерские агитбригады, пресс- и радиоцентры, советы политинформаторов, политические клубы «Колокол», «Ровесник», «Планета», «Я вижу мир» и др.; проводить пресс-конференции, вечера вопросов и ответов по актуальным проблемам внутренней и международной жизни, линейки, манифестации против бедственного положения детей и подростков в капиталистических странах, антинародного и милитаристского курса их правительств; содействовать развитию познавательной активности детей и подростков, расширению их кругозора, формированию научных взглядов на развитие природы и общества, закреплять и углублять знания, полученные в школе; повышать воспитательное значение пионерских символов и ритуалов, добиваться четкости и торжественности ежедневного подъема Государственного флага СССР, исполнения гимна СССР, выноса Красного пионерского знамени, отрядных флагов (Вожатый, 1982, С. 37).

Таким образом, в соответствии с данными инструктивными письмами и рекомендациями по организации летнего отдыха в СССР государством ставилась задача добиваться усиления идейно-нравственного, трудового воспитания пионеров и школьников в условиях летних каникул, активно способствовать воспитанию у пионеров основ коммунистического мировоззрения, качеств политического бойца, заботиться о том, чтобы каждое дело пионеров было идеологически насыщено, общественно значимо, воспитывало политическую культуру подростков (Вожатый, 1980, С. 35).

Можно скептически относиться к тому, что дети участвовали в обсуждении главного закона страны – Конституции. Однако в 1977 году проект Конституции СССР активно обсуждался на сборах и в беседах во всех пионерских лагерях, куда приезжали молодые депутаты, герои труда, ветераны комсомола (Гусев, 1981, С. 163).

В этом же году, в июле, в Москве открылся Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!», цель которого была сформулирована Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым: «Находясь в гостях в СССР, вы сможете ближе познакомиться с нашей страной, в которой все лучшее принадлежит подрастающему поколению, сможете понять глубокую приверженность нашего народа прочному миру во всем мире» (Гусев, 1981, С.164).

После открытия фестиваль получил продолжение в пионерских лагерях страны. Во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» в рамках смены состоялся митинг «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу между наро-

дами», прошли костры Дружбы (Гусев, 1981, С. 164).

В «Артеке» данный фестиваль стал важным этапом подготовки к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, укрепил дружбу и солидарность детей планеты: там состоялись встречи с делегациями стран, борющихся за свою независимость, национальное освобождение; открылся «базар солидарности»; прошли конкурсы рисунков на асфальте, политической песни, политического плаката. В День труда все деньги, заработанные подростками в окрестных колхозах и совхозах, были перечислены в фонд мира (Гусев, 1981, С. 165).

Успех фестиваля был обусловлен большой и разносторонней работой по идеологическому и интернациональному воспитанию пионеров и школьников, имеющей глубокие традиции, вытекающей из самой сущности пионерского движения. Фестиваль стал хорошим примером комплексного подхода к решению воспитательных задач, в том числе идейно-нравственного, трудового и интернационального воспитания.

Однако самая активная реализация этих идей осуществлялась через общественно полезную деятельность и игру.

Стоит обратиться к практике работы лагеря пионерского актива «Крылатый», созданного на базе лагеря «Салют» (Московская область).

Методист Кировского дома пионеров г. Москвы Д. Н. Лебедев, неоднократно работавший в «Крылатом», обращал внимание, что актив лагеря должен готовить вновь избранных членов советов пионерских дружин, председателей отрядов, знаменосцев к работе в отряде, дружине. На основании многолетнего опыта пришли к выводу: учить актив в процессе коллективной деятельности, учить делом, которое проводится на пользу другим людям, стилем отношений, атмосферой увлеченности. В связи с этим перестроили программу учебы, предусмотрели в ней три момента: первый – коллективное планирование, второй – осуществление намеченных дел, третий – подведение итогов. В лагере существовала система чередования поручений: все звенья участвуют в выпуске газеты, в проведении политинформаций, устных журналов.

Проводимая в лагере игра «Будь готов!», по существу, прообраз дружинной игры, которую можно проводить в школе в дни подготовки к новому старту марша. Операция «РВС» организуется как разведка полезных дел. Главное во всем этом – закрепление полученных знаний, осознание ребятами, что опыт лагеря можно потом использовать в школе (Вожатый, 1984, С. 30).

Здесь же Д. Н. Лебедев отмечал: когда ребят одного из отрядов «Крылатого» спросили, о чем бы они рассказали другим, они ответили: «Здесь мы живем не для себя, а для окружающих лагерь людей» (Вожатый, 1984, С. 31). Таким образом не только проходило оздоровление подростков и учеба актива, но и расширялась из года в год зона пионерского действия: окрестные сёла и люди, живущие в них; совхозные поля; территория лагеря «Салют»; детский сад «Солнышко». Таким образом происходило становление гражданской позиции пионера-активиста: радеющий за коллектив и его дело, борец за интересную, творческую пионерскую жизнь, любящий свою Родину (Вожатый, 1984, С. 32).

Итак, мы видим, что немаловажное значение в воспитательной работе лагеря для формирования мировоззрения имело включение пионеров в практическую деятельность. У каждого отряда была зона пионерской заботы в лагере и вне его. В первые дни вожатый, воспитатель организовывал ребят на работу в зоне ближ-

него действия. Это уборка спальных комнат, оформление отрядных уголков, приведение в порядок спортивных и игровых площадок, подготовка места для отрядного костра и т. д. Расширенная зона пионерского действия представляла собой окрестные сёла, предприятия, детские сады и др.

В пионерском лагере имени М. Ю. Лермонтова (Кавказские Минеральные Воды) зона пионерского действия представляла собой ближайшие совхозы, колхозы, лесничества, питомники. Участие в операциях «Зеленый лес», «Лечебное лукошко», «Муравейник», «Зернышко» и других помогало решать задачи идейно-нравственного, трудового воспитания задействованием в общем труде. Стоит отметить, что при организации общественно полезного труда детей использовались игровые формы, придающие эмоциональную окраску труду. Например, пионерские операции «Разведай, выполни, сообщи», «Радость людям», трудовые десанты «Лагерь наш, пионерский, мы – хозяева в нем!», тимуровские рейды, трудовые задания «Дело зовет – добровольцы вперед!». Использование при организации некоторых видов деятельности игровых приемов (составление донесений, использование пакетов-заданий с гайдаровской звездочкой, приказов) вызывало интерес и у старших пионеров.

В конце смены вожатый помогал оформить собранный в лагере материал; проводились сборы, где обсуждалось, как прошла смена, что можно взять из опыта на перспективу (Совместная..., 1983, С. 87).

Интересен опыт так называемого костра пионерской отваги. Вечером, 15 июля 1972 года, по инициативе ЦС ВПО имени В. И. Ленина и редакции журнала «Вожатый» во всех пионерских лагерях Советского Союза зажглись «костры пионерской отваги», где подростки рассказывали о подвигах юных, об итогах трудовых десантов, о достижениях в спорте, о победах в военно-спортивных играх (Вожатый, 1973, С. 16).

Редакция получила много откликов о его проведении: «На Костре мы вспоминали страницы «Пионерской летописи», рассказывали о подвигах Лени Голикова, Вали Котика и многих других. Но Костер был посвящен и тем, кто сидел вокруг него. Когда готовились к празднику, вдалеке неожиданно вспыхнул лесной пожар. Группа ребят побежала его тушить, а остальные – в лагерь за ведрами и лопатами. Пионеры, образовав большую цепь, окружили участок пожара, сбивали огонь ветками, засыпали горящую траву песком... Когда из деревни приехали взрослые, тревога уже миновала. О смелости, мужестве ребят мы рассказывали на Костре отваги и вручили им памятные подарки и медали» (лагерь «Лучезарный», Рязанская область) (Вожатый, 1972, С. 32).

«В лагере «Рассвет» (Павловский район Алтайский край) утром 15 июля была переключка юных героев, затем все пошли на военно-спортивную игру «Азимут». Вечером при свете костра проходил конкурс инсценированной песни» (Вожатый, 1972, С. 32).

Пионеры лагеря «Ракета» (Ростов-на-Дону) встретились с партизанами Белоруссии и услышали от них рассказ о юных подпольщиках, юных разведчиках. При свете костра сочинили телеграммы и послали их тем, кто в годы войны был юным героем (Вожатый, 1973, С. 17).

В этот день подростки работали на колхозных и совхозных полях, собирали лекарственные травы; во многих лагерях открылись залы и выставки пионерской славы.

Данный опыт в дальнейшем стал традицией как одно из ключевых дел летнего лагеря, направленных на идейно-нравственное становление подростков.

Оздоровительная работа в пионерских лагерях велась в тесном единстве с формированием активной жизненной позиции, основой которой является мировоззрение, которая также реализуется в общественно полезной деятельности.

Так, в пионерском лагере «Дубрава» (Ставропольский край) предусматривались такие формы и методы работы, которые помогали развивать в детях потребность участвовать в общественно полезных делах, в ходе которых они решали практически те или иные задачи общего труда, а это, в свою очередь, влияло и на мировоззрение подростков. В программу деятельности пионерских отрядов этой дружины были включены встречи с рабочими шефствующего над лагерем предприятия – завода «Пятигорсксельмаш», с людьми, награжденными орденом Ленина и другими наградами.

Отправляя отряды в заочную экспедицию «По дорогам ленинской мечты», совет дружины предлагал ребятам описывать в дневнике отряда каждый прожитый в лагере день, рассказывать о том, что они узнали, увидели, сделали. Дневник оформлялся рисунками, фотографиями, стихотворениями пионеров. По окончании смены материалы передавались совету дружины. О проделанной работе ребята рассказывали и в «Наказе пионерам» новой смены лагеря: «...рассказали младшим пионерам о жизни и деятельности С. М. Кирова... Нашим ударным объектом была строительная площадка нового корпуса лагеря. Может быть, и вы будете там работать? Пионеры первого отряда первой лагерной смены» (Совместная..., 1983, С. 85).

Пионеры следующей смены принимали предложения их предшественников, продолжая трудиться на строительстве лагеря, и включались в операцию «Энергия». При этом вожатые активно использовали знания пионеров старших отрядов, привлекая их к проведению бесед, викторин, игр с младшими пионерами и октябрятами, тем самым ставя их в позицию старших.

Участвуя в операции «Энергия», ребята встречались с работниками объединенного диспетчерского управления Северного Кавказа, которые рассказали, как приходит свет в города-курорты; пионеры узнали, сколько в лагере расходуется электроэнергии на приготовлении пищи и на хозяйственные нужды. Всё это побудило ребят по-хозяйски относиться к расходованию электроэнергии в корпусах лагеря. Успех проводимой в этом лагере работы состоял в том, что она была не эпизодическим мероприятием в смену, а осуществлялась непрерывно в процессе разнообразных пионерских дел и переходила в следующую смену (Совместная..., 1983, С. 85).

В Вологодской области в 1982 году было открыто 266 лагерей труда и отдыха, из которых большинство прижилось при совхозах, лесничествах, передвижных мелиоративных колоннах. Таких, соответственно, 102, 22 и 26. 66 таких лагерей было открыто в Вологде при заводах и фабриках.

За три недели, проведенные в лагере, подростки сильно изменились. Каждый рабочий день давал заметные прибавления в производительности труда. Ведь когда подростки в душе уже давно считали себя взрослыми, но работа предъявила свои жесткие требования к знанию оборудования, владению операциями, физической сноровке, выносливости – такое крушение мечтаний при встрече с главной взрослой привилегией – настоящей работой – давалось тяжело, но укрепляло физически и морально.

«...Мы тут за двадцать дней стали совсем-совсем другими, – написали они в дневнике отряда. – Приедем, родители удивятся» (Вожатый, 1984, С. 41–42).

Одна мама рассказывает, как ее дочка приехала домой и вдруг заплакала: «Мама, я такая дура была, выпрашивала у тебя туфли за 60 рублей, разве ж я знала, как эти рубли тебе достаются» (Вожатый, 1982, С. 41–42).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основы идейно-политической убежденности, глубокое чувство любви к Родине, бережливое отношение ко всему, что создано рабочими руками, воспитывались у подростков в пионерских лагерях в процессе осознания ими своей сопричастности к делам народа. Формирование жизненной позиции происходило через общественно полезный труд.

Как подчеркивалось в докладе ЦК ВЛКСМ XVIII съезду комсомола, общественно полезный труд – это активное постижение мира, познание самого себя. Воспитать юного человека с социалистическим мышлением – значит не просто дать ему знания и трудовые навыки. Это значит научить его коллективизму, дисциплине, воспитать у него реальное представление о жизни в стране и за рубежом, умение разбираться в различных явлениях действительности (Товарищ..., 1983, С. 299).

Таким образом, опираясь на опыт пионерских лагерей 70–80-х годов XX века по идейно-политическому воспитанию подростков, стоит в современных оздоровительных лагерях ввести элементы той системы, чтобы подростки включались в различные виды деятельности, стремились совершать добрые дела для коллектива и людей.

Список литературы:

1. Ахмедов, Б. Г. Военно-патриотическое воспитание молодежи в 1970–1980 гг. / Б. Г. Ахмедов, О. А. Сулейманова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2008. – № 4 (16). – С. 57–62. – EDN OQLHAB.
2. Барсенков, А. С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 гг. / А. С. Барсенков // Российская история. – 2014. – № 6. – С. 77–98. – EDN TGWGUB.
3. Вожатый. – 1972. – № 11.
4. Вожатый. – 1973. – № 5.
5. Вожатый. – 1980. – № 5.
6. Вожатый. – 1982. – № 1.
7. Вожатый. – 1982. – № 4.
8. Вожатый. – 1984. – № 5.
9. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина. Документы и материалы съездов, конференций, пленумов, Бюро, Секретариата ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета пионерской организации имени В.И. Ленина. – М., 1972.
10. Гусев А. Год за годом. Из летописи детского коммунистического движения СССР (1917–1981 гг.). / А. Гусев. – Москва: Молодая гвардия, 1981. – 206 с.
11. Козлова, А. В. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) / А. В. Козлова // Антропологический форум. – 2020. – № 45. – С. 75–115. – EDN MWZRTC. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2020-16-45-75-115>.
12. Ливцов В.А., Саран А.Ю., Орлова Л.Н., Фефелова О.С. Комсомол Орловской

области: история становления и развития. 1918–1991 гг.: монография / под общ. ред. В.А. Ливцова. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019.

13. Орлова Л.Н., Черкашин И.В., Песин А.И. Яркие страницы славной истории (Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина). – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. – 304 с.

14. Орлова, Л. Н. Методы социального взаимодействия учреждений дополнительного образования детей и детских общественных объединений в патриотическом воспитании подростков / Л. Н. Орлова, Е. А. Цыганкова // Дополнительное образование – социокультурный институт самореализации детей и молодежи (к 100-летию системы дополнительного образования): Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орел, 27 сентября 2018 года. – Орел: Орловский государственный институт культуры, 2019. – С. 221–224. – EDN ELROIE.

15. Совместная деятельность школы и внешкольных учреждений в формировании общественной активности пионеров и школьников Сб. науч. тр. / АПН СССР, НИИ общ. пробл. воспитания. – М.: АПН СССР, 1983. – 89 с.

16. Товарищ Комсомол: документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. 1968–1982 / Сост.: В. Окопыш и др. – Москва: Мол. гвардия, 1983. – 544 с.

17. Цыганкова, Е. А. Летний отдых как одно из направлений деятельности пионерской организации Орловской области в 50-е годы XX века / Е. А. Цыганкова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 1 (90). – С. 35–38. – EDN ALYXXX.

18. Pomelov, V. B. The Centenary of the Pioneer Movement: history and lessons / V. B. Pomelov. Perspectives of Science and Education. – 2022. no. 3(57). P. 553–565. – EDN ZGFMXJ. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.3.32>.

19. Perepich, N. V. Soviet Worship Cantatas and Oratorios of the Late 1950s – Early 1980s for Children's Chorus / N. V. Perepich. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2016. Vol.9, no. 1. P. 169–183. EDN VIYZVP. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-1-169-183>.

Сведения об авторах:

ОРЛОВА Людмила Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры, e-mail: orlova.iz.orla@gmail.com, SPIN-код: 4449-8144, AuthorID: 948230; ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3149-2370>

ЦЫГАНКОВА (САДОВНИКОВА) Елена Александровна, заместитель Руководителя Регионального исполнительного комитета – начальник отдела агитационно-пропагандистской работы Орловского регионального отделения Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», e-mail: lenaorel07@mail.ru, SPIN-код: 6495-5054, AuthorID: 1238297; <https://orcid.org/0009-0005-6819-2613>

References:

1. Akhmedov, B. G. and Suleymanova, O. A. (2008) Military-patriotic education of youth in 1970–1980. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. no. 4 (16). pp. 57–62. EDN OQLHAB. (In Russ.).

2. Barsenkov, A. S. (2014) The policy of perestroika and the reform of Soviet society in 1985–1991. *Russian history*. no. 6. P. 77–98. – EDN TGWGUB.

3. Counselor. – 1972. – No. 11. (In Russ.).
4. Counselor. – 1973. – No. 5. (In Russ.).
5. Counselor. – 1980. – № 5. (In Russ.).
6. Counselor. – 1982. – № 1. (In Russ.).
7. Counselor. – 1982. – № 4. (In Russ.).
8. Counselor. – 1984. – № 5. (In Russ.).
9. *All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin*. Documents and materials of congresses, conferences, plenary sessions, Bureau, Secretariat of the Central Committee of the Komsomol, Central Council of the Pioneer Organization named after V.I. Lenin. Moscow, 1972. (In Russ.).
10. Gusev, A. (1981) *Year after year. From the annals of the children's communist movement of the USSR (1917-1981)*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 206 p. (In Russ.).
11. Kozlova, A. V. (2020) *How to Raise Independent and Proactive Pioneers: Pedagogical Tactics of Artek and Orlyonok (1957–1991)*. Anthropological Forum. no. 45. p. 75–115. (In Russ.). EDN MWZRTC. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2020-16-45-75-115>.
12. Livtsov, V. A., Saran, A. Yu., Orlova, L. N., Fefelova, O. S. (2019) *Komsomol of the Oryol Region: History of Formation and Development. 1918–1991: Monograph* / edited by V. A. Livtsov. – Orel: Publishing House of the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa, 2019. (In Russ.).
13. Orlova, L.N., Cherkashin, I.V. and Pesin, A.I. (2022) *Bright pages of glorious history (All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin)*. Orel: Publishing House of the Central Russian Institute of Management –branch of RANEPa, 304 p. (In Russ.).
14. Orlova, L.N. and Tsygankova, E.A. (2019) Methods of social interaction of institutions of additional education for children and children's public associations in patriotic education of adolescents. *Additional education – a socio-cultural institute for self-realization of children and youth* (on the 100th anniversary of the additional education system): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Orel, September 27, Orel: Orel State Institute of Culture, Pp. 221–224. – EDN ELROIE. (In Russ.).
15. *Joint activities of schools and extracurricular institutions in shaping the social activity of pioneers and schoolchildren*. Coll. scientific. tr. / Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, Research Institute of General Problems of Education. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, 1983. 89 p. (In Russ.).
16. *Comrade Komsomol: documents of congresses, conferences, and the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League. 1968–1982* / Comp.: V. Okopysh et al. Moscow: Mol. Gvardia, 544 p. (In Russ.).
17. Tsygankova, E. A. (2021) Summer recreation as one of the activities of the pioneer organization of the Orel region in the 50s of the XX century. *Scientific notes of the Orel state university*. no. 1 (90). P. 35-38. EDN ALYXXK. (In Russ.).
18. Pomelov, V. B. (2022) The Centenary of the Pioneer Movement: history and lessons. Perspectives of Science and Education. no. 3 (57). P. 553-565. (In Russ.). - EDN ZGFMXJ. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.3.32>.
19. Perepich, N. V. (2016) Soviet Worship Cantatas and Oratorios of the Late 1950s – Early 1980s for Children's Chorus. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Vol.9, no. 1. P. 169-183. (In Russ.). EDN VIYZVP. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-1-169-183>.

Authors:

ORLOVA Lyudmila N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture, Central Federal District, Moscow Region, e-mail: orlova.iz.orla@gmail.com, SPIN-код: 4449-8144, AuthorID: 948230, <https://orcid.org/0000-0003-3149-2370>

TSYGANKOVA (SADOVNIKOVA) Elena A., Deputy Head of the Regional Executive Committee, Head of the Propaganda Department of the Orel Regional Branch of the All-Russian Political Party «UNITED RUSSIA», e-mail: lenaorel07@mail.ru, SPIN code: 6495-5054, AuthorID: 1238297, <https://orcid.org/0009-0005-6819-2613>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи, все авторы утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: all the authors made equal contribution to the research and writing of the article. All the authors – approval of the final version of the article, responsibility for the integrity of all parts of the article.

УДК [94:328.16](44)"18"
Оригинальная научная статья

<https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-96-110>
CC BY-NC 4.0

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КАРИКАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

С. С. Алейников

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95

Поступила
в редакцию
22.12.2024

Поступила
после
рецензирования
28.02.2025

Принята
к публикации
28.03.2025

Аннотация. Целью статьи является комплексный анализ становления епархиальных ведомостей в XIX – начале XX веков, как важного исторического источника.

Использовались сравнительный, хронологический и другие методы исторического исследования. А также применялся источниковедческий анализ. Епархиальные ведомости служат документальным свидетельством изменения общественной мысли и духовной жизни в различные исторические периоды. В этом издании публиковались разнообразные данные о церковной жизни, социальной структуре и культурных особенностях того времени. Они позволяют исследователям проследить, как церковь реагировала на вызовы времени, включая социальные изменения, политические кризисы и войны, а также как она способствовала формированию культурной идентичности общества. Епархиальные ведомости важны для изучения взаимодействия церкви с другими культурными институтами, такими, как образование и искусство. В них публиковались статьи об успехах местных педагогических учреждений, театров и художественных выставок, что отражает интерес церкви к развитию культуры и образования в регионах.

В результате выявлены основные этапы формирования епархиальных печатных изданий, их функциональное назначение и типологические особенности. Исследован ряд ключевых направлений в деятельности епархиальной прессы. Первым является история формирования епархиальных ведомостей. Вторым направлением является обзор типологии церковной периодики, а также ее жанров, иллюстраций, дизайна и графики. Третьим направлением исследования стало изучение тематики и содержания церковных периодических изданий. В четвертых, рассмотрено как епархиальная периодика влияла на общественное мнение населения российских дореволюционных регионов.

Ключевые слова: Церковь, периодические издания, история, церковная история, печать, тематика, религия, культура

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Алейников С.С. Социально-политические кризисы Третьей республики во Франции и их отражение в карикатуре последней четверти XIX века. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 96–110. EDN BEKUSP. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-96-110>.

© Алейников С.С., 2025

Original article

THE SOCIO-POLITICAL CRISES OF THE THIRD REPUBLIC IN FRANCE AND THEIR
REFLECTION IN THE CARICATURE OF THE LAST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

S. S. Aleinikov

Orel State University named after I.S. Turgenev
Address: 95, st. Komsomolskaya, 302026, Orel, Russia

Received
22.12.2024

Revised
28.02.2024

Accepted
28.03.2025

Abstract. In modern France, the exposure of corruption scandals and the affirmation of the importance of public protest movements are a part of the political culture, which has become the subject of the author's research. The impact of social crises on the internal political stability of the established political regime, as well as their importance in updating the state mechanism, actualize the research topic.

The purpose of the article is to analyze the socio-political crises of the Third Republic in France and their reflection in the caricature of the last quarter of the 19th century. The object of the analysis was the cartoons of the last quarter of the 19th century as visual sources reflecting public sentiments and political conflicts.

Based on a contextual analysis that takes into account historical conditions, the context of origin and perception, the socio-political crises of the Third Republic are described and structured. The problems of government, class struggle and the consequences of the Franco-Prussian War are revealed. A non-standard set of sources allowed the author to clarify the functional interrelationships between public sentiments, their formers and political forces. In particular, it is emphasized that the cartoonists of French magazines have recorded the effectiveness of a number of political transformations, which contributed to the popularity of grotesque illustrations and their public discussions.

The study is based on little-studied materials from French satirical publications, showing key differences in the mechanisms of their embodiment of images of «own» and «other (alien)» against the background of socio-political scandals of the last quarter of the 19th century.

As a result, the visual nature of caricatures as markers of public opinion and their role in shaping political identity in the historical period under consideration is verified. In the future, the use of these sources will help to consider the specifics of public relations and build a unified system of ideas about the era.

Keywords: political caricature, France, the Third Republic, the Tonkin affair, Boulangism, the Panama scam, the Dreyfus affair, the comic effect

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Aleinikov, S. S. (2025) The socio-political crises of the Third Republic in France and their reflection in the caricature of the last quarter of the 19th century. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.96–110. EDN BEKUSP. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-96-110>.

ВВЕДЕНИЕ

Рождение режима Третьей республики проходило в непростых условиях послевоенного восстановления Франции. Страна, претендующая на европейское господство, в одночасье утратила надежду даже на региональное лидерство. Боевые действия с Пруссией в 1870–1871 гг., а также конфликт коммунаров и версальцев разрушили хрупкий социальный компромисс, выстроенный в последние годы правления Наполеона III. Окончательный удар по прежней системе общественных отношений был нанесён в ходе Майской кровавой недели – череды столкновений, в ходе которых произошло подавление революционного правительства Коммуны. По словам отечественного историка М. Ц. Арзаканян, «страшную картину являл собой Париж в конце мая — начале июня 1871 г. Город был буквально завален трупами. Людей хоронили наспех и не только на кладбищах» (Арзаканян, 2016, С. 222).

Таким образом, период законодательного закрепления Третьей республики, начатый после падения Коммуны и закончившийся введением конституции 1875 года, способствовал возникновению новых исторических условий внутри Франции. Страна столкнулась с глобальными вызовами, связанными с нестабильностью государственного механизма. После введения основного закона во властных структурах возникло соперничество либерально настроенного парламента и президента, ориентирующегося на устойчивую вертикаль власти. Большую роль в новой системе государственных отношений стали играть социально-политические скандалы и кризисы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На основе анализа, историко-сравнительного, хронологического, нарративного методов рассмотреть всю совокупность карикатурных образов, представленных на страницах французских сатирических журналов в последней четверти XIX века под воздействием социально-политических кризисов рассматриваемой эпохи.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной науке наблюдается повсеместное внедрение визуализации в исторических исследованиях. Историк XXI века не ограничивает исследовательское поле только текстовыми источниками, активно расширяет его, обращается к графическому материалу – иллюстрациям, фотохронике, видеоматериалам, карикатуре. Ввиду малой степени изученности и сложной структуры (изображение, текст, символы, подтекст) сатирическая иллюстрация на сегодняшний день всё чаще становится объектом междисциплинарного анализа и требует интеграции достижений смежных наук на примере решения конкретной исследовательской задачи. В наши дни труды по истории Третьей республики с момента ее становления и до рубежа XX в. представлены в основном локальными исследованиями Э. А. Желубовской (Желубовская, 1956), А. В. Бодрова (Бодров, 2011, 2012), В. И. Антюхиной-Московченко (Антюхина-Московченко, 1986). В них описаны сложности становления нового режима и проблемы первых десятилетий, заложившие непрочный фундамент парламентского режима. Социально-политическим кризисам Франции последней четверти XIX века уделено определенное внимание исследователей, но их труды не охватывают всю специфику общественных отношений и не выстраивают единую систему представлений об эпохе. К числу таких изысканий относятся работы французских историков Ф. Сигера (Seager, 1969), А. Дансетта (Dansette, 1946) и отечественных авторов В. В.

Эрлихмана (Эрлихман, 2022), Л. Г. Прайсмана (Прайсман, 2020). Каждая из них посвящена одному из наиболее резонансных скандалов от Панамской аферы и движения генерала Ж. Буланже до дела А. Дрейфуса.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Неустойчивый характер возникшей во Франции политической системы проявился уже в 1877 г. В рассматриваемый период президентом страны был П. Мак-Магон – активный участник Франко-прусской войны, сторонник монархической власти. некогда популярный маршал решил, что настал момент взять всю власть в свои руки. Для этого президенту необходимо было объединиться с представителями клерикальной партии и нанести существенное поражение республиканским силам в ходе выборов в Национальное собрание, однако его расчёт не оправдался. Лидер фракции республиканцев Л. Гамбетта смог переманить на свою сторону избирателей, уличив президента в попытке государственного переворота [Pisani-Ferry, 1965].

Произошедший кризис нашёл непосредственное отражение на страницах карикатурных журналов. Во-первых, значительно возрос интерес художников к фигуре Гамбетта. Карикатуристы отметили усиление его влияния в обществе, но подчеркнули, что в практической плоскости на момент кризиса он не смог в полной мере составить конкуренцию Мак-Магону, хотя и достиг большого успеха, помешав президенту реализовать его замысел (*Caricature Crise du 16 mai 1877*)¹. Во-вторых, кризис показал наличие в стране монархических тенденций. В рамках реализации данной концепции на первый план вышел именно президент, который изображался в качестве марионетки сразу трёх роялистских группировок – легитимистов, орлеанистов и бонапартистов (Le Grelot, 1872, 18.02).

Впрочем, специфика исторического контекста позволяет сделать вывод о том, что у власти в стране существовал определенный запас прочности, который не дал ей «рухнуть» по итогам кризиса 1877 г.

Тем временем постепенно наступала эпоха 1880-х гг. Под руководством Ж. Греви (1879–1887 гг.) Франция смогла закрепить республиканский механизм управления страной и преодолеть монархическую оппозицию. С одной стороны, такое достижение было обусловлено деятельностью нового премьер-министра Ж. Ферри, конкретизировавшего республиканский взгляд на дальнейшее реформирование политической и социально-экономической сфер жизни французского общества. Изначально новый лидер изображался карикатуристами исключительно положительно, как представитель политических лидеров Франции новой формации. На иллюстрациях художники отмечали удивительное сочетание качеств политика – способности быть погруженным в дискурс (*L'Homme d'Aujourd'hui*, 1878, 01.01), иметь собственную программу и «выметать» из страны символы ушедшей эпохи (*L'Eclipse*, 1869, 13.07).

С другой стороны, наметился объективный кризис монархической идеи, вызванный потерей остававшихся у роялистских сил рычагов воздействия на правитель-

¹ Прим. *Quand la France aura fait entendre sa voix souveraine, il faudra se soumettre ou se démettre*. Это знаменитое предложение – *se soumettre ou se démettre*, «подчиниться или уйти в отставку» – до сих пор часто используется в современных французских политических дебатах. См. подробнее. Брган, Д. В. *Франция в эпоху республики: развитие современной Франции (1870–1939)* (1940), стр. 127–143. Митчелл, Аллан. «Тьер, Мак-Магон и Верховный военный совет». *Французские исторические исследования* 6.2 (1969), стр. 232–252.

ственные институты. В 1883 г. умер граф Шамбор – один из главных кандидатов на престол в случае реставрации имперского режима. Между тем правительство Ферри приняло новый закон о свободе печати в 1881 г., сохраняющий, пусть и с небольшими поправками, юридическую силу и поныне (JORF, Lois et décrets, 1881, 30.07). Уничтожение цензурных ограничений не только расширило социальную базу республиканских сил, но и привело к распространению печатной продукции и созданию на её страницах положительного облика адептов республики.

В этих условиях казалось, что объективные предпосылки для нового социально-политического кризиса отсутствовали. Действительно, Ферри удалось добиться феноменального баланса во внутренней политике, найти сторонников собственных идей, расширить права светской власти, внедрить социальное законодательство, снизить влияние церковных институтов на государственные институты и систему образования (Федулова, 2016, С. 628). Карикатуристы журнала «La Petite Lune» ёмко, но отчетливо зафиксировали результативность проводимых преобразований, утверждая, что своими реформами Ферри «поглотил» католическое духовенство, сделав влияние клерикальной партии ничтожным (La Petite Lune, 1882, 28.03).

В условиях гармоничного развития внутригосударственной политики новый социально-политический кризис возник на базе неудач во внешней политике. Среди ключевых проблем наступившего этапа международных отношений осталась сложная система взаимодействий Франции с Германской империей. Весомое значение в новых политических условиях получила «военная тревога» 1875 г., выразившаяся в попытках канцлера Бисмарка воздействовать на французское руководство с целью в краткосрочной перспективе получить дополнительные контрибуционные выплаты, а в долгосрочной – втянуть в новый военный конфликт. Благодаря коллективным действиям России и Великобритании кризис удалось преодолеть. Любопытно, что вмешательство крупных европейских держав привело к ещё одному, как нам кажется, неожиданному, но весьма значительному последствию – началу франко-германского сближения. По словам исследователя А. В. Бодрова, несмотря на малое количество предпосылок для скорого примирения, «деятельность французских и германских политиков и дипломатов тех лет отмечали не только громкие кризисы, но и скрытое от глаз публики осторожное прощупывание позиций и прямое обсуждение возможности нормализации отношений» (Бодров, 2012, С. 76).

Таким образом, можно заметить, что европейская политика Франции также способствовала дальнейшему развитию политического механизма Третьей республики и преодолению ею очередного небольшого кризиса.

С другой стороны, возвращение Франции на международную арену требовало от неё агрессивной политики в вопросе приобретения колониальных владений. В ходе передела сфер влияния французы выбрали в качестве приоритетных направлений территории Северной Африки и Восточной Азии, в которых они решили расширить свое военное присутствие. В орбиту их интересов вошли Алжир, Тунис, Китай. Как и прежде, в годы Второй империи (1852–1870 гг.) главный акцент в политике был сделан на успешных боевых действиях – «маленькой победоносной войне». Однако именно на этом пути Третья республика столкнулась с непреодолимыми противоречиями. Действительно, включение в состав колониальных владений Туниса по итогам боевых действий 1881–1883 гг. было принято общественностью как крупная военная победа, однако франко-китайский конфликт 1884–1885 гг. обернулся настоящей политической катастрофой.

Трагичную развязку ускорило Тонкинское дело (Billot A., 1888). Одноименный город был оставлен французами в марте 1885 г. Уход войск был обусловлен значительным численным перевесом китайской армии, невозможностью организовать действенную оборону, а также страхом оказаться в окружении. Потеря Тонкина оказалась крайне болезненной, так как служила зримым напоминанием о событиях Франко-прусской войны и сдачи крепости Седан. Военная катастрофа привела к смещению кабинета Ферри и росту тиражей антиправительственной карикатуры.

Художники подошли к вопросу визуализации краха колониальной политики в достаточной степени разнопланово. Во-первых, повсеместно стали возникать гротескные иллюстрации, на которых лицо политика приобретало искаженные и деформированные черты. Главным элементом облика политика был выбран нос, который с подачи популярного карикатуриста А. Ле Пети изображался в виде длинной моркови. Таким нехитрым способом художник реализовывал сразу две цели – показывал политика лжецом, а также отмечал, что только за счёт ораторского мастерства премьера «питаются» верные ему чиновники, представленные в виде зайцев с «министерскими» портфелями (L'Hommes d' Aujourd'hui, 1889). Во-вторых, посредством сатирической иллюстрации карикатуристы стремились показать противоречивый характер личности Ферри. На страницах журнала «L'Eclipse» он изображался в облике эгоистичного нарцисса, заботящегося исключительно о своих интересах (L'Eclipse, 1871, 27.01). После сдачи Тонкина Ферри изображался и в образе легкомысленной танцовщицы кабаре (Le Triboulet, 1891, 12.04), и в облике диктатора, ведущего агрессивный внешнеполитический курс путём воздействия на покорное республиканское большинство в парламенте (Le Don Quichotte, 1884, 13.06).

Подробное рассмотрение Тонкинского дела нам представляется крайне важным для характеристики общественно-политической ситуации во Франции. На наш взгляд, именно напластование противоречивых обстоятельств внутри страны (утаивание информации, ошибки правительства, рост влияния печатных изданий) и за её пределами (общий вектор колониальной политики европейских стран, сохраняющаяся угроза франко-немецкого обострения) предопределило дальнейшее развитие событий в Третьей республике. Тонкинский кризис показал, что, во-первых, Франция не полностью оправилась от разгрома по итогам войны с Пруссией; во-вторых, в очередной раз проявилось несовершенство парламентско-президентского механизма управления, выразившееся в его неспособности сообща преодолевать трудности; в-третьих, крах правительства Ферри дал старт череде социально-политических скандалов начала 1890-х гг., которые в заметной степени преобразили режим Третьей республики.

Дополнительным обстоятельством, усилившим социальную напряженность, стал локальный кризис – дело генерала Л. Каффарея, скандал, заключающийся в незаконной продаже орденов Почетного легиона. Он не только имел коррупционный подтекст, но и напрямую был связан с высшими военными кругами и парламентской элитой. Резонанс от расследования дела был высок и привёл к закономерной отставке президента Ж. Гриви (Le Tintamarre, 1887, 16.10).

Обстоятельства вновь требовали передачи власти сильной личности, которая должна объединить нацию. В контексте данной идеи возник ещё один социально-политический кризис эпохи, имеющий общенациональное значение и прочно закрепившийся в карикатуре. Им стал буланжизм (1887–1889 гг.). Утрата доверия к прежним органам республиканской власти привела к росту популярности праворади-

кальных и монархических сил, которые выбрали в роли своего предводителя генерала Ж. Буланже. Его отличала жёсткость и последовательность как в вопросе пересмотра отвоевания Эльзаса и Лотарингии, так и в желании скорейшего возвращения Франции былого статуса великой державы (Фридлянд, 1936, С. 62). К числу достоинств генерала можно было отнести наличие в его послужном списке поста военного министра (1886–1887 гг.), а также значительный авторитет в среде представителей «Лиги патриотов» – национально-радикального объединения, выступающего за защиту страны от посягательств (Dansette A., p. 137). Деятельность Буланже разрушала хрупкие договоренности Третьей республики с представителями кайзеровской империи и грозила втягиванием страны в новый конфликт, а потому все силы были брошены на дискредитацию генерала и недопущение его к системе управления.

По итогу буланжизм удалось подавить. Опальный генерал вынужден был бежать, а его партия провалилась на местных выборах в 1889 г. Однако стремительное появление Буланже на политической сцене и столь же скорый уход с неё оставили свой след на страницах карикатурных журналов. Противостояние консервативно настроенного адепта национальной идеи, авторитарного и готового к утверждению военной диктатуры с некомпетентным и нерешительным правительством, предоставило иллюстраторам готовую фабулу для сатирических зарисовок конца 1880-х гг.

На страницах изданий она реализовывалась в работах К. Гийомена – редактора сатирического журнала «Le Grelot» с 1885 по 1897 г. Его работы отличала удивительная цветовая палитра, особая техника предварительного закрепления образа с помощью карандашных набросков. На его рисунках Буланже одновременно был представлен и в роли авантюриста, и в качестве адепта монархической идеи (Le Grelot, 1887, 12.09). Художник считал, что перед ним очередное подобие, тень Бонапарта, но не правителя Первой империи (1804–1814 гг.), а его племянника – Наполеона III. С «предшественником» его роднило радикальное стремление либо уничтожить свободную республику, либо подчинить её силой оружия (Le Grelot, 1888, 08.04).

Принципиально иная трактовка действий генерала прослеживалась в изображениях П. Семана – редактора карикатурного издания «La Bombe», сторонника политического порядка и стабильности. Повестка журнала концентрировалась вокруг возвеличивания самоотверженности и героизма Буланже. Для создателя карикатур генерал – переродившееся воплощение героев Великой Французской революции. Этой идеей была проникнута карикатура с говорящим названием «Взятие Бастилии». Буланже в роли народного лидера призывал разрушить фундамент обновленной Бастилии, в роли которой выступала Третья республика, возглавляемая мошенниками, присвоившими себе всю власть (La Bombe, 1889, 14.07).

Таким образом, социально-политический кризис, выразившийся в буланжизме, продемонстрировал, что карикатурные издания сохранили способность быть универсальным средством трансляции и отражения общественных настроений в новых исторических условиях.

В 1891–1893 гг. произошёл очередной кризис – Панамский скандал. По своей форме он представлял вариант реализации мошеннической схемы, суть которой состояла в изъятии средств множества вкладчиков, поверивших в высокую прибыльность проекта в долгосрочной перспективе и инвестировавших в него личные средства (Эрлихман, 2022, С. 57). Многие французы при принятии решения опирались на факт участия в строительстве компании Лессепсов – известных на всю Францию строителей, проложивших приносящий сверхдоходы Суэцкий канал. Жажда наживы

обернулась потерей средств и масштабным коррупционным скандалом, затронувшим четверть депутатов Национального собрания, прямо или косвенно замешанных в деле (Garrigues J., 2004, P. 87).

Среди подсудимых оказались те, кто прежде представлял значимую часть образа «своего», – инженеры Ф. Лессепс и Г. Эйфель. Карикатура объявила их, а также тех, кто им помогал, «мучениками Панамы», которые оказались в эпицентре скандала, став прикрытием для коррумпированных чиновников и «продажных журналистов» (Le Grelot, 1892, 27.11). Под хлесткий удар сатирических изданий попали даже судебные органы, стремившиеся скрыть негативные последствия аферы и замять дело (Le Grelot, 1892, 11.12).

Панамский скандал вскрыл глубинную проблему – слабость политических институтов парламентской республики. Ослабление положения властей создавало двоякую ситуацию. С одной стороны, кризис вёл к оживлению общественного движения и повышению интереса к печатной продукции. С другой стороны, он грозил низвергнуть умеренный республиканский режим, который дал иллюстраторам свободу печати. Тревоги усиливались по мере развития ситуации. Не опасаясь возможного укрепления левых партий, карикатуристы испытывали волнение в связи с появлением монархистов в органах столичной и местной власти (Le Grelot, 1882, 18.12).

Подвергая безжалостному бичеванию сложившиеся социальные порядки, карикатуристы сравнивали деятельность парламентариев с поклонением золотому тельцу (Le Petit Journal, 1892, 31.12), а работу журналистов – с комитетом по уборке нечистот, вынужденным очищать политическое пространство от коррупции. Особую порцию критики получил Ж. Клемансо – один из новых лидеров радикального движения. На него пало подозрение в причастности к афере. Причиной была близкая связь политика с одним из главных мошенников – предпринимателем К. Герцем, тайно помогающим коррупционерам (Le Petit Journal, 1893, 19.08).

Примечательно, что часть карикатур, посвященная Панамскому скандалу, имела антисемитский характер, отражая характерную для эпохи тенденцию к поиску внутренних врагов, которыми преимущественно оказывались французские евреи. Именно с одним из них будет связан следующий социально-политический кризис, растянувшийся на весь период рубежа веков и способствовавший окончательной трансформации политического механизма Третьей республики, – дело А. Дрейфуса (1894–1906 гг.) (Samuels M., 2024, P. 23).

Скандал продемонстрировал всю совокупность коллективных представлений французов о евреях, сформированную проведением агитационных кампаний в прессе (статьи Э. Дрюмона) и зарисовками общественной жизни, освещенными в художественной литературе (романы О. Бальзака, А. Франса и др.). Книги и газеты создали фон для рассмотрения еврейского образа в негативном ключе, а происходящие события дополнили его насыщенным содержанием. По словам исследователя Л. Прайсмана, «Панамский канал поднял антисемитскую истерию на новый уровень» (Прайсман Л.Г., 2020, С. 34). В свою очередь, дело Дрейфуса, обвиненного в шпионаже в пользу Германии, на наш взгляд, показало раскол французского общества и поставило на повестку вопрос о единстве нации.

Всё началось с того, что в конце 1894 г. капитан А. Дрейфус, работавший на Генеральный штаб французский войск, был взят под арест в связи с подозрением в шпионаже в пользу Германской империи. Основанием для обвинительного заключения послужили косвенные доказательства, среди которых особую роль сыграли остатки

бумаги с упоминанием некоего офицера, выполняющего поручения немецкой разведки. И хотя ни в одном из представленных доказательств не упоминалось имя Дрейфуса, следственная комиссия поспешила признать его виновным в совершенном преступлении (Prochasson C., 1993, P. 16).

В 1896 г. благодаря действиям главы контрразведки Ж. Пикара удалось объективно установить невиновность капитана, отыскав настоящих преступников, шпионивших в интересах Германии: майора Ф. Эстерхази и подполковника Ю. Анри. Впрочем, судебный процесс к тому времени уже разделил страну на сторонников капитана (дрейфусаров) и его противников (антидрейфусаров) (Drake D., 2005, P. 23). Оправдание офицера затянулось на долгие годы. Настоящим пиком общественной дискуссии стал 1898 г., начатый со статьи «Я обвиняю!» писателя Э. Золя, заявившего о фальсификации доказательств, произведенной штабом армии, и предвзятости представителей прессы и правительства, устроивших травлю в отношении невиновного (L'Aurore, 1898, 13.01).

Дело Дрейфуса представляло собой готовый сценарий для создания карикатурных изображений на тему «своего – другого». В орбиту внимания художников попали как прямые участники конфликта (капитан А. Дрейфус, майор Ф. Эстерхази), так и люди, которые вмешивались в скандал по ходу судебного процесса. Так как властные элиты были представлены преимущественно сторонниками лагеря антидрейфусаров, симпатии иллюстраторов, наоборот, были дрейфусарскими, оставаясь на стороне опального капитана французского Генштаба.

В защиту Дрейфуса выступил карикатурист Э. Пуаре (Каран д'Аш). На иллюстрации «Семейный ужин» он запечатлел эффект, который произвело дело опального капитана на французскую общественность. Художник с тревогой обращал внимание на то, что местные жители непримиримы в своих позициях и готовы отстаивать свои убеждения силовым путём, что особенно опасно в условиях царящей в обществе социальной напряженности (Le Figaro, 1898, 14.02).

Дрейфусарских взглядов придерживался также Ж. д'Остоя, франкоговорящий художник польского происхождения. После освобождения бывшего капитана в 1906 г. он создал большое аллегоричное полотно. Образ «своего», представленный миниатюрами, боящимися за собственную судьбу в случае раскрытия правды о деле Дрейфуса, был противопоставлен capitoлийским гусям, спасшим Рим, и гражданам Кале, пошедшим на смерть ради своей страны (L'assiette au Beurre, 1908, 30.05). Итог сравнения констатировал вырождение политической элиты. Художник критиковал бюрократию за взяточничество, превышение полномочий, попутно обличая продажность высших эшелонов власти.

Впрочем, присутствовал и другой взгляд на виновность Дрейфуса. Часть иллюстраций апеллировала к всевозможным стереотипам французского антисемитизма. Так, в антидрейфусарском журнале «Musee des horreurs» карикатуристы гиперболизировали черты лица бывшего капитана, превращая его в дьявола (Musee des horreurs, 1900, 04.09). В текстовке карикатур использовались уничижительные характеристики, на постоянной основе присутствовало слово «предатель» (Musee des horreurs, 1899, 25.11). Наиболее радикальные рисунки призывали к его скорейшей казни (Musee des horreurs, 1900, 20.06). Авторы обличали как поступок Дрейфуса, так и «сионистские газеты». К ним, в свою очередь, относились все издания, которые поддерживали разжалованного капитана.

По-другому изображался Ф. Эстерхази. Чаще всего его образ соотносился с жела-

нием построить успешную карьеру. В журнале «Le Sifflet» он был показан в виде карьериста, готового на сделку с врагом ради продвижения по службе и личного обогащения, но ревностно оберегающего собственную шпату во избежание её преломления. Таков был обычай гражданской казни, призванный лишить виновного в преступлении привилегий и установившегося социального статуса (Le Sifflet, 1898, 17.02). Иногда в целях контрастности на изображении, посвященном майору-шпиону, присутствовал его главный противник – Ж. Пикар.

Таким образом, в сюжетном аспекте сталкивались «реальный» образ «своего», представленный Дрейфусом и Пикаром, и «номинальный», в который на первых порах вошли дискредитировавшие себя руководители Генштаба и правительство Третьей республики, а также Эстерхази. В дальнейшем представление о майоре-шпионе трансформировалось в образ «другого», пограничный «чужому», а имидж опального капитана укрепил положение среди изображений «своего».

На наш взгляд, ключевым обстоятельством, обеспечившим возможность такого перехода, следует считать изменение восприятия и значения второстепенных участников скандала, оказавших существенное влияние на становление лагеря как дрейфусаров, так и антидрейфусаров. Противостояние, развернувшееся между двумя интеллигентами, представляло собой вариацию на тему более широкой дискуссии, посвященной определению положения еврейского населения во Франции. Ими стали уже упоминаемые Э. Золя и Э. Дрюмон. Первый из них олицетворял то робкого пастуха, ведущего за собой послушных «свиней-интеллектуалов» (La France Illustree, 1898, 26.02), то мыслителя, рассматривавшего под лупой типичных людей «Прекрасной эпохи» (L' Eclipse, 1876, 16.04).

Дрюмон за свои антисемитские взгляды удостоивался в основном критических оценок. Его изображали в виде мифического огра-людоеда (Le Rire, 1898, 05.03), пожиравшего головы врагов, или в облике нарцисса, любующегося своим главным достижением — книгой, посвященной изгнанию евреев из страны (Le Pilon, 1891, 29.03). Эти образы подчеркивали беспринципность и жестокость методов, которыми радикальный журналист руководствовался в своей деятельности.

Дело Дрейфуса оказало решающее воздействие на Францию рубежа веков. В 1900-е гг. проблематика положения социальных слоев и производственной активности вышла на один уровень с вопросами внутренней и внешней политики. Несмотря на мощный экономический рост и то, что «во Франции ясно обозначились черты страны-рантье» (Антюхина-Московченко В. И., 1986, С. 331), парламентский режим Третьей республики оставался шатким, а его реформатский курс требовал учёта интересов различных общественных и партийных групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1875–1900-е гг. характеризовались постепенным укреплением парламентского режима в Третьей республике. Вместе с тем они были омрачены чередой социально-политических скандалов, стремительно разрушавших хрупкий компромисс единения французских партийных элит. Буланжизм, Панамская афера и дело Дрейфуса способствовали росту популярности карикатурных образов. Именно в этот период сатирическая иллюстрация в полной мере заявила о себе как о средстве влияния на общественное сознание. Карикатура фиксировала основные социально-политические тенденции эпохи, периодически доводя их до уровня фарса и абсурда. Общественное негодование получало зримое воплощение, что вело к

росту популярности гротескных иллюстраций и усилению их влияния, в частности, на политические структуры. Оказалось, что власть должна бояться не только журналистов, но и карикатуристов.

Список литературы:

1. Антюхина-Московченко, В. И. Третья республика во Франции 1870—1918. – Москва: Мысль, 1986. – 488 с.
2. Арзаканян, М. Ц. Становление Третьей республики во Франции / М. Ц. Арзаканян // Диалог со временем. – 2016. – №56. – С. 210–228. – EDN WMFQGX.
3. Бодров, А. В. Идея франко-германского примирения по обе стороны Вогезов (1870—1880-е годы) / А. В. Бодров // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 2. – С. 71–78. – EDN NMIGNA.
4. Бодров, А. В. Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы / А. В. Бодров. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2011. – 376 с. – ISBN: 978-5-288-053-03-0.
5. Желубовская, Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции / Э. А. Желубовская. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 504 с.
6. Прайсман, Л. Г. Дело Дрейфуса / Л. Г. Прайсман. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. – 176 с. – ISBN 978-5-4469-1759-4
7. Федулова, К. А. Роль реформ Жюль Ферри в становлении французской системы образования / К. А. Федулова // Молодой ученый. – 2016. – № 27(131). – С. 627–630. – EDN XEOGBV.
8. Фридлянд, Ц. Европейская дипломатия и буланжизм / Ц. Фридлянд. – Текст : непосредственный // Историк-марксист. – 1936. – № 1. – С. 56–90.
9. Эрлихман, В. В. Панамская афера // Историк. – 2022. – № 4. – С. 56–59.
10. Billot, A. L'affaire du Tonkin; histoire diplomatique de l'établissement de notre protectorat sur L'Annam et de notre conflit avec la Chine, 1882-1885 / A. Billot. – Paris: J. Hetzel, 1888. – 456 p. (in French).
11. Dansette, A. Le boulangisme / A. Dansette. – Paris: Fayard, 1946. – 411 p. (in French).
12. Drake, D. French intellectuals and politics from the Dreyfus affair to the Occupation // David Drake. Basingstoke, Hants.; Palgrave Macmillan, 2005. (French politics, society, and culture series). – ISBN 978-0-333-77812-8. – EDN QPSCCL. (in Engl.).
13. Garrigues, J. Les Scandales de la République: de Panama à l'affaire Elf / J. Garrigues. – Paris: Robert Laffont, 2004. – 496 p. – ISBN 978-2221094952 (in French).
14. L'Aurore. выпуск 87 от 13.01.1898. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k701453s> (дата обращения: 16.10.2024)
15. L'Eclipse. выпуск 73 от 13.06.1869. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1067454x> (дата обращения: 16.10.2024).
16. L'Eclipse. выпуск 148 от 27.08.1871. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10675385/f1.image> (дата обращения: 16.10.2024).
17. L'Eclipse. выпуск 390 от 16.04.1876. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10687726/f1.image> (дата обращения: 16.10.2024).
18. L'Hommes d' Aujourd'hui. выпуск 1 от 01.01.1878. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1203330r> (дата обращения: 16.10.2024).
19. La Bombe. выпуск 18 от 14.07.1889. URL: <https://www.meisterdrucke.ie/fine-art->

prints/Paul-de-Semant/193855/Cover-of-'La-Bombe'-depicting-General-Boulanger-'taking'-the-Bastille,-caricature-on-the-French-Elections-of-1889.html (дата обращения: 16.10.2024).

20. La France Illustree. выпуск 1213 от 26.02.1898. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5764396h/f2.item> (дата обращения: 16.10.2024).

21. La Petite Lune. выпуск 42 от 16.06.1878. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2079173/f165/> (дата обращения: 16.10.2024).

22. L'assiette au Beurre. выпуск 374 от 30.05.1908. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1050044q> (дата обращения: 16.10.2024).

23. Le Don Quichotte. выпуск 521 от 13.06.1884. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k71242323/f1> (дата обращения: 16.10.2024).

24. Le Figaro. выпуск 45 от 14.02.1898. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2842896> (дата обращения: 16.10.2024).

25. Le Grelot. выпуск 887 от 08.04.1888. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t51168960x> (дата обращения: 16.10.2024).

26. Le Grelot. выпуск 1.129 от 27.11.1892. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5143851j/f1.image> (дата обращения: 16.10.2024).

27. Le Grelot. выпуск 1.131 от 11.12.1892. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t51438539/f1.image> (дата обращения: 16.10.2024).

28. Le Petit Journal. выпуск 10692 от 30.12.1892. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k611457b> (дата обращения: 16.10.2024).

29. Le Petit Journal. выпуск 11194 от 19.08.1893. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6128888/f1.image> (дата обращения: 16.10.2024).

30. Le Pilon. выпуск 258 от 29.03.1891. URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2021/10/23/la-france-goy-de-christophe-donner-genealogie-de-la-nausee-antisemite_6099621_3260.html (дата обращения: 16.10.2024).

31. Le Rire. выпуск 154 от 05.03.1898. URL: <https://jenikirbyhistory.getarchive.net/media/caricature-of-edouard-drumont-by-charles-leandre-le-rire-5-march-1898-36420e?zoom=true> (дата обращения: 16.10.2024).

32. Le Sifflet. выпуск 1 от 17.02.1898. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5764883m> (дата обращения: 16.10.2024).

33. Le Tintamarre. выпуск 42 от 16.10.1887. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5598264s/f1.zoom> (дата обращения: 16.10.2024).

34. Le Triboulet. выпуск 15 от 12.04.1891. URL: <https://www.retronews.fr/journal/le-triboulet/12-avril-1891/1/12ba5375-849a-4793-b073-586ee9d3a9e3> (дата обращения: 16.10.2024).

35. Journal officiel de la République française. выпуск 206 от 30.07.1881. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6223338n> (дата обращения: 16.10.2024).

36. Musee des horreurs. выпуск 6 от 25.11.1899. URL: <https://repository.duke.edu/dc/museedeshorreurs/mdhps01001010> (дата обращения: 16.10.2024).

37. Musee des horreurs. выпуск 35 от 04.09.1900. URL: <https://repository.duke.edu/dc/museedeshorreurs/mdhps01001039> (дата обращения: 16.10.2024).

38. Pisani-Ferry F. (1965) Le Coup d'État manqué du 16 mai 1877. Paris: Rober Laffont. 334 p. (in French).

39. Prochasson, C. (1993) Le Colonel Georges Picquart ou la vertu cache. Mil neuf cent.

Revue d'histoire intellectuelle. no.11. p. 15–20. (in French).

40.Samuels, M. (2024) Alfred Dreyfus: The Man at the Center of the Affair. New Haven : Yale University Press. 224 p. (in Engl.).

41.Seager, F. (1969) The Boulanger Affair. Political Crossroads of France.1886 – 1889. Ithaca, New York: Cornell University Press, 276 p. (in Engl.).

Сведения об авторе:

АЛЕЙНИКОВ Сергей Сергеевич, соискатель, ассистент кафедры всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, e-mail: sergey.aleynikov.1997@mail.ru, SPIN-код: 7878-8240, AuthorID: 1288861, <https://orcid.org/0009-0007-6444-8145>

References:

1. Antyukhina-Moskovchenko, V. I. (1986) The Third Republic in France 1870 – 1918. - Moscow: Mysl, 488 p. (In Russ)

2. Arzakanyan, M. Ts. (2016) Formation of the Third Republic in France. *Dialogue with Time*. no. 56. p. 210-228. EDN WMFQGX.

3. Bodrov, A. V. (2012) The idea of French-German reconciliation on both sides of the Vosges (1870-1880s). *Bulletin of St. Petersburg University. History*. no. 2, p. 71–78. EDN NMIGHA.

4. Bodrov, A. V. (2011) *The First Years after Sedan: The German Factor in French Politics, Public Consciousness, and Culture in the 1870*. St. Petersburg: [b. i.]. 376 p.

5. Zhelubovskaya, E. A. (1956) *The Collapse of the Second Empire and the Emergence of the Third Republic in France*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 504 p.

6. Praisman, L. G. (2020) *The Dreyfus Affair*. St. Petersburg: Nestor-History, 176 p.

7. Fedulova, K. A. (2016) The Role of Jules Ferry's Reforms in the Formation of the French Education System. *Young Scientist*. no. 27 (131), p. 627–630. EDN XEOGBB.

8. Fridlyand, C. (1936) European Diplomacy and Boulangism. Text: direct. Marxist Historian. no. 1, p. 56-90.

9. Erlichman, V. V. (2022) The Panama Affair. *Historian*. no. 4. p. 56-59.

10. Billot, A. (1888) L'affaire du Tonkin; histoire diplomatique de l'établissement de notre protectorat sur L'Annam et de notre conflit avec la Chine, 1882—1885. Paris: J. Hetzel, 456 p. (in French).

11. Dansette, A. (1946) *Le boulangisme*. Paris: Fayard, 411 p. (in French).

12. Drake, D. (2005) *French intellectuals and politics from the Dreyfus affair to the Occupation*. Basingstoke, Hants. Palgrave Macmillan, French politics, society, and culture series. EDN QPSCCL. (in Eng.).

13. Garrigues, J. (2004) *Les Scandales de la République: de Panama à l'affaire Elf*. Paris: Robert Laffont, 496 p. (in French).

14. L'Aurore. no.87. 13.01.1898. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k701453s> (Accessed 16.10.2024)

15. L'Eclipse. no. 73. 13.06.1869. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1067454x> (Accessed 16.10.2024).

16. L'Eclipse. no. 148. 27.08.1871. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10675385/f1.image> (Accessed 16.10.2024).

17. L'Eclipse. no. 390. 16.04.1876. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10687726/f1.image> (Accessed 16.10.2024).
18. L'Hommes d' Aujourd'hui. no. 1. 01.01.1878. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1203330r> (Accessed 16.10.2024).
19. La Bombe. no. 18. 14.07.1889. – URL: <https://www.meisterdrucke.ie/fine-art-prints/Paul-de-Semant/193855/Cover-of-'La-Bombe'-depicting-General-Boulangier-'taking'-the-Bastille,-caricature-on-the-French-Elections-of-1889.html> (Accessed 16.10.2024).
20. La France Illustree. no. 1213. 26.02.1898. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5764396h/f2.item> (Accessed 16.10.2024).
21. La Petite Lune. no. 42. 16.06.1878. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2079173/f165/> (Accessed 16.10.2024).
22. L'assiette au Beurre. no. 374. 30.05.1908. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1050044q> (Accessed 16.10.2024).
23. Le Don Quichotte. no. 521. 13.06.1884. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k71242323/f1> (Accessed 16.10.2024).
24. Le Figaro. no. 45. 14.02.1898. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2842896> (Accessed 16.10.2024).
25. Le Grelot. no. 887. 08.04.1888. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t51168960x> (Accessed 16.10.2024).
26. Le Grelot. no. 1.129. 27.11.1892. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5143851j/f1.image> (Accessed 16.10.2024).
27. Le Grelot. no. 1.131. 11.12.1892. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t51438539/f1.image> (Accessed 16.10.2024).
28. Le Petit Journal. no. 10692. 30.12.1892. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k611457b> (Accessed 16.10.2024).
29. Le Petit Journal. no.11194. 19.08.1893. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6128888/f1.image> (Accessed 16.10.2024).
30. Le Pilon. no. 258. 29.03.1891. – URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2021/10/23/la-france-goy-de-christophe-donner-genealogie-de-la-nausee-antisemite_6099621_3260.html (Accessed 16.10.2024).
31. Le Rire. no. 154. 05.03.1898. – URL: <https://jenikirbyhistory.getarchive.net/media/caricature-of-edouard-drumont-by-charles-leandre-le-rire-5-march-1898-36420e?zoom=true> (Accessed 16.10.2024).
32. Le Sifflet. no. 1. 17.02.1898. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5764883m> (Accessed 16.10.2024).
33. Le Tintamarre. no. 42. 16.10.1887. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5598264s/f1.zoom> (Accessed 16.10.2024).
34. Le Triboulet. no. 15. 12.04.1891. – URL: <https://www.retronews.fr/journal/le-triboulet/12-avril-1891/1/12ba5375-849a-4793-b073-586ee9d3a9e3> (Accessed 16.10.2024).
35. Journal officiel de la République française. no. 206. 30.07.1881. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6223338n> (Accessed 16.10.2024).
36. Musée des horreurs. no. 6. 25.11.1899. – URL: <https://repository.duke.edu/dc/museedeshorreurs/mdhps01001010> (Accessed 16.10.2024).
37. Musée des horreurs. no. 35. 04.09.1900. – URL: <https://repository.duke.edu/dc/museedeshorreurs/mdhps01001039> (Accessed 16.10.2024).

38. Pisani-Ferry F. (1965) *Le Coup d'État manqué du 16 May 1877*. Paris: Robert Laffont, 334 p. (in French).
39. Prochasson, C. (1993) *Le Colonel Georges Picquart ou la vertu cache. Mil neuf cent*. *Revue d'histoire intellectuelle*. no. 11. p. 15–20. (in French).
40. Samuels, M. (2024) *Alfred Dreyfus: The Man at the Center of the Affair*. New Haven: Yale University Press. 224 p. (in Eng.).
41. Seager, F. (1969) *The Boulanger Affair. Political Crossroads of France. 1886 – 1889*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 276 p. (in Eng.).

Author:

ALEINIKOV Sergey S., Applicant, Assistant of the Department of General History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev, e-mail: sergey.aleynikov.1997@mail.ru, SPIN-код: 7878-8240, AuthorID: 1288861, <https://orcid.org/0009-0007-6444-8145>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

**«КНИГА АРМЯНСКИХ КАНОНОВ» 719 ГОДА
ИОАННА ФИЛОСОФА (ОДЗНЕЦИ)
КАК ЦЕРКОВНО-КАНОНИЧЕСКИЙ ПЕРВОИСТОЧНИК**

Б. А. Осипян

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, д. 34*

Поступила
в редакцию
17.11.2024

Поступила
после
рецензирования
23.01.2025

Принята
к публикации
15.03.2025

Аннотация. Цель исследования – проанализировать особенности содержания и изложения Книги Армянских Канонов 719 года Иоанна-Философа (Одзнецци).

Актуальность тематики заключается в изучении одного из древнейших церковно-канонических источников, отражающих историю правосознания армянского народа. В условиях современных трансформаций общества и обращения к историческим корням необходимо исследовать, как эти каноны способствовали формированию национальной идентичности и веры. Исследование позволяет выявить концепции справедливости, морали и этики, присущие армянской культуре, изучить их влияние на развитие правосознания. Это открывает перспективы изучения исторических, культурных и религиозных аспектов армянского общества.

Методология исследования предполагает комплексный подход, включающий историко-аналитический и текстологический методы. Историко-аналитический метод позволил исследовать контекст создания канонов, учитывая социальные, политические и религиозные аспекты той эпохи. Текстологический анализ обеспечил понимание содержания и структуры произведения, его канонических и культурных смыслов. Сравнительный метод помог сопоставить данный документ с другими церковно-каноническими текстами. Это дало возможность выявить уникальные черты армянского правосознания.

В результате показано, как свод традиционных христианско-армянских церковных канонов и законоположений впоследствии смог стать основой армянских судебников святых вадапетов Давида Алававорди (1130 год) и святого Мхитара Гоша (1184 год). Они впоследствии стали основными церковными и светскими законами армянской духовной, нравственной, правовой, государственной, политической и повседневной бытовой жизни.

Ключевые слова: свод церковно-правовых законов, древние армянские судебники, духовные и светские законы, духовно-правовая жизнь

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Осипян Б. А. «Книга армянских канонов» 719 года Иоанна Философа (Одзнецци) как церковно-канонический первоисточник // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 111–124. EDN JGYAJW. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-111-124>.

© Осипян Б. А., 2025

Original article

THE BOOK OF ARMENIAN CANONS OF 719 BY JOHN THE PHILOSOPHER (ODZNETSI)
AS THE ANCIENT CHURCH-CANONICAL PRIMARY SOURCE

B. A. Osipyan

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
Address: 34, Cheremushkinskaya St., 117218, Moscow, Russia*

Received
17.11.2024

Revised
23.01.2024

Accepted
15.03.2025

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the features of the content and presentation of the Book of Armenian Canons of 719 by John the Philosopher (Odznetsi).*

The relevance of the topic lies in studying one of the most ancient church-canonical sources reflecting the history of legal consciousness of the Armenian people. In the context of modern transformations of society and an appeal to historical roots, it is important to understand how these canons contributed to the formation of national identity and faith. The study of this text allows for a deeper understanding of the concepts of justice, morality and ethics inherent in Armenian culture, as well as their influence on the development of legal consciousness. This opens up new prospects for the study of historical, cultural and religious aspects of Armenian society.

The methodology of the study involves an integrated approach, including historical-analytical and textual methods. The historical-analytical method made it possible to study the context of creation of the canons, taking into account the social, political and religious aspects of that era. Textual analysis provided a deep understanding of the content and structure of the work, as well as its canonical and cultural meanings. The comparative method helped to compare with other church-canonical texts. This made it possible to identify the unique features of Armenian legal consciousness.

In the result, the author shows how the code of traditional Christian-Armenian church canons and regulations later formed the basis of Armenian legal codes of the Holy Vapetse David Alavkavordi (1130) and Saint Mkhitar Gosh (1184), which later became the main church and secular laws of Armenian spiritual, moral, legal, state, political and everyday life.

Keywords: *code of church laws, ancient Armenian legal codes, spiritual and secular laws, spiritual and legal life*

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Osipyan, B. A. (2025) The Book of Armenian Canons of 719 by John the Philosopher (Odznetsi) as one of the ancient church-canonical primary sources. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.111–124. EDN JGYAJW. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-121-124>.

По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою¹. Если же я не имею любви (к Творцу и подобным Ему творениям), то я ничто².

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в важности этого текста для понимания развития армянской церковной традиции и канонического права. В условиях современного мира, где религиозные и культурные идентичности становятся все более значимыми, изучение таких источников углубляет наше знание о формировании армянской идентичности и понимании церковных структур. Исследование канонов предоставляет возможность рассмотреть динамику взаимодействия религиозных норм и общественных изменений в Армении, а также расширяет представление о влиянии христианства на культурное наследие региона. Таким образом, работа над данным текстом имеет как научное, так и практическое значение.

Цель исследования заключается в анализе особенностей содержания «Книги армянских канонов» 719 года Иоанна Философа (Одзнеци).

Задачи исследования заключаются в систематизации аналитического материала, раскрывающего содержание данного текста, что позволит выявить ключевые аспекты армянского канонического права того времени. Необходимо также исследовать исторический контекст создания канонов, их влияние на армянскую церковную структуру и практику. Кроме того, следует рассмотреть связь между каноническими нормами и социальной организацией общества, а также определить их роль в формировании армянской идентичности и культурного наследия. Важной задачей является сопоставление этого источника с другими каноническими текстами для выявления общих и специфических черт.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В течение V–VIII веков армянскими апостольскими церковными соборами были составлены и официально приняты несколько наиболее важных в те времена канонических сводов церковного права, которые явно свидетельствовали об усилении законодательных и судебных полномочий армянской церковной власти. Ввиду накопления количества разнообразных церковных канонов в дальнейшем возникла необходимость их более детального упорядочения – систематизации и кодификации, однако не только церковно-канонического, но и производного, разветвившегося от канонического права последующего светского права и законодательства (Библия, 2006).

Один из самых заметных и действенных духовно-правовых починов церковной систематизации и кодификации всех предыдущих положений переводного иностранного и отечественного армянского церковного права в Армении и вокруг неё (в диаспоре) был произведен известным своей духовной мудростью и жизненным опытом армянским католикосом Иоанном III Одзнеци, прозванным Философом (по-армянски «Դժնի Քր»), который родился в 650 году в селении Одзин, находящемся в местечке Ташир (ныне в области Лори). Иоанн Философ получил своё первоначальное духовное и общее образование в весьма известной в те времена Сюникской грекофильской духовной школе-семинарии (Берман, 1998), продолжил

¹ Авакян, Р.О. Памятники армянского права. – Ереван ЕФ МНЮИ-XXI ВЕК, 2000. – 1019 с.

² Ачарян, Ш. Католикос Иоаннес Имастасер. Ереван, 1999. – 226с.

свое обучение и плодотворно сотрудничал с известными греческими и ассирийскими духовными лицами и, благодаря своим многочисленным богоданным талантам (богослова, летописца, поэта, писателя, философа, дипломата и церковного организатора), а также усердию и трудолюбию, в 717 году благополучно и с пользой для многих стал одним из авторитетнейших, идеологически, политически и юридически подготовленных и предприимчивых вардапетов (учёных-богословов) и католикосов всех армян.

Процесс составления нового свода армянских церковных канонов длился примерно в течение целого десятилетия – с 717 по 728 год. Этот новый свод армянских церковных канонов впервые отчасти увидел свет в 719 году под названием «Армянская книга канонов» – «Չիւնիւզիրր» («Канонагирк»)¹. В его основу легли общепринятые тогда положения церковных канонов первых трёх известных Вселенских Соборов (Никейского Собора 325 года, Константинопольского Собора 381 года и Ефесского Собора 431 года), а также плоды духовных учений и трудов Святых Отцов – основателей и учителей самой Армянской Апостольской Церкви, которые, по сути, произвели первую общую систематизацию и кодификацию армянского церковного, канонического, а также впоследствии светского (мирского) права и законодательства.

Духовное сословие армянского общества состояло из Католикоса всех армян (первыми католикосами были Григорий Просветитель, его сыновья и внуки), архиепископов, епископов, настоятелей монастырей, сельских священников, дьяконов и иных церковных служащих, которые получали от светской власти в дар большие земельные наделы и освобождались от уплаты налогов и иных сборов. При христианских храмах и монастырях имелись суды, церковно-приходские школы, ремесленные мастерские, места отбывания наказания в виде обязательных работ для правонарушителей, на которых, налагая епитимию, церковь в целях покаяния (пенитенции) заставляла работать провинившихся в церковном хозяйстве в течение многомесячного или многолетнего срока наказания (Галемкарян, 1912).

На высшей ступени государственной власти армян стояли царь (в в особом одеянии, красных сапогах) и князья (нахарары, министры), затем шли правители пограничных областей (бдешхи, которые имели отличительные головные уборы: один – красный, другой – зелёный; сапоги), имеющие служебную форму областеначальники (марзпаны в зелёных сапогах), начальники районов (танутеры), местные начальники (сельские старосты, старшины, сепухи), а также подчинённые последним азаты (свободные граждане), которые могли быть призваны на военные сборы с собственными конями и оружием для обороны своей страны (Драсханакертци, 1986). На низшей ступени социальной иерархии находились несвободные (аназаты): торговцы, ремесленники, крестьяне-земледельцы (шинаканы) и прочие обездоленные люди (рамики) (Егиазарян, 1919).

Крупными городами и районами управляли градоначальники-азарапеты (полковники, тысячники); военным ведомством управлял главнокомандующий конными войсками – спарапет; вопросами пополнения и расходов царской казны, содержанием, воспитанием наследников двора, советами и престолонаследием цар-

¹ В последующие века число армянских церковных уставов, вошедших в первоначальный текст «Армянских церковных канонов» как конституции армянской церковной жизни и деятельности, увеличивается до одной сотни уставов, охватывающих собой около полутора тысячи церковных канонов.

ской семьи занимался мардпет; возлагал на армянского царя венец и тиару, устраивал разные церемонии и принимал иностранных послов наследственный придворный слуга – аспет, который всегда был из рода Багратуни; начальником царской охраны был малхаз из нахарарского рода Хорхоруни; правителем царской канцелярии, писцов, переписчиков, а также хранителем царской печати был сенякапет; законодательными и судебными делами занимались особые представители духовной и светской власти из высшего судебного ведомства («Սնծ Դպիրքն յ ի ի»), которые осуществляли контроль за всеми делами по составлению законов, царских указов и судебных решений (История, 1951).

Армянская армия управлялась самим царём, спарапетом и другими министрами («Իսխրիքն ի ի»), которые имели свои вооружённые конные отряды, а также возможности призыва на военные сборы более ста двадцати тысяч пехотинцев. Войсками руководили нахарары-десятитысячники (генералы), тысячники («հազարապետ»), сотники («հարյրապետ») и пятидесятники (ротные командиры). Местные военные начальники имели свои взводы и вооружённые отряды численностью в несколько десятков человек. Для национальной самообороны все эти военные начальники имели законные полномочия в условиях чрезвычайного или осадного положения быстро организовать и подготовить сельские общины и всё местное мужское население для вооружённой защиты своей страны.

В те далёкие времена Католикос всех армян Иоанн Философ (Имастасер-Любомудр) Одзнец в 719 году на известном Двинском Церковном Соборе организовал жёсткую церковно-идеологическую борьбу против разного рода церковных сект и ересей – «мессельянской», «павликианской», «докетистской» и иной псевдо-церковной ереси¹. По свидетельству летописцев и историков, святого армянского патриарха за его личную добросовестность, искренность и мудрость, бытовой аскетизм, жизненный опыт и долготерпение уважали не только свои, церковные служители и братья, но даже многие иноверные духовные и светские вожди и правители соседствующих нехристианских и даже мусульманских народов, среди которых был также известный арабский эмирапет (эмир) и халиф Омар II Великий (Кеосаян, 1995).

Летописец рассказывал, что арабскому амирапету-халифу Омару II Великому как-то явился лично притягательный Иоанн Философ в своём весьма пышном и роскошном одеянии, посредством которого он обычно «обращал грубость незрелого ума простых людей к страху Божьему и вящей славе Господа Бога». Когда халиф спросил его, почему он не одет скромно подобно Христу-Спасителю, то он, оставшись наедине с правителем, показал ему под своей дорогостоящей и нарядной одеждой дерюгу и жёсткое вретисце, под которым изнывало его голое тело. Халиф Омар был удивлён его богоданным нечеловеческим мужеством и терпением и потому, дав своё высокое согласие на все его прошения за свой христианский народ, с большими почестями и дорогими подарками с благоговением и радостью проводил его в его родную страну (Книга, 1994).

Духовный предводитель всех армян Иоанн Философ своим личным примером мудрости и терпения тем самым подал хороший пример для всех иных, как духов-

¹ Данная церковно-правовая норма однозначно свидетельствует о сословно-родовой замкнутости армянских священнослужителей, которые были склонны передавать свой духовный сан и место служения своим потомкам.

ных, так и светских, вождей и правителей армянского народа. Он ради святого имени и для вящей славы Господа Бога, для общего блага своего народа начал добросовестно и усиленно делать всё лучшее, начиная с самого себя, а не с указания на прегрешения иных людей вокруг себя (Мелик-Бахсян, 1968).

В 719 году созданный по почину армянского патриарха Иоанна Одзнеци объединённый армяно-сирийский Двинский Собор Армянской Апостольской Церкви, участники которого впоследствии совместно разработали и приняли Канонический Устав («Армянская книга канонов» («Канонагирк Айоц»)) (содержал в себе двадцать четыре группы канонов из первых трёх Вселенских Соборов (Никейского 325 года, Константинопольского 381 года и Ефесского 431 года), а также некоторые систематизированные каноны предыдущих – Лаодикийского 365 года и Шаапиванского 444 года Церковных Соборов) (Мелик-Бахсян, 1955), или «*Corpus Juris Canonici*», как систематизированную целесообразную рецепцию вселенских, иностранных и армянских церковных канонов (Одзнеци, 1834).

Как и в двадцати уже известных нам «Шаапиванских канонов» 444 года, так и в тридцати двух последующих армянских церковных канонов Иоанна Философа традиционно строго нравственно и законодательно запрещалось чревоугодие и пьянство армянских священников и мирян посредством последующего постного и молитвенного покаятельного очищения их грешных душ через дисциплинарное наказание правонарушителей, их длительное недопущение к святому причастию, расстрижение или церковное отлучение (главы I и II канонов).

Суровые церковные наказания предусматривались также и за всякое близкое общение и разговоры с разного рода сектантами и еретиками (павликианами и мессалианами (VI–IX века)) для сохранения непорочности и чистоты традиционной армянской православной веры, а также с целью поддержания и развития духовного, нравственного, идеологического и политического единства армянского народа в условиях отсутствия у него национальной государственности (главы XXIX и XXXII канонов) (Одзнеци, 1853). Важной целью «Книги армянских канонов» была также борьба против разного рода правонарушений самих армянских церковнослужителей.

Отдельными серьёзными причинами для массовых народных недовольств против Армянской Церкви стали также невысокий духовно-нравственный быт и деятельность самих христианских священнослужителей Армении в те времена. Известный армянский историк и летописец Аристакес Ластивертский по поводу тогдашних нравов в армянском народе с горестью заметил следующее: «С простых людей взимались огромные ростовщические проценты. Кто надувал близкого – кичился мудростью своей; а кто урывал у другого, говорил: я – могуч! Богатые захватывали дома и нивы бедняков; сребролюбие чтилось больше благочестия, Мамона (бог стяжания) почиталась больше Христа. ...Получение духовного сана за натуральную взятку или за деньги (грех симонии) стало в армянской церкви обычным средством наживы; корыстолюбивые епископы за известную плату за известную мзду неправомерно рукополагали в священники невежественных и нечестивых людей, которые непомерно повысили плату за крещение, венчание и погребение»¹.

В целом «Книга армянских канонов» 719 года в современном издании состоит

¹ См. подробнее: Осипян, Б. А. Армянский Судебник 1184 года как прообраз христианской конституции // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 8. – С. 43–48. – EDN KXZJCP.

из тридцати двух глав-статей, а также структурно и содержательно выглядит следующим образом¹.

Глава I «Епископ, или иерей, или дьякон, который пьянствует» законодательно устанавливает церковно-дисциплинарное наказание для всех нерадивых армянских церковнослужителей и всей церковной братии, которые были уличены в чрезмерном употреблении алкогольных напитков. Наказание таких правонарушителей было в виде временного («на многие дни») отстранения пьянствующих священников от их богослужения, а также в виде долговременной епитимии, т. е. покаятельного пребывания всех виновных лиц в длительном посте и молитве вплоть до их полного душевного очищения, последующего их личного причащения, а также их приготовления к повседневному выполнению их святой церковной службы. Как нам логически представляется, из этого первоначального и главного положения канонов видно, что проблема обжорства, пьянства и блуда некоторых не очень ответственных и недостаточно радивых армянских «святых отцов» и мирян-братьев была весьма острой и первоочередной для всей тогдашней Армянской Церкви².

Вполне возможно, что большинство таких довольно состоятельных, материально богатых, по привычке обжорствующих и пьянствующих армянских священников, по ясной причине самозащиты от всякой посторонней критики и порицания использующих свой «административный ресурс», занимались жестокими идейно-политическими, психологическими и физическими преследованиями всякой непохожей на них церковной ереси, вроде критикующих их языческие суеверия, предразсудки, привычные грехи и преступления «мессальянцев», «павликиан» и прочих армянских протестантов. Иначе зачем тогда надо было устраивать массовые бесчеловечные, беспощадные и зверские гонения своих инакомыслящих сородичей и открытых идеологических и политических противников, до потери сознания и смерти побивать их камнями, а также заживо сжигать их согласно законодательно принятым армянским церковным канонам.

По свидетельству армянского учёного-богослова (вардапета) и историка Григора Магистроса, «множество военачальников огнём и мечом истребляли тондракийцев (членов религиозной секты), не давая пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям; а иереи наши выжигали у них на лицах лисью печать и приказывали выкалывать им глаза»³. Однако ни византийским войскам, ни армянским церковным служащим, ни местным светским властям веками не удавалось полностью подавить эти и другие (ариане, мессалиане, павликиане, богомилы, катары-альбигойцы) религиозные движения и секты даже путём их массового физического истребления и выжигания их сёл и поселений (пустынных монастырей и общин). Их массово выселяли в Киевскую Русь, Европу и на Балканы, где армянские сектанты образовали свой столичный город Филиппополь⁴.

¹ См подробнее: Осипян, Б. А. Армянский Судебник Смбата Спарапета (Гундстабля) 1265 года как один из средневековых памятников армянского светского права // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2024. – № 1. – С. 16–23. – EDN KUVCVK.

² См. подробнее: Осипян, Б. А. Положение «Об управлении духовных дел армян армяно-григорианского исповедания в Российской Империи» от 11 марта 1836 года // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 20–26. – EDN UAEFQQ. – DOI 10.33693/2782-7372-2023-2-4-20-26.

³ См. подробнее: Осипян Б.А. Армяно-григорианское вероисповедание в Российской Империи // Российское государствоведение. – 2023. – №4. – С.54–66.

⁴ См. подробнее: Осипян, Б. А. Национальная Конституция Армян Османской Империи от 17 марта

Глава II «Мирянин, совершающий то же» за совершение того же преступления – пьянства – законодательно налагает наказание на виновного прихожанина Армянской Церкви в виде категорического отказа ему в совершении таинства причастия без предварительного его чистосердечного раскаяния и деятельного покаяния. В случае же продолжения своего такого нетрезвого беспутства виновный мог быть подвергнут полному отлучению (excommunication) от Армянской Церкви и паствы Господней. Видимо, проблема бытового обжорства и пьянства среди мирян тоже была довольно серьёзной и злободневной и потому требовала безотлагательного законодательного и строго разрешения без всяких смягчений и иных поблажек армянам-христианам.

Глава III «О сочельнике на субботний день и Пасху» законодательно запрещает совершение всяких несвоевременных обрядов венчания в указанные святые дни Воскресения, в которые все верующие армяне должны самозабвенно и непрестанно молиться, всецело предаваться всеобщему бдению и разумно утешать свои грешные души согласно церковному ритуалу, а не пренебрегать своевольно таинствами святыми и не оскорблять их посредством телесного самоугождения, самопотакания и распутства. Согласно канону таких неразумных распутников следовало строго наказывать и покарать вплоть до их личного действительного раскаяния и глубокого покаяния.

Главы IV–VII нормативно ограничивают разного рода несвоевременные семейные и народные пиршества, беспорядочное распитие спиртных напитков и обжорство, а также разнообразные иные увеселительные сборища и мероприятия в постные дни Божественного святого причащения, четыредесятницы (в дни Пасхи и Великого поста, Пятидесятницы, пентекоста), а также во все субботние и воскресные дни, когда всецерковно празднуется святость Божия согласно установившимся традициям христианской апостольской церкви и праву наследства¹. Не очень богобоязненные и дерзкие нарушители всех подобных святых духовных запретов и таинств, соответственно, должны были быть расстрижены (если имели духовный сан священника) либо полностью отлучены от своей общины и паствы Господней.

Главы VIII–XV армянских канонов законодательно настаивают на строгом соблюдении традиционных правил и обрядов Армянской Апостольской Святой Церкви касательно таинства хлеба и воды, подносимых к святому алтарю, а также о святом миро, елее крещения, святом алтаре, святой купели, а также о порядке обряда благопристойного и законсообразного венчания армянским священником. Всякие нарушения этих таинств и правил строго карались, и правонарушители подвергались разного вида и размера наказаниям².

Главы XVI–XXVI армянских канонов законодательно устанавливают надлежащий порядок заключения повторных браков в виде обязательного присутствия двух свидетелей, законных посредников и ходатаев, которые обязаны были лично подтвердить факт законности и взаимного согласия вступающих в новый брак лиц. Эти

1863 года как попытка восстановления армянской государственности / Б. А. Осипян // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 22–30. – DOI 10.33693/2782-7372-2024-3-1-22-30. – EDN TNTDZU.

¹ Данная церковно-правовая норма однозначно свидетельствует о сословно-родовой замкнутости армянских священнослужителей, которые были склонны передавать свой духовный сан и место служения своим потомкам.

² См. подробнее: Осипян Б.А. Семья, церковь и государство как сотрудники Господа Бога // Право и жизнь. – 2006. – № (102) 12. – С.47-56.

канонические положения также предусматривали порядок совершения субботней вечери, воскресного всенощного бдения до рассвета посредством бдительного, слёзного, усердного и долготерпеливого ночного отстояния на ногах во искупление совершённых за всю прошлую неделю личных грехов, а также молитвенного прошения, песенного и подвижнического чаяния второго пришествия распятого на кресте и на третий день воскресшего из мёртвых Господа Христа-Спасителя и посредством веры в Него успешного принятия нескazanного и вечного Царства Божия¹.

Главы XVII–XXVIII канонов устанавливает правила освящения Святого Креста и поклонения Святому Кресту согласно традициям Армянской Апостольской Церкви, а также вопреки всем рискам погибнуть от рук язычников, которые сами не признают таинственную силу Креста и отказываются поклоняться Святому Кресту (например, павликиане, которые считали все подобные языческие обряды противными духу христианской веры). Такие пострадавшие от рук язычников должны быть причислены к сонму святых мучеников Церкви за свою самоотверженность и мужество.

Главы XXIX–XXXII канонов законодательно строго запрещают всякое общение с разными сектантами и еретиками, предписывая не участвовать ни духовно, ни телесно в любых их богослужениях и собраниях, но призывают показывать им пример должного поведения истинного христианина-армянина, дабы эти богоотступники-еретики ощутили к настоящим христианам-армянам должное почтение и возжелали бы соединиться с традиционными хранителями «армянского православия». Согласно этим канонам, с гнусными еретиками – «мессальянцами» и «павликианами» – никто не должен вести какие-либо разговоры, но должен ненавидеть их как скверну, как исчадия сатаны, которые будут гореть в вечном огне, как все лишённые Божьей милости и любви. Если кто-то из православных армян-христиан посмеет завести любовь и дружбу с глубоко ненавистными еретиками, то таковых надо тяжко наказать посредством затяжной и мучительной кары для полного очищения отступников истинной христианской веры и Церкви от возможного соблазна и напасти. Упорствующих в такой дружбе с еретиками лиц, согласно этим канонам, следовало «отлучить от святой армянской церкви как чуму, чтобы корень горечи не пророс и не осквернил других членов армянской апостольской православной церкви». Как видно из последних упомянутых выше армянских канонов 719 года, вожди и священники Армянской Апостольской Православной Церкви целеустремлённо, хотя явно неправомерно и весьма опасно, всячески активно сеяли лютую ненависть и непримиримую вражду между инаковерующими христианами, которых призывали уничтожать самыми ужасными способами вплоть до применения долгих и мучительных карательных пыток и даже изначально противоправной смертной казни².

В свете христианской веры в наше время, разумеется, такие явно бесчеловечные и слишком суровые методы личной и массовой расправы со своими церковно-идеологическими и политическими сородичами-противниками кажутся ужасными

¹ См. подробнее: Осипян, Б. А. Судебник астраханских армян 1747 года / Б. А. Осипян // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 3 (42). – С.152–172. – DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_3_152. – EDN XVEWQZ. (21, 52-73).

² См. подробнее: Осипян Б.А. Судебник Давида Алавакворди (сына Алавика) 1130 года как один из памятников христианского канонического права // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2024. № 1 (105). (33, 69-86).

и жестокими, противоправными и бессмысленными, дикими и варварскими, хотя в те тяжёлые времена жизни многострадального армянского народа в целях сохранения единства армянской христианской общины такие массовые идеологические и политические преследования и наказания многим армянам и Армянской Церкви в целом казались необходимыми, обычными и даже вполне естественными для национального самосохранения и для нормальной жизни в условиях должного общественного правопорядка и спасения грешных, но бессмертных душ членов Армянской Церкви, мирян и иных прихожан (Папян, 1998).

Представляется, что такие крайние меры полного церковного отчуждения и массового жестокого подавления виновных и ярко выраженной общественной ненависти к своим братьям и близким, а не к их грехам и преступлениям были не совсем правомерными и целесообразными даже в чрезвычайных условиях отсутствия армянской национальной государственности, поскольку всегда и везде надо было, согласно двум главным заповедям Божиим (любить Господа Бога и своего ближнего, как самого себя), любить людей, в том числе и больных чумой и даже иными неизлечимыми болезнями, ибо непрощающему не простится со стороны бесконечно милостивого и человеколюбивого Господа Бога.

В Священном Писании на этот счёт сказано следующее: *«Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие. Благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение. Снисходя друг другу и прощая взаимно, ...как Христос простил вас, так и вы. Более всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенств, ...будьте дружелюбны. ...И всё, что вы делаете словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца»* (Путеводитель, 1999). Отец Бог послал Своего Единородного Сына Своей кровью и жизнью спасти прежде всего именно грешников, а не праведных или «всех святых», лечить больных, а не здоровых: *«Иисус же сказал им в ответ: не здоровые имеют нужду во врачах, а больные»* (Сукиасян, 1963). В свете таких советов Божьих армянские церковные каноны кажутся не совсем полными необходимой любви, милости, прощения и сладости, без которых не может существовать истинная, освободительная, душеспасительная христианская вера и надежда, ибо сказано устами святого апостола Павла: *«Если же я не имею любви (к Творцу и подобным Ему творениям), то я ничто»* (Судебник, 2024).

В этом состоит и вся очевидная изначальная безбожность, бездуховность, неистинность, суеверность, своеволие, противоправность, неправомерность и нецелесообразность некоторых известных армянских церковных вождей и канонов, которыми на протяжении всей многовековой, извилистой и непростой истории человечества грешили всякие рукотворные человеческие учреждения, национальные государства и церкви, которые под внешне благовидными намерениями и целями сами же посредством безбожного сеяния лютой ненависти и непримиримой вражды единоверцев и иноверцев друг к другу дьявольски разделяли, пагубно раскалывали и физически (инквизиционно) уничтожали созданные Господом Богом разные христианские и другие иноверные народы мира. Впрочем, все такие церковные и светские вожди сами попадали в такие же беспощадные массовые испытания и гонения, массовые кровавые расправы (совершённые против армянского народа акты геноцида по признакам религиозной веры или национальных особенностей), ибо сказано: *какой мерою мерите, такой мерою и будет отмерено и вам* (Тер-Минасян, 1908).

Вполне уверен, что никакая настоящая Церковь (духовная целостность и общность) не должна брать на себя роль безжалостного идеологического и политического гонителя и палача «иноверных» или «инакомыслящих», ибо ясно и однозначно написано в Библии: *«Никому не воздавайте злом за зло. Но некуитесь о добром пред всеми людьми. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя возлюбленные, но дайте место гневу Божьему. ...Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»* (Тер-Минасян, 1946).

Посему не думаю, что ради бесконечно милостивого и долготерпеливого Иисуса Христа и защиты «православной веры» Армянской Церкви необходимо и целесообразно с неудержимым гневом и ненавистью побивать кого-либо грешного камнями до смерти¹ или подвергать его всякого рода бесчеловечным, жестоким и потому противоправным, неправомерным и нецелесообразным душевным, психологическим и телесным повреждениям и увечьям (Тер-Минасян, 1908).

Разумеется, было бы неправильно называть Армянскую Церковь «Армяно-Фаддеевской Церковью», исходя лишь из имени первого духовного просветителя армянского народа, так как перед лицом главы Вселенской Церкви Христа нет иных настоящих церквей или воображаемых «этнических и провинциальных лубочных церквушек» «Павловых», «Петровых», «Аполлосовых», «Григорианских» или «Владимировых», а есть одна Церковь Христова, в которой все равнодостоинно любят, уважают и ценят друг друга, ибо именно по причине нелицемерной взаимной любви этих духовных братьев и сестёр они узнаются как ученики и последователи Христа-Спасителя. Поэтому естественно, что всякое надменное национально-этническое самообольщение и политическое самовозвышение, пренебрежительное и неуважительное обзывание (безответственное наклеивание суетно воображаемых ярлыков) друг друга как раз и является самой дерзкой и неприкрытой суетной ересью, а не истинным христианством, хоть называй его «армянским», «русским», «православным» и иными своеобразными и благозвучными эпитетами.

О таком недопустимом плотском мышлении некоторых церковно-политических деятелей святой апостол Павел сказал: *«И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете? Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы? Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий, и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение. Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положен-*

¹ Главы VIII «О колдунах» и X «О чародеях» «Шаапиванских канонів» 444 года, которые предусматривали в качестве наказания колдунов наказание безжалостным «избиением камнями», палочным избиением, телесным клеймением, выворачиванием и вывихом костей, помещением правонарушителей к прокажённым в лепрозории // Авакян Р.О. Памятники армянского права. Ереван, 2000. С. 48–49; Товмасян А.Т. Армянское уголовное право древних и средних веков: обзор источников, преступление, наказание. Ереван, 1962. С. 501.

ного, которое есть Иисус Христос». (Тигранян, 1924) Вот это и есть истинное православие!

Духовная, Божественная, Христова «любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует»: (Товмасян, 1970) «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Фасс, 1927). Поэтому армяне, как народ Христов, должны поступать всегда и везде по нелицемерной любви, искренней вере, доброй совести, ясному сознанию и разумению, бесценному и неподкупному достоинству, согласно своему высокому духовному призванию и предназначению. Иначе они, в отличие от иных язычников, неверующих, духовно невежественных, незрелых маловерных обществ и народов, будут поражены и наказаны Господом Богом сугубо как более одарённые и потому более ответственные люди.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение данного духовно-правового и исторического исследования относительно общей сущности и содержания армянских церковных канонов и светских законов необходимо и вполне уместно было бы напомнить, что «Армянская книга канонов» 719 года, составленная католикосом Иоанном (Философом) Одзнецом в виде свода традиционных христианско-армянских церковных канонов и законоположений, была успешно использована святыми вардапетами Армянской Апостольской Церкви Давидом Алавкаворди и Мхитаром Гошем, соответственно, в 1130 и 1184 году при составлении их знаменитых армянских судебныхников (Эскарян, 1872) как свод основных духовных и светских законов армянской нравственной, правовой, политической и повседневной бытовой жизни.

Список литературы:

1. Авакян, Р.О. Памятники армянского права. – Ереван ЕФ МНЮИ-XXI ВЕК, 2000. – 1019 с.
2. Ачарян, Ш. Католикос Иоаннес Имастасер. Ереван, 1999. – 226с.
3. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в рус. переводе / ил. Гюстава Доре. – Санкт-Петербург: Лениздат, 2006. – EDN QUBGUL.
4. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: МГУ, Норма, 1998. – 592с.
5. Галемкарян, О. Сюникская школа. Константинополь, 1912. – 378с.
6. Драсханакертци, И. История Армении. – Тифлис, 1912. Ереван, 1986. – 158с.
7. Егиазарян, С. Исследования по истории армянского права, публичного и частного. Киев, 1919. – 112с.
8. История Армянского народа. Часть 1. Под ред. Б.Н. Аракеяна и А.Р. Иоаннисяна. – Ереван: Институт Истории АН Арм. ССР, 1951. – 216с.
9. Кеосаян, А. Символ в трудах Ована Одзнеца. Очерки теологии армянского средневекового искусства. Эчмиадзин, 1995. – 127с.
10. Книга посланий. Иерусалим, 1994. (на арм. яз.). – 298с.
11. Мелик-Бахсян, С.Т. Армения в VII–IX веках. Ереван, 1968. – 268с.
12. Мелик-Бахсян, С.Т. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1955. – 316с.
13. Одзнец, И. Труды. Венеция. 1834. – 184с.
14. Одзнец, О. Творения Иоанна Имастасера. Венеция, 1853. – 246с.

15. Папян, М. Иоанн Имастасер Одзнеци. Жизнь и деятельность. Амроц, 1998. – 88с.
16. Путеводитель паломника. Святой патриарх Иоанн Одзнеци. Гугаркская епархия. Эчмиадзин, 1999. – 246с.
17. Сукиасян, А.Г. Общественно-политический строй и право в Армении в эпоху раннего феодализма. (III–IX века). Ереван, 1963. – 216с.
18. Судебник Давида Алавкаворди (сына Алавика) 1130 года как один из памятников христианского канонического права // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2024. № 1 (105). – С.11-33.
19. Тер-Минасян, Е. Взаимоотношения армянской церкви с ассирийскими церквями. Эчмиадзин, 1908. – 198с.
20. Тер-Минасян, Е. Несторианство в Армении в V–VI веках. Ереван, 1946. – 258с.
21. Тер-Мкртчян, К. История армянской церкви. Вагаршапат, 1908. – 178с.
22. Тигранян, С. А. Введение к истории армянского права. Ереван, 1924. – 358с.
23. Товмасян, А. Т. Армянское право древних и средних веков. Автореферат докторской диссертации. Ереван, 1970. – 37с.
24. Фасс, Я. Влияние Византии на армянское право. Харьков, 1927. – 112с.
25. Эсткарян, В. Всеобщая церковная история в сочетании с историей армянской церкви. Вена, 1872. – 78с.

Сведения об авторе:

ОСИПЯН Борис Арташесович, кандидат юридических наук, доцент, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, e-mail: artos5@mail.ru, AuthorID: 540899

References:

1. Avakyan, R.O. (2000) *Monuments of Armenian Law*. Yerevan EF MNLI-XXI CENTURY, 1019 p. (In Russ.).
2. Acharyan, Sh. (1999) *Catholicos Ioannes Imastaser*. Yerevan, 226 p. (In Russ.).
3. *The Bible: Books of the Holy Scripture of the Old and New Testaments: in Russian translation / ill. Gustave Dore*. St. Petersburg: Lenizdat, 2006. (In Russ.)– EDN QUBGUL.
4. Berman, G.J. (1998) *Western legal tradition: the era of formation*. Moscow: Moscow State University, Norma, 592 p. (In Russ.).
5. Galemkaryan, O. (1912) *Syunik School. Constantinople*, 378 p. (In Russ.).
6. Draskhanakerttsi I. (1986) *History of Armenia*. Tiflis, 1912. Yerevan, 158 p.
7. Egiazaryan, S. (1919) *Studies in the history of Armenian law, public and private*. Kyiv, 112 p. (In Russ.).
8. *History of the Armenian people*. Part 1. Ed. by B.N. Arakelyan and A.R. Ioannisyan. Yerevan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1951. 216 p. (In Russ.).
9. Keosayan, A. (1995) *Symbol in the works of Ovan Odznetsi*. Essays on the theology of Armenian medieval art. Echmiadzin, 127 p. (In Russ.).
10. *Book of Epistles. Jerusalem*, 1994. (in Armenian). 298 p. (In Russ.).
11. Melik-Bakhshyan, S.T. (1968) *Armenia in the 7th-9th centuries*. Yerevan, 268 p. (In Russ.).

12. Melik-Bakhshyan, S.T. (1955) *Paulician movement in Armenia*. Yerevan, 316 p. (In Russ.).
13. Odznetsi, I. (1834) *Works*. Venice. 184 p. (In Russ.).
14. Odznetsi, O. (1853) *Works of John Imastaser*. Venice, 246 p. (In Russ.).
15. Papyan, M. (1998) *John Imastaser Odznetsi*. Life and work. Amrots, 88 p. (In Russ.).
16. *Pilgrim's Guide. Holy Patriarch John Odznetsi*. Gugark Diocese. Echmiadzin, 1999. 246 p. (In Russ.).
17. Sukiasyan, A.G. (1963) *Socio-political system and law in Armenia in the era of early feudalism*. (III-IX centuries). Yerevan, 1963. 216 p. (In Russ.).
18. *The Code of Laws of David Alavkavordi* (son of Alavik) of 1130 as one of the monuments of Christian canon law. Church and Time. Scientific-theological and church-social journal. 2024. no. 1 (105). P. 11-33. (In Russ.).
19. Ter-Minasyan, E. (1908) *Relationships of the Armenian Church with the Assyrian Churches*. Echmiadzin, 198 p. (In Russ.).
20. Ter-Minasyan, E. (1946) *Nestorianism in Armenia in the V-VI centuries*. Yerevan, 258 p. (In Russ.).
21. Ter-Mkrtychyan, K. (1908) *History of the Armenian Church*. Vagharshapat, 178 p. (In Russ.).
22. Tigranyan, S. A. (1924) *Introduction to the History of Armenian Law*. Yerevan, 358 p. (In Russ.).
23. Tovmasyan, A. T. (1970) *Armenian Law of the Ancient and Middle Ages*. Abstract of a Doctoral Dissertation. Yerevan, 37 p. (In Russ.).
24. Fass, J. (1927) *The Influence of Byzantium on Armenian Law*. Kharkov, 112 p. (In Russ.).
25. Estkaryan, V. (1872) *General Church History in Combination with the History of the Armenian Church*. Vienna, 78 p. (In Russ.).

Author:

OSIPYAN Boris A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, e-mail: artos5@mail.ru, AuthorID: 540899; <https://orcid.org/0000-0003-3149-2370>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interest.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И СЛУЖЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО
АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ (ГЛУХАРЕВА)

Ю. В. БЛОХИН

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12

Поступила
в редакцию
19.10.2024

Поступила
после
рецензирования
12.02.2024

Принята
к публикации
17.03.2025

Аннотация. Целью статьи является анализ биографических данных о Преподобном Макарии Алтайском, его идей, концепций и особенностей его миссионерской деятельности.

Исследование проводилось с применением исторического, сравнительного и дедуктивного методов, а также контент анализа. Это позволило рассмотреть процесс становления личности преподобного Макария и основные этапы его жизни. Дало возможность раскрыть его личностные характеристики и подход к ведению миссионерской и просветительской деятельности. Создало основу для пализа особенностей распространения почитания святого, как в Орловском крае, так и в России.

Были изучены архивные документы, материалы периодической печати, литература и литература с жизнеописанием Преподобного архимандрита Макария.

В результате исследования была хронологически выстроена биография Преподобного Макария Алтайского, описаны основные идеи и концепции его деятельности, особенности подхода святого к обращению иноверцев в Православную веру. Исследован процесс обретения мощей Макария Алтайского в феврале 2024 года, что стало ключевым и значимым событием, как для Орловской и Барнаульской епархий, так и для всей Русской Православной Церкви. Проанализированы причины особого статуса святого среди канонизированных подвижников Русской Православной Церкви. Преподобный Макарий был основателем миссионерской миссии на Алтае, просветителем и автором перевода Библии с еврейского языка на русский. Он, в течении многих лет проповедуя на Алтае, фактически создал концепцию организации миссионерской деятельности. Он также основал Православное Миссионерское общество и привлекал к православной вере широкие слои людей из всех сословий России. Находясь в Болхове, на должности настоятеля Троицкого Оптина монастыря, святой Макарий продолжал вести просветительскую деятельность среди жителей Орловщины. Обретение мощей Макария Алтайского возродило интерес как к духовному и миссионерскому наследию Макария Алтайского, так и к истории его жизни и служения.

Ключевые слова: Макарий Алтайский, миссионерская деятельность, Русская Православная Церковь, Орловская епархия, Барнаульская епархия

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Блохин Ю. В. Жизненный путь и служение преподобного архимандрита Макария (Глухарева) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 125–137. EDN WSCFCD. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-125-137>.

© Блохин Ю. В., 2025

Original article

LIFE PATH AND SERVICE OF THE VENERABLE ARCHIMANDRITE MACARIUS (GLUKHAREV)

Yu. V. BLOKHIN

Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA
Address: 12, Oktyabrskaya st., 302026, Orel, Russia

Received
19.10.2024

Revised
12.02.2025

Accepted
17.03.2025

Abstract. *The purpose of the article is to analyze biographical data about the Venerable Macarius of Altai, his ideas, concepts and features of his missionary activity.*

The research was conducted using historical, comparative and deductive methods, as well as content analysis. This allowed to examine the process of formation of the personality of Venerable Macarius and the main stages of his life. It provided an opportunity to reveal his personal characteristics and approach to conducting missionary and educational activities. It created the basis for analyzing the peculiarities of the spread of veneration of the saint, both in the Orel region and in Russia.

Archival documents, periodicals, literature and literature with the life story of the Venerable Archimandrite Macarius were studied.

As a result of the research, a chronologically correct biography of the Venerable Macarius of Altai was constructed, his main ideas and concepts of his activity, and the particularities of the approach to converting non-believers to the Orthodox faith were described. The process of acquiring the relics of Macarius of Altai in February 2024 was investigated, which became a key and significant event for both the Orel and Barnaul Dioceses, as well as for the entire Russian Orthodox Church. The reasons for the special status of the saint among the canonized ascetics of the Russian Orthodox Church are analyzed. St. Macarius was the founder of the missionary mission in Altai, an educator and the author of the translation of the Bible from Hebrew into Russian. While preaching in Altai for many years, he created the concept of organizing missionary activities. He also founded an Orthodox Missionary Society and attracted a wide range of people from all classes of Russia to the Orthodox faith. While in Bolkhov, as rector of the Trinity Optina monastery, Saint Macarius continued to conduct educational activities among the inhabitants of the Orel region. The discovery of the relics of Macarius of Altai revived interest in both the spiritual and missionary legacy of Macarius of Altai, as well as in the history of his life and service.

Keywords: *Macarius of Altai, missionary activity, Russian Orthodox Church, Orel diocese, Barnaul diocese*

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Blokhin, Yu. V. (2025) Life and service of the venerable archimandrite Macarius (Glukharev). *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.125–137. EDN WSCFCD <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-125-137..>

ВВЕДЕНИЕ

Преподобный архимандрит Макарий оставил след в истории как миссионер и просветитель Алтая. Фактически возродив миссионерскую деятельность в Сибири, которая с конца XVIII века находилась в большом упадке, архимандрит Макарий сильно изменил саму концепцию миссионерства. Являясь высокообразованным человеком, Макарий выдвинул ряд идей, многие из которых так и не были признаны его современниками и реализованы. Перевод Библии на русский язык, проект строительства межконфессионального храма – для православных, католиков и лютеран. Кроме того, архимандрит Макарий является родоначальником школ на Алтае, поскольку выдвинул новую концепцию расположения школ в деревнях, а не только в сёлах, что помогло бы повысить грамотность населения. И даже покинув Алтай и переехав на покой в Орловский край на должность настоятеля Троицкого Оптиного монастыря города Болхова, преподобный Макарий продолжал вести просветительскую и миссионерскую деятельность среди болховчан. Активно занимаясь церковным просвещением народа, Макарий особое внимание уделял детям, обучая их молитве, грамоте, поощряя тех, кто усердно занимался. Будучи человеком скромным и аскетичным, Макарий Алтайский до конца жизни старался вести подвижнический образ жизни, несмотря на болезни и слабость здоровья. Алтайская миссия являлась серьезным испытанием для преподобного Макария Алтайского, поскольку миссионерам приходилось жить и работать в крайне тяжелых условиях, сталкиваясь с суровым климатом, недоверием местного населения и активным противодействием духовных лидеров алтайских народов.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Обретение мощей преподобного Макария Алтайского возрождает интерес к духовному наследию Макария Алтайского, к его идеям и концепциям, которые и в настоящее время остаются актуальными. Кроме того, анализ и рассмотрение биографических данных преподобного Макария Алтайского позволят понять, каким образом Макарий Алтайский решил возрождать миссионерскую деятельность, рассмотреть особенность его подхода к обращению иноверцев в православие, а также причины, по которым преподобный Макарий принял решение отправиться проповедовать в Сибирь.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучением биографии преподобного Макария Алтайского (Глухарева) исследователи занимались еще в XIX веке. Наиболее подробными трудами, касающимися жизни преподобного Макария Алтайского (Глухарева), являются исследования протоиерея Ильи Ливанского, опубликованные в трудах Орловской учёной архивной комиссии, и книга профессора Константина Васильевича Харламповича «Архимандрит Макарий (Глухарев). По поводу 75-летия алтайской миссии». В данных трудах наиболее полно описаны этапы жизни преподобного Макария Алтайского, его миссионерская деятельность, а также его просветительская и научная работа. В настоящее время интерес к жизни и деятельности Макария Алтайского снова возрос. Так, например, среди трудов современных авторов можно выделить такие статьи: Стриганова, М. И. «Роль преподобного Макария Алтайского в развитии православного миссионерства в Российской империи»; Дегальцева, Е. А. «Алтайская духовная миссия (1830–1920): геополитические аспекты деятельности»;

Моисеева О. Г. «Миссионерская деятельность Алтайской Духовной миссии и настроения инородческого населения Черневого и Горного Алтая накануне и в начале Первой мировой»; Прокопьева, Н. В. «Методы миссионерской работы архимандрита Макария (Глухарёва) с коренным населением Алтая в 30–40-х гг. XIX в.» и др.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование опирается на материалы периодической печати, письма Макария Алтайского, архивные материалы, литературу и исследования других авторов, занимавшихся вопросом изучения жизнеописания Макария Алтайского (Глухарева). При исследовании применялись исторический, сравнительный и дедуктивный методы, а также метод контент-анализа.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Архимандрит Макарий (в миру Михаил Глухарев) родился 30 октября 1792 года в городе Вязьме Смоленской губернии. Отец – священник Иаков Глухарев. Мать – Агафия Федоровна Глухарева. Первоначальное образование Михаил получил в родной семье. Отец обучил его не только грамоте, но и иностранным языкам. Таким образом, в возрасте семи лет Михаил делал переводы с русского на латинский язык. В 1800 году Михаил был зачислен сразу в третий класс в Вяземское духовное училище. Михаил отличался хорошим поведением, прилежностью и способностью к наукам. Однако при этом у него было слабое здоровье. Так, однажды зимой по пути из школы Михаил простудился, после чего проболел почти полгода и чуть не умер. Сам о. Макарий впоследствии писал, что после этой болезни у него стал слабый голос и появились боли в груди (Герболинский, 1861, С. 230–231). При этом перенесенная болезнь оказала на него сильное влияние. Его голос ослаб, а характер стал нервный, порывистый и нетерпеливый.

В 1803 году Михаил поступает в Смоленскую духовную семинарию, где он продолжает обучение до 1812 года. Во время перерыва в обучении, вызванного Отечественной войной 1812 года, Михаил Яковлевич работал учителем в доме богатого помещика в Тверской губернии. Нахождение среди дворян положительно повлияло на Михаила Глухарева: он научился держаться в высшем обществе, а также перенял тонкости светских приличий. После окончания войны Михаил продолжил обучение в духовной семинарии. Однако, по словам о. Макария, нахождение вдали от родного дома, а также его новое окружение товарищей по семинарии, которые были ленивы, а иногда и прямо порочны, отрицательно отразилось на нравственности Макария (Нестеров, 2005, С. 11).

В 1814 году Михаил был зачислен в Санкт-Петербургскую духовную академию. По словам преподавателей, Михаил отличался прилежностью, молчаливостью, кроткостью и чистосердечностью. Кроме того, студент выделялся успехами в науке и хорошей манерой поведения. В духовной академии Михаил познакомился с мистицизмом, который был сильно распространён в аристократических кругах того времени. Однако ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов), видя в Михаиле талант, благочестие и способности, приблизил его к себе, отгородив от влияния мистических учений. Макарий впоследствии признавался, что с момента поступления в академию он ничего не делал и не начинал без совета и благословения архимандрита Филарета, почти ежедневно исповедуясь у него.

В свою очередь, архимандрит Филарет видел не только таланты молодого человека, но и его слабости. Ректор был строг с Михаилом, ставил молодого студента в число последних учеников, часто оставлял его просьбы без внимания либо намеренно затягивал их решение. Подобными методами архимандрит Филарет развивал в своем ученике смирение, терпение и кроткость – качества, которых, по мнению Филарета, недоставало молодому Михаилу. Занимаясь духовным воспитанием Михаила Яковлевича, архимандрит Филарет познакомил его с такими авторами святоотеческой мистики, как Макарий Египетский, Максим Исповедник, Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов. Труды этих авторов впоследствии оказали большое влияние на Макария.

В 1817 году Макарий окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью магистра, после чего был распределен в Екатеринославскую духовную академию, где его назначают на должность преподавателя, а также на должности инспектора и ректора приходского училища и духовного училища.

Подводя итог первого этапа жизни Макария Алтайского, можно сказать, что во время обучения в Смоленской духовной семинарии, а затем и в Санкт-Петербургской духовной академии Макарий отличался усердием, усидчивостью и любознательностью, а также хорошими успехами в учебе. Большую роль в этом сыграла его семья, в которой Макарий получил первоначальное образование и воспитание. Кроме того, немалое влияние на мировоззрение Макария оказал архимандрит Филарет (Дроздов), оградивший своего ученика от воздействия мистицизма и воспитавший в нём духовные качества и прочные нравственные ориентиры.

Находясь на должности ректора, Михаил Глухарев столкнулся с проблемами, которые выражались в низком жаловании преподавателей, нерадивом отношении студентов к учебе и расположении квартир студентов вдали от академии, что затрудняло контроль за обучающимися. В «Екатеринославских епархиальных ведомостях» писалось, что начальство семинарии как будто нарочно старалось держать в крайней строгости как студентов, так и преподавателей семинарии.

Находясь в таких условиях, Михаил Яковлевич вел жизнь аскетичную, довольствовался своим жалованием и не брал денег, а прочие припасы тут же отправлял в академию, утверждая, что ему достаточно его жалования (Герболинский, 1861, С. 238). К студентам Михаил Глухарев относился с добротой, но тем не менее строго взыскивал с них за проступки, а также требовал постоянного внимания к учебе и усердия (Филимонов, 1888, С. 9). При этом с ректором семинарии архимандритом Никифором и с сослуживцами отношения у молодого преподавателя не сложились. Связано это было в первую очередь с общим недовольством тем, что должность инспектора досталась новопривышему юноше.

29 января 1818 года М. Я. Глухарев, находясь в Екатеринославской духовной академии, подает прошение о пострижении в монашество, и 24 июля 1818 года Михаил Яковлевич Глухарев был пострижен в монахи под именем Макарий в честь преподобного Макария Великого. На следующий день Макарий был рукоположен в иеродьякона, а еще через три дня – в иеромонаха. Рукоположение производил архиепископ Иов. Затем, согласно указу Святейшего Синода, иеромонах Макарий был причислен к братии Киево-Печерской лавры.

Весной 1820 года о. Макарий написал прошение о своем увольнении с должности инспектора Екатеринославской духовной академии по причине слабого здоровья. В 1821 году, по свидетельству святителя Филарета, Макарий был переведен в

Костромскую духовную семинарию на должность ректора. На новом месте работы отношения о. Макария с сослуживцами тоже не сложились. Его невзлюбили за прямолинейность, честность и строгость. Неприязнь к новому ректору периодически доходила до крайностей. Например, однажды, когда о. Макарий проходил по семинарскому двору, в него бросили кирпич с верхних этажей (Харлампович, 1905, С. 16).

Подобные неприятности сильно потрясли о. Макария. Он стал гораздо чаще предаваться унынию. Кроме того, у него ухудшилось и физическое здоровье. Макарий стал хуже видеть, участились приступы лихорадки. Решив, что в подобных обстоятельствах он не добьётся успеха на должности ректора, Макарий начал искать другой род занятий. Так, в начале 1824 года он оставляет службу ректором и просит благословения на переезд в Самарский Пустынно-Николаевский монастырь, в котором на тот момент жил его духовный отец – старец Ливерий. Однако благословения на переезд в Самарский Пустынно-Николаевский монастырь получено не было, и тогда Макарий переехал в Киево-Печерскую лавру, к которой был причислен при постриге. Однако Киево-Печерская лавра оказалась слишком многолюдной и шумной для Макария, и он уехал в Китаевскую пустынь, которая находилась недалеко от Киева.

В Китаевской пустыни архимандрит Макарий тоже пробыл недолго. По словам его келейника, у Макария и на новом месте появились недоброжелатели. Так, однажды кто-то ложно донес наместнику, что архимандрит Макарий читает книги, запрещенные Русской Православной Церковью (Нестеров, 2005, С. 29), после чего в келье у Макария произошел обыск, в результате которого были изъяты книги, часть из которых ему так и не вернули.

А еще через некоторое время скончался духовный отец Макария – старец Ливерий. И в сентябре 1825 года Макарий ходатайствует перед Святейшим Синодом о переводе его в Глинскую Богородице-Рождественскую пустынь. Главной причиной такого прошения было желание архимандрита Макария подвизаться под руководством старца Филарета, который отличался аскетической жизнью и был известен как благочестивый и опытный наставник, неутомимый подвижник и мудрый духовный руководитель. Кроме того, Глинская пустынь привлекала Макария своими аскетическими порядками. О. Макарий писал, что нахождение в Глинской пустыни позволило ему работать над собой и своими недостатками, особенно над своеволием, малодушием, маловерием, нерадением, забвением и неразумием (Харлампович, 1905, С. 9).

Следовательно, несмотря на все свои положительные качества и успехи в учебе, Макарий не смог работать на административных и преподавательских должностях в учебных заведениях, поскольку искал для себя уединения и возможности работать над собой. Важным шагом в жизни архимандрита Макария стало принятие монашеского пострига, которое определило его дальнейшую судьбу. Однако и в монастырях Макарий не мог найти необходимый ему покой и уединение. Киево-Печерская лавра оказалась слишком шумной и многолюдной для него, а в Китаевской пустыни у Макария появились недоброжелатели. И только Глинская пустынь понравилась Макарию своими строгими порядками. Здесь он получил возможность работы над собой, а также стал трудиться над переводами книг Святых Отцов на русский, однако и в ней архимандрит Макарий прожил недолго.

В 1829 году Макарий принимает решение стать миссионером и проповедовать

православие в Сибири. Важное значение в этом решении сыграл старый друг архимандрита Макария – Мартин Андреевич Атлас, который, путешествуя по святым местам, заехал и в Глинскую пустынь. Во время разговора с о. Макарием Мартин Андреевич сообщил, что Священный Синод ищет людей для ведения миссионерской деятельности.

По состоянию на 1828 год миссионерская деятельность находилась в состоянии упадка и была фактически заброшена с конца XVIII века. Это привело к тому, что в 1827 году начались массовые отступления крещеных инородцев от Русской Православной Церкви. В данной ситуации 24 декабря 1828 года Священным Синодом был издан Указ «Об учреждении миссионерских экспедиций в стране Сибирской». Согласно данному указу, необходимо было провести миссионерские миссии в регионы с большим количеством отступников, в которые входила и Тобольская епархия.

Несмотря на то что у Макария было давнее желание заняться миссионерской деятельностью, отправляться в Сибирь он не торопился и для начала отправился за благословением к игумену Филарету. Филарет одобрил замысел Макария и пообещал, что будет оказывать посильную помощь.

17 февраля 1829 года архимандрит Макарий был определен Святейшим Синодом в Тобольскую епархию. Получив указ, Макарий 6 июня 1829 года отбыл из Глинской пустыни в Санкт-Петербург, а затем в Москву. 1 сентября 1829 года Макарий отбыл из Москвы в Тобольск, куда прибыл 30 сентября. Здесь же он встретил двух семинаристов – Василия Попова и Алексея Волкова, которые впоследствии стали его помощниками. При выборе области для проповеди Макарий остановился на Алтае. Перед отъездом проповедникам были даны инструкции, согласно которым предписывалось преподавать иноверцам Евангелие в максимально упрощенном виде, донося самую необходимую информацию. Проповедь предписывалось вести дружелюбно и спокойно, начиная с дружеской беседы и плавно переходя к обсуждению законов и культов местного населения, доказывая естественными доводами неправильность их верований (Харлампович, 1905, С. 29). В задачи миссионеров входило изучение языка местного населения, перевод на него книг Священного Писания, богослужебных книг и молитвословов, а также ведение журнала о своих действиях с последующим отчетом преосвященному.

3 августа 1830 года о. Макарий со своими помощниками двинулся в путь. Спустя три недели они приехали в Барнаул, а затем в Бийск. Решение остановиться в этом городе было обосновано тем, что сюда часто приезжали инородцы, с которыми Макарий мог вести беседы о христианской вере. Через месяц, 7 сентября 1830 года, о. Макарием был крещен первый иноверец – Элеска, получивший при крещении имя Иоанн. Основной особенностью миссионерской деятельности Макария был очень осторожный, умелый и продуманный подход к крещению местного населения. Обращение совершалось так, чтобы минимизировать шанс отпадения новокрещенного от христианской веры в будущем (Нестеров, 2005, С. 86).

Следующим шагом миссионеров стали разъезды по окрестностям. Это помогало ближе познакомиться с бытом местных жителей, понять их настроя и отношение к миссии, а также определить масштаб и основные направления дальнейшей работы. Стоит отметить, что у местного населения был крайне низкий уровень быта. Алтайские племена монголо-татарского происхождения насчитывали порядка 39 000 человек, согласно ревизии 1857 года, и находились в Бийском и Кузнецком округах. Обладая единым языком – татарским, различные племена наименовались по-

разному: черневые татары, калмыки, телеуты и кумандинцы. Около трети населения вели оседлый образ жизни, остальные кочевали, объединяясь в небольшие группы, состоящие из 2–3 родственных семей. Отмечалось, что в юртах было очень грязно, обитали насекомые, и скот, жилища всегда были полны дыма, а хозяева не меняли и не стирали своих одежд, посуды не мыли и в целом отличались крайней нечистоплотностью (Ястребова, 1893, С. 40). Сильный гнет старшин приводил к тому, что под давлением алтайцы отказывались от какого-либо улучшения своей жизни. Зачастую, потратив все деньги, местные жители влезали в непомерные долги, не заботясь о том, способны ли они их выплатить, и, как следствие, попадали в кабалу. Согласно записям миссионеров, подобный образ жизни негативно отзывался на умственных способностях алтайцев. Во время проповеди они многого не понимали, поэтому миссионеру приходилось по несколько раз повторять свою мысль, стараясь донести её как можно более простыми словами (Ястребова, 1893, С. 41).

В своих верованиях алтайцы обычно придерживались шаманского дуализма, признавая Ульгения – духа светлых сил и Эрлика – духа темных сил. Помимо этого, представляя вселенную, наполненную духами, алтайцы поклонялись горам, озерам, рекам, солнцу, луне и огню. В таких условиях вести миссионерскую деятельность было сложно, однако немало затруднений для проповеди вносили климат и природа Алтая. Сильные морозы зимой, бураны, уничтожающие целые табуны скота и представляющие значительную опасность для путников, сменялись весенними паводками, переправляться через которые приходилось вброд. В силу того что алтайские племена проживали на достаточном удалении друг от друга, проповедникам приходилось выполнять длительные переезды по лесам, горам и ущельям в условиях полного отсутствия дорог. Учитывая слабое здоровье архимандрита Макария, можно заключить, что подобные переезды давались ему крайне тяжело. Однако он продолжал свою миссионерскую деятельность и вынужден был прекратить разъезды только с началом сезона дождей, когда раскисшие дороги стали совершенно непроходимыми, и остановился в селении Майма.

В первую очередь в селении были налажены регулярные богослужения. Миссионер знал всех маймийцев по именам и в лицо и требовал, чтобы в праздники все жители Маймы посещали богослужения (Путинцев, 1882, С. 474). После службы, как правило, устраивались беседы с паствой, на которых с помощью переводчика решались основные проблемы местных жителей, давались нравственные утешения и наставления, велась проповедь.

Несмотря на сильное сопротивление местных властей, алтайских шаманов и раскольников, алтайская миссия расширялась, благодаря умелым действиям архимандрита Макария. В 1834 году был открыт второй стан миссии, расположившийся в городе Улала. В первую очередь это было связано с ростом числа местных жителей, обращенных в христианство. Макарий писал, что у него было такое большое количество дел и забот, что он очень редко мог перечитывать писания о духовной жизни, которые привез с собой из Тобольска.

Сказывалось и малое количество денежных средств. Миссионеры жили в строгости и аскетизме, по принципам иноческого общежития. Так, в доме, в котором располагались миссионеры, было всего две комнаты, разделенные сенями. В одной из комнат жил архимандрит Макарий, в другой – его помощники. В этом же доме оказывалась помощь больным, проводилось обучение, хранились книги. Однако, не-

смотря на тяжелые условия и ограниченные денежные средства, архимандриту Макарию удалось создать миссионерское братство и общину единомышленников, которые успешно проводили миссионерскую деятельность. Так, в 1835 году стан миссии был перенесен в Улалу, где миссионеры возвели деревянный храм, а к 1836 году подавляющее большинство местного населения было крещено.

Расширение миссионерской деятельности требовало новых кадров, и Макарий разработал систему подготовки и обучения юношей, желающих проповедовать на Алтае. Предполагалось изучение философских, богословских, словесных наук, изучение языков, в том числе еврейского, немецкого, французского и арабского, а также освоение естественных наук, таких как естественная история, физика, анатомия и медицина.

Однако эта инициатива не была одобрена ни Святейшим Синодом, ни епископом Томским Агапитом, который являлся новым начальником о. Макария. В конце 1839 года о. Макарий отправился в Санкт-Петербург, но, несмотря на все свои усилия, так и не получил разрешения на преобразование миссионерского дела. Более того, его действия и попытки убедить руководство в необходимости реформации миссионерской деятельности привели к тому, что 11 мая 1839 года архимандрит Макарий был выслан из Санкт-Петербурга с предписанием вернуться к месту служения – в Томск – и разрешением остаться в Москве на три месяца. Однако в Москве отец Макарий находился до 1840 года и за это время сумел найти благодетелей и попечителей, которые согласились выделить денежные средства на дальнейшее развитие алтайской миссии. К моменту отъезда из Москвы Макарий положил в сохранную кассу 10 тысяч рублей в пользу алтайской миссии.

Можно сказать, что поездка архимандрита Макария в Санкт-Петербург разделила его миссионерскую деятельность на Алтае на две части. Если с момента прибытия на Алтай и до отъезда в столицу основная цель деятельности миссионеров заключалась в расширении миссии и её развитии, а также в распространении идей православия среди как можно большего количества иноверцев, то после поездки основными целями стали укрепление и сохранение достигнутых результатов, удержание новообращенных в вере. Денежные пожертвования позволили открыть вторую церковь и школу для девочек. Продолжалось активное обучение алтайцев сельскому хозяйству (Нестеров, 2005, С. 34).

В этот же период преподобный Макарий Алтайский выдвигает идею перевода Библии на русский язык, однако сталкивается с трудностями, поскольку перевод Священного Писания на русский язык был запрещен. Священный Синод считал, что перевод Библии на русский язык делал возможным вольное толкование Священного Писания, что неминуемо привело бы к распространению ереси. Например, Русская Библия, ранее изданная Библейским сообществом в 1826 году, была арестована и уничтожена. Однако Макарий Алтайский всё равно продолжил работы по переводу. Для этого необходимо было сравнить текст Священного Писания с существующими переводами на немецкий, английский и французский языки. Результаты перевода Макарий представил Священному Синоду с просьбой напечатать и обнародовать его. Однако Священный Синод ответил отказом и предупредил Макария, что он преступает пределы своего звания и обязанностей, после чего Макарий передал перевод Библии митрополиту Московскому Филарету на хранение. Издание русского перевода было одобрено лишь в 1858 году, и труды Макария стали основой для перевода, который был напечатан.

Помимо прочего, Макарий писал о том, что необходимо увеличение общей грамотности населения. Для этого предлагалось в каждой деревне открыть школу, в которую дети могли бы ходить из дома, поскольку многие родители не хотели отправлять своих детей в села, которые были зачастую расположены на значительном удалении от деревень. Кроме того, в деревенских школах предлагалось ввести систему, при которой во время сезона полевых работ школа работала бы по праздникам и во время плохой погоды, чтобы ученики могли повторить всё выученное, а в свободное время могли бы помогать родителям.

К 1843 году большой объем работ по миссионерской службе сильно истощил здоровье архимандрита Макария, и 16 июня 1843 года, согласно указу Святейшего Синода, архимандрит Макарий отстранялся от миссионерской деятельности и был распределен в Троицкий Оптин монастырь города Болхова Орловской губернии на должность настоятеля. В июне 1844 года архимандрит Макарий передает всё руководство миссией Стефану Ландышеву, своему ученику, и отправляется в Орёл (Нестеров, 2005, С. 94).

Подводя итог миссионерской деятельности архимандрита Макария на Алтае, можно заключить, что благодаря его умелым действиям была возрождена алтайская миссия, находившаяся в сильном упадке еще с конца XVIII века. Всего за период с 1830 по 1844 год было крещено 675 человек (Ястребова, 1893, С. 82).

Находясь в Болхове, архимандрит Макарий продолжил обучать местное население грамоте и основам православной веры, особое место отводя проповеди. Так, после литургии Макарий выходил на амвон и подробно объяснял евангельское и апостольское чтение дня. Особое внимание преподобный Макарий уделял обучению детей. Старец обучал их заповедям, песнопениям, молитвам, учил читать и писать.

В Болхове отца Макария любили и почитали. Примером тому могут служить множественные свидетельства современников. Так, по рассказам протоиерея Евфимия Остромысленского, однажды архимандриту Макарию необходимо было отлучиться в Москву на несколько недель, и по городу пронесся слух, что он и вовсе уезжает из Болхова и не вернется назад. Напуганные этим слухом жители вышли на улицы города и просили о. Макария, чтобы он не уезжал. А около трехсот человек шли за его повозкой почти семнадцать верст (Остромысленский, 1860, С. 20). Также можно привести в пример воспоминания В. И. Карпова – жителя Болхова, который описывал, как многочисленные богомольцы в монастыре падали перед архимандритом Макарием с просьбой благословить их, а многие женщины хватили полы его рясы и целовали их (Нестеров, 2005, С. 100).

В 1846 году о. Макарий решил исполнить свое давнее намерение и отправиться в Иерусалим. Однако в мае 1847 года, перед отъездом, Макарий заболел простудой, затем воспалением легких, а после болезнь перешла в воспаление печени и желудка, а затем в тиф. Врачи помочь ничем не смогли, так как истощенный организм легко поддавался болезни. Макарий стойко переносил недуг, несмотря на сильные боли. 18 мая 1847 года архимандрит Макарий причастился Святых Христовых Тайн. И 18 мая в 10 часов 20 минут преподобный архимандрит Макарий скончался (Нестеров, 2005, С. 105).

«Колокол возвестил всему городу о его отшествии, – писал келейник Макария Орлов А. А., – и народ со всех сторон стекался; всякий теснился, желая в последний раз взглянуть на него и отдать последний поклон» (Нестеров, 2005, С. 105).

В результате исследования были собраны биографические данные о жизни и деятельности преподобного Макария Алтайского, освещены основные вехи его биографии, результаты трудов и достижения. Кроме того, было рассмотрено и проанализировано особенности его концепций и подходов к ведению просветительской деятельности, освещены взаимоотношения с людьми, которые оказали большое влияние на становление личности Макария Алтайского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что преподобный Макарий Алтайский оказал большое влияние на развитие миссионерской деятельности в первой половине XIX века в России, фактически возродив её. Им были заложены новые принципы и методы ведения миссионерской деятельности, а идеи по её устройству помогли расширить деятельность миссии и привлечь к ней более широкие слои населения. Помимо миссионерской деятельности, Макарий занимался и просветительской работой, обучая местное население грамоте, сельскому хозяйству и медицине. Кроме того, преподобный Макарий также оказал значительное влияние как на просвещение Орловской губернии, так и на развитие Орловской епархии, выполняя миссионерскую деятельность, обучая население грамоте и основам православной веры. Как можно видеть из свидетельств современников, еще до канонизации преподобного Макария многие считали его святым. Заслуги архимандрита Макария перед Церковью уже в 1847 году были засвидетельствованы в отчете обер-прокурора Святейшего Синода, в котором отмечалось, что архимандрит Макарий еще при жизни снискал всеобщее уважение и посвятил свои дни обучению людей благочестию.

Кроме того, архимандритом Макарием была проведена большая работа как по переводу трудов Святых Отцов на русский язык, так и по переводу Библии с еврейского языка на русский. Таким образом, можно заключить, что архимандрит Макарий является выдающейся личностью, оставившей глубокий след в истории Русской Православной Церкви.

Список литературы:

1. Герболинский, И., протоиерей. Воспоминание о покойном отце архимандрите Макарии Глухареве, миссионере алтайском // Странник. 1861. Т. 2, № 5, отд. I. С. 229–246.
2. Записка о Екатеринославской семинарии // Екатеринославские Епархиальные Ведомости. Часть неофициальная. 1872. № 8. С. 113–128.
3. Краткие сведения о жизни и деятельности архимандрита Макария, основателя Алтайской духовной миссии: (С его портр.): По случаю столет. годовщины со дня его рождения (8 нояб. 1792 г.) / (Соч.) И. Ястребова. – Бийск: типо-лит. И.Д. Реброва, 1893. – (4), II, II, 135 с., 1 л. портр.
4. Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария / (соч.) Д. Д. Филнова. – Москва: Университетская типография, 1888. (2), 225 с.
5. Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1896. Орел, 1897. Вып. II и III. С. 20–155.
6. Остромысленский Евфимий, протоиерей. Архимандрит Макарий, алтайский миссионер // Странник. 1860. Т. 1, № 1, отд. I. С. 12–23.
7. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии / Под ред. и с предисл. К.В. Харламповича. – Казань, 1905.

8. Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к Высочайшим особам и разным другим лицам. – Тверь, 1888. Ч. 1, 2. (Ч. 1. С. 136)
9. Путинцев, М. протоиерей. Воспоминания о первом алтайском миссионере, архимандрите Макарии // Томские Епархиальные Ведомости. 1882. № 15. Отд. неофициальный. С. 432–436.
10. Словом и житием наставляя: жизнь и тр. преп. Макария Алтайского / С. В. Нестеров. – М.: Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, 2005. – 540 с.
11. Харлампович, К.В. Архимандрит Макарий Глухарев: По поводу 75-летия Алтайской миссии. – СПб., 1905.
12. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии: С биограф. очерком, портр., видом и двумя факс. / Под ред. К.В. Харламповича. – Казань: Центр. тип., 1905. – (2), 558 с.
13. Стриганова, М. И. Роль преподобного Макария Алтайского в развитии православного миссионерства в Российской империи / М. И. Стриганова, А. Б. Ефимов // Вестник Барнаульской духовной семинарии. – 2024. – № 2 (2). – С. 55–65. – EDN CMBDAP.
14. Дегальцева, Е. А. Алтайская духовная миссия (1830–1920): геополитические аспекты деятельности / Е. А. Дегальцева // Вестник Кузбасской православной духовной семинарии. – 2023. – № 3 (14). – С. 58–68. – EDN UKHTCY. https://doi.org/10.56859/29490847_2023_3_58.
15. Моисеева, О. Г. Миссионерская деятельность Алтайской Духовной миссии и настроения инородческого населения Черневого и Горного Алтая накануне и в начале Первой мировой войны / О. Г. Моисеева, В. В. Русанов, К. А. Синкин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 5. – С. 154–157. – EDN ЕЕАОЕР. – <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.45.96.028>.
16. Прокопьева, Н. В. Методы миссионерской работы архимандрита Макария (Глухарёва) с коренным населением Алтая в 30–40-х гг. XIX в. / Н. В. Прокопьева, М. В. Черкашина, Д. М. Прокопьев // Вестник Барнаульской духовной семинарии. – 2024. – № 2 (2). – С. 23–33. – EDN LCJZVQ.

Сведения об авторе:

БЛОХИН Юрий Владимирович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, e-mail: D13073@yandex.ru, SPIN-код: 9033-4845, AuthorID: 1227842; <https://orcid.org/0009-0001-7504-2403>

References:

1. Gerbolinsky John, (1861) Archpriest. Recollections of the late Father Archimandrite Makarii Glukharev, Altai missionary. Wanderer. Vol. 2, no. 5, section I. p. 229–246. (In Russ.).
 2. Note on the Ekaterinoslav Seminary. Ekaterinoslav Diocesan Gazette. Unofficial part. 1872. no. 8. p. 113–128. (In Russ.).
 3. Brief information about the life and work of Archimandrite Makarii, founder of the Altai Spiritual Mission: (From his port.): On the occasion of the centenary of his birth (November 8, 1792) / (Comp.) I. Yastrebova. Biysk: typo-lit. I.D. Rebrova, 1893. (4), II, II, 135 p., 1 p. port.
 4. Materials for the biography of the founder of the Altai mission, Archimandrite Macarius / (comp.) D. D. Filnova. Moscow: University Printing House, 1888. (2), 225 p.
-

5. Works of the Orel Scientific Archival Commission. 1896. Orel, 1897. Issues II and III. Pp. 20–155. (In Russ.).
6. Ostromyslensky E., (1860) Archpriest. Archimandrite Macarius, Altai Missionary. Wanderer. 1860. Vol. 1, no. 1, sect. I. Pp. 12–23. (In Russ.).
7. Letters of Archimandrite Macarius Glukharev, founder of the Altai mission / Ed. and with a preface by K. V. Kharlampovich. Kazan, 1905. (In Russ.).
8. Letters of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, to the Highest Persons and Various Other Persons. Tver, 1888. Part 1, 2. (Part 1. P. 136) (In Russ.).
9. Putintsev M., (1882) Archpriest. Memories of the First Altai Missionary, Archimandrite Macarius. Tomsk Diocesan Gazette. no. 15. Separate unofficial. P. 432–436.
10. Instructing by Word and Life: The Life and Works of St. Macarius of Altai / S. V. Nesterov. Moscow: Pravoslav. St. Tikhon. Humanitarian. University, 2005. 540 p. (In Russ.).
11. Kharlampovich, K.V. (1905) Archimandrite Makarii Glukharev: On the Occasion of the 75th Anniversary of the Altai Mission. SPb., 1905. (In Russ.).
12. Letters of Archimandrite Makarii Glukharev, Founder of the Altai Mission: With a biographical essay, port., view and two faxes. Ed. K.V. Kharlampovich. Kazan: Central type. 1905. (2), 558 p. (In Russ.).
13. Striganova, M.I. and Efimov, A.B. (2024) The Role of St. Makarii of Altai in the Development of Orthodox Missionary Work in the Russian Empire. Bulletin of the Barnaul Theological Seminary. no. 2 (2). P. 55–65. – EDN CMBDAP. (In Russ.).
14. Degaltseva, E. A. (2023) Altai Spiritual Mission (1830–1920): Geopolitical Aspects of Activities. Bulletin of the Kuzbass Orthodox Theological Seminary. no. 3 (14). P. 58–68. (In Russ.). – EDN UKHTCY. https://doi.org/10.56859/29490847_2023_3_58.
15. Moiseeva, O. G., Rusanov, V. V. and Sinkin, K. A. (2023) Missionary Activities of the Altai Spiritual Mission and the Moods of the Foreign Population of Chernevoy and Gorny Altai on the Eve and at the Beginning of the First World War. Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. no. 5. P. 154–157.– (In Russ.). EDN EEAOEP. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.45.96.028>.
16. Prokopyeva, N. V., Cherkashina, M. V. and Prokopyev, D. M. (2024) Methods of missionary work of Archimandrite Macarius (Glukharev) with the indigenous population of Altai in the 30-40s. XIX century. Bulletin of the Barnaul Theological Seminary. no. 2 (2). P. 23–33. (In Russ.).– EDN LCJZVQ.

Authors:

BLOKHIN Yuri Vladimirovich, Graduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, e-mail: D13073@yandex.ru, SPIN-code: 9033-4845, AuthorID: 1227842; <https://orcid.org/0009-0001-7504-2403>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

СТАНОВЛЕНИЕ «ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» В XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ)

А. Г. БЕРХИН

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12

Поступила
в редакцию
29.12.2024

Поступила
после
рецензирования
25.02.2025

Принята
к публикации
20.03.2025

Аннотация. Целью статьи является комплексный анализ становления епархиальных ведомостей в XIX – начале XX веков, как важного исторического источника.

Использовались сравнительный, хронологический и другие методы исторического исследования. А также применялся источниковедческий анализ. Епархиальные ведомости служат документальным свидетельством изменения общественной мысли и духовной жизни в различные исторические периоды. В этом издании публиковались разнообразные данные о церковной жизни, социальной структуре и культурных особенностях того времени. Они позволяют исследователям проследить, как церковь реагировала на вызовы времени, включая социальные изменения, политические кризисы и войны, а также как она способствовала формированию культурной идентичности общества.

Епархиальные ведомости важны для изучения взаимодействия церкви с другими культурными институтами, такими, как образование и искусство. В них публиковались статьи об успехах местных педагогических учреждений, театров и художественных выставок, что отражает интерес церкви к развитию культуры и образования в регионах.

В результате выявлены основные этапы формирования епархиальных печатных изданий, их функциональное назначение и типологические особенности. Исследован ряд ключевых направлений в деятельности епархиальной прессы. Первым является история формирования епархиальных ведомостей. Вторым направлением является обзор типологии церковной периодики, а также ее жанров, иллюстраций, дизайна и графики. Третьим направлением исследования стало изучение тематики и содержания церковных периодических изданий. В четвертых, рассмотрено как епархиальная периодика влияла на общественное мнение населения российских дореволюционных регионов.

Ключевые слова: Церковь, периодические издания, история, церковная история, печать, тематика, религия, культура

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Берхин А. Г. Становление «Епархиальных ведомостей» в XIX – начале XX в. (на примере Орловской епархии) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 138–150. EDN RUCUHI. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-138-150>.

© Берхин А. Г., 2025

Original article

FORMATION OF DIOCESAN REPORTS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
(ON THE EXAMPLE OF THE OREL DIOCESE)

A. G. BERKHIN

Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA
Address: 12, Oktyabrskaya st., 302026, Orel, Russia

Received
29.12.2024

Revised
25.02.2025

Accepted
20.03.2025

Abstract. *The purpose of the article is a comprehensive analysis of the formation of diocesan registers in the 19th – early 20th centuries as an important historical source.*

Comparative, chronological and other methods of historical research were used. A source analysis was also used. Diocesan registers serve as documentary evidence of the changes in social thought and spiritual life in various historical periods. This periodical published various information about church life, social structure and cultural peculiarities of that time. They allow researchers to trace how the church reacted to the challenges of the time, including social changes, political crises and wars, as well as how it contributed to the formation of the cultural identity of society.

Diocesan registers are important for studying the interaction of the church with other cultural institutions, such as education and art. They published articles about the successes of local educational institutions, theaters and art exhibitions, reflecting the church's interest in developing culture and education in regions.

As a result, the main stages of the formation of Diocesan printed publications, their functional purpose and typological features are revealed. A number of key directions in the activities of the diocesan press have been investigated. The first one is the the history of the formation of Diocesan registers. The second direction is a review of the typology of church periodicals, as well as its genres, illustrations, design and graphics. The third direction of the research is a consideration of the subject matter and content of church periodicals. And finally, the article examines how Diocesan periodicals influenced public opinion of Russian population in prerevolutionary regions.

Keywords: church, periodicals, history, church history, press, subject, religion, culture

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Berkhin, A. G. (2025) Formation and typological characteristics of diocesan reports in the 19th – early 20th centuries (using the Orel diocese as an example). *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.138–150. EDN RUCUHI. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-138-150>.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена тем, что «Епархиальные ведомости» играют важную роль в историко-культурном изучении, поскольку они представляют собой уникальный источник информации, отражающий жизнь и развитие Православной Церкви, а также культурные и социальные процессы в регионе. Эти периодические издания, выпускаемые на уровне епархий, содержат не только религиозные материалы, такие как проповеди, духовные наставления и богослужебные тексты, но и статьи, касающиеся общественной жизни, благотворительности, образовательных инициатив и культурных событий.

Также актуальность выбранной темы в первую очередь следует из того, что епархиальная периодическая печать в современном обществе имеет многостороннее значение. Например, изучая данные периодические издания, выпущенные как несколько веков назад, так и сравнительно недавно, мы можем почерпнуть из них знания о событиях в жизни епархии, таких как богослужения, праздники, курсы обучения, социальные инициативы и благотворительные акции. Также церковные периодические издания содержат статьи духовного и теологического содержания, которые помогают читателям углубить свои знания о православной вере, учении Церкви и истории христианства. Кроме того, епархиальная периодическая печать всегда способствовала сохранению и развитию православной культуры, включая литературу, искусство и традиции. В ней могут быть представлены работы местных авторов, что помогает поддерживать культурное наследие. Таким образом, епархиальная периодическая печать всегда являлась не только источником информации, но и важным инструментом в укреплении духовных и культурных основ общества, способствующим развитию активного религиозного сознания.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие епархиальной периодической печати в России началось в XVIII веке с появления первых церковных изданий, связанных с просветительской деятельностью Русской Православной Церкви. В XIX веке приходские газеты и журналы стали важным средством распространения информации о церковной жизни, духовном образовании и социальных инициативах. «Епархиальные ведомости» обычно выходили два раза в месяц или еженедельно и состояли из официальной, а также неофициальной частей. В XX веке, после революции 1917 года, приходские газеты столкнулись с сильным давлением со стороны советской власти, что привело к резкому сокращению публикаций. С 1990-х годов, после распада Советского Союза, наблюдается возрождение приходских изданий, активно издаются новые журналы и газеты, направленные на возрождение духовности и информационное обеспечение приходов. Роль Церкви в сфере информации многогранна. Она служит источником духовного и нравственного руководства, помогает формировать общественное мнение и пропагандирует такие ценности, как милосердие и справедливость. Она активно использует современные технологии и средства массовой информации, включая веб-сайты, социальные сети и приходские информационные бюллетени, для общения с верующими и широкой общественностью. Она также поднимает вопросы нравственности, социальной справедливости и экологической ответственности и участвует в общественных дебатах. В условиях глобализации и информационного давления Церковь предлагает альтернативные взгляды на мно-

гие социальные и культурные явления, вносит свой вклад в рассмотрение актуальных проблем и поддерживает духовный диалог в обществе. Кроме того, Церковь является важным центром духовной и культурной жизни, объединяющим верующих вокруг общих ценностей и традиций. Помимо духовного руководства, она активно способствует сохранению культурного наследия, проводя богослужения, фестивали и образовательные мероприятия, способствующие укреплению связей между поколениями и развитию общественных инициатив.

Если же говорить об особенностях конкретно Орловской епархии в XIX – начале XX века, то в первую очередь следует упомянуть, что Орловская епархия в рассматриваемый период являлась значимым объектом для историко-культурного исследования, так как она отражает сложные процессы, происходившие в России в этот период. Географическое положение на пересечении торговых путей играло важную роль в её развитии: наличие транспортных артерий способствовало обмену культурными и образовательными традициями, что влияло на формирование местной духовной жизни и религиозной практики. В XIX веке Орловская епархия стала центром активной церковной деятельности. С ростом интереса к образовательным инициативам были основаны духовные семинарии и приходские школы, что способствовало повышению грамотности не только среди духовенства, но и среди мирян. Также у «Орловских ведомостей» был постоянный «штат» сотрудников. Заметную роль в этом «штате» сыграл преподаватель местной духовной семинарии Гавриил Михайлович Пясецкий – известный краевед и историк Церкви, опубликовавший в своё время в издании свыше пятидесяти обширных материалов. Церковь активно занималась благотворительностью, создавая приюты и социальные учреждения, что тоже играло важную роль в поддержании социального баланса в обществе, особенно в условиях крестьянских волнений и последующих реформ. С начала XX века в Орловской епархии, как и в других регионах России, нарастали социальные и политические напряжения. Реформы 1861 года и последующие изменения в социально-экономической структуре общества вызвали конфликт между старыми традициями и новыми реалиями. Церковная жизнь приобретала новые черты: шло оживление дискуссий о месте Церкви в обществе, её роли в образовании и культуре. Эти изменения требовали от церковного руководства гибкости и возможности адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Исследование Орловской епархии также позволяет обратить внимание на уникальные аспекты местной культурной идентичности. Регион в этот период характеризовался многообразием культурных традиций и этнических групп, что обогащало как религиозную практику, так и культурное самосознание. Взаимодействие православия с местными особенностями, фольклором и традициями создавало уникальную среду, где пересекались светские и духовные практики. Таким образом, Орловская епархия XIX – начала XX века представляет собой важный объект исследования, предоставляющий возможности для глубокого анализа изменений, произошедших в обществе, культуре и религии в этот период. Изучение её истории позволяет не только восстановить картину местной церковной жизни, но и понять, как эти процессы связаны с более широкими историческими явлениями в России.

Далее следует подробнее рассмотреть типологии «Епархиальных ведомостей». В целом, как уже упоминалось, «Епархиальные ведомости» – это периодические

издания, которые издаются в рамках Православной Церкви и освещают события, происходящие в епархии. Они могут включать в себя различные жанры и характеристики, которые делают их уникальными.

Характеристики епархиальных ведомостей:

- Информационность: «Ведомости» содержат информацию о событиях в жизни епархии, таких как богослужения, праздники, мероприятия, а также новости о приходах и монастырях.

- Образовательный аспект: в них могут публиковаться статьи на религиозные темы, которые направлены на духовное просвещение верующих.

- Историческая ценность: «Епархиальные ведомости» могут служить важным источником информации для историков и исследователей, так как они фиксируют события и изменения в церковной жизни.

- Доступность: обычно «Ведомости» распространяются среди прихожан, а также могут быть доступны в электронном формате на официальных сайтах епархий.

Также выходила и неофициальная часть «Епархиальных ведомостей». Её изначально разработал архиепископ Херсонский Иннокентий. Особенностью неофициальной части было то, что не было «такого синодального указа или закона, которым бы предусматривалась обязательность печатания известных сведений в епархиальных ведомостях и ненапечатание таковых трактовалось бы как проступок, предусматриваемый в кодексе уложения о наказаниях».

Жанры епархиальных ведомостей:

- Новостные репортажи: освещение текущих событий, связанных с жизнью епархии, включая праздники, освящения храмов и другие значимые мероприятия.

- Статьи и эссе: публикации на темы богословия, истории Церкви, нравственности и духовной жизни.

- Объявления и распоряжения: информация о предстоящих мероприятиях, изменениях в расписании богослужений и других важных аспектах церковной жизни.

В целом приложения к «Епархиальным ведомостям» в основном представляют собой журналы, газеты, различные листки, а также объявления. Доктор филологических наук К. Е. Нетужилов выделяет несколько типов изданий: научные, миссионерские, информационные, апологетические, художественные. Официальный характер носили издания епархиальных управлений, Священного Синода; полуофициальный характер имели газеты и журналы различных церковных обществ, братств. Все они играют важную роль в коммуникации между Церковью и её прихожанами и в распространении информации о жизни епархии. Каждый из этих форматов имеет свои особенности и функции, которые способствуют духовному развитию и информированию верующих. Журналы представляют собой более глубокие и содержательные издания, которые могут включать в себя статьи, исследования и эссе на богословские, исторические и нравственные темы. Они часто содержат материалы, написанные священнослужителями и богословами, что позволяет читателям углубить свои знания о вере и церковной жизни. Журналы могут включать еще и рубрики, посвященные духовным практикам, вопросам морали и этики, а также обзоры книг и других ресурсов, полезных для верующих. Газеты, в свою очередь, обеспечивают оперативное освещение текущих событий и новостей епархии. Они могут содержать репортажи о прошедших мероприятиях, освящении храмов, праздниках и других значимых событиях. Газеты часто имеют более до-

ступный и лаконичный стиль изложения, что позволяет быстро донести информацию до широкой аудитории. Кроме того, они могут включать разделы с отзывами прихожан о мероприятиях и интервью с духовенством, что способствует созданию более тесной связи между Церковью и общиной. Листки же представляют собой краткие информационные материалы, которые обычно используются для анонсирования предстоящих мероприятий, богослужений и других важных событий. Они могут быть распространены в храмах, на приходских собраниях или в общественных местах, что делает их доступными для всех желающих. Листки часто содержат информацию о расписании служб, специальных акциях и мероприятиях, что помогает прихожанам быть в курсе церковной жизни. Объявления служат для передачи важной информации, такой как изменения в расписании богослужений, предстоящие праздники. Они могут размещаться на стендах в храмах, в «Епархиальных ведомостях» или в современное время на официальных сайтах епархий. Объявления помогают поддерживать организованность и информированность прихожан, что особенно важно в условиях активной церковной жизни. Таким образом, журналы, газеты, листки и объявления являются важными приложениями церковных периодических изданий, способствуя не только информированию верующих, но и укреплению их духовной связи с Церковью. Эти форматы помогают создать активное и вовлечённое сообщество, где каждый может найти для себя полезную информацию и поддержку в своей духовной жизни.

Тематика и содержание же «Епархиальных ведомостей» может значительно различаться в зависимости от конкретной епархии и её особенностей. В одних «Ведомостях» акцент может делаться на богословских и духовных статьях, освещающих актуальные вопросы веры и практики, в то время как другие могут сосредоточиться на социальных инициативах, благотворительных проектах и взаимодействии с местным сообществом. «Епархиальные ведомости» отражали как текущую жизнь Церкви, так и официальную жизнь государственного организма, поскольку официальная часть изданий информировала читателей об указах, циркулярах и распоряжениях правительства. Некоторые церковные издания могут включать разделы, посвящённые истории епархии, её святыням и значимым событиям, в то время как другие могут предлагать материалы о жизни прихожан, их опыте и свидетельствах. Тематика может также варьироваться в зависимости от времени года. Например, в преддверии праздников могут публиковаться статьи о духовной подготовке и традициях, связанных с этими событиями. Таким образом, разнообразие содержания и тематики «Епархиальных ведомостей» отражает уникальные потребности и интересы общины, а также стремление епархии поддерживать связь с верующими и активно участвовать в их духовной жизни.

Далее рассмотрим чуть подробнее специфику художественного оформления и вёрстки церковных периодических изданий. Они играют важную роль в восприятии информации и создании атмосферы, соответствующей духовной тематике. Обычно такие издания используют традиционные элементы дизайна, такие как иконография, орнаменты и символика, что помогает подчеркнуть их связь с церковной культурой и историей. Цветовая палитра часто включает мягкие, пастельные тона, которые создают спокойное и умиротворяющее впечатление, способствующее духовному размышлению. Вёрстка церковных изданий, как правило, от-

личается чёткой структурой и логичным расположением материалов, что облегчает навигацию и восприятие текста. Использование крупных заголовков, подзаголовков и выделений помогает акцентировать внимание на ключевых моментах и делает чтение более удобным. Кроме того, иллюстрации, фотографии и графические элементы, такие как рамки и фоны, часто используются для визуального обогащения контента и создания гармоничного единства с текстом. Исходя из вышесказанного, художественное оформление и вёрстка церковных периодических изданий не только привлекают внимание, но и способствуют более глубокому пониманию и восприятию предстоящей информации.

Если же говорить об элементах дизайна и визуальных аспектах «Епархиальных ведомостей», то стоит отметить, что они часто используют традиционные иконографические элементы, подчёркивающие духовную значимость материалов. Шрифты выбираются с акцентом на читабельности и эстетичности, часто применяются классические стили, создающие атмосферу уважения. Цветовая палитра всегда включает тёплые оттенки, что способствует умиротворению. Иллюстрации святых и храмов визуально обогащают текст, а декоративные рамки и орнаменты создают гармоничное единство с содержанием, помогая читателям лучше понять представленные темы. При рассмотрении иллюстраций и графики церковной периодики можно сказать, что они играют важную роль в визуальном восприятии материалов и помогают передать духовные и культурные ценности. Они не только обогащают текст, делая его более привлекательным, но и служат средством для передачи ключевых идей, таких как святость, традиции и общинные ценности, что способствует более глубокому пониманию и вовлечению читателей.

Следующее, на чём стоит подробнее остановиться, – это тематика и содержание «Епархиальных ведомостей». Издание отражает религиозные и культурные аспекты жизни общины, служа связующим звеном между Церковью и верующими, не только информирует о духовных событиях и традициях, но и подчёркивает важность культурного наследия, способствуя укреплению общинных связей и сохранению духовных ценностей. В целом можно сказать, что «Епархиальные ведомости» в каждой губернии и епархии задавали тон взаимоотношениям Православной Церкви и окружающего светского общества. Помимо этого, в церковной периодике очень часто освещаются и религиозные события, богослужения и праздники, причём с особым вниманием, подчёркиванием их духовного значения и важности для общины. Статьи часто содержат описания литургий, традиций и обрядов, интервью с духовенством и прихожанами, что помогает читателям глубже понять смысл и атмосферу этих событий. Кроме того, такие издания могут включать и иллюстрации, которые визуально передают торжественность и красоту церковных праздников, способствуя вовлечению верующих и укреплению их духовной жизни.

Также в «Епархиальных ведомостях» имеют место дискуссии о сложившихся традициях и нравственности. Они занимают важное место, так как отражают актуальные вопросы, с которыми сталкивается современное общество. Эти публикации часто становятся платформой для обсуждения моральных и этических аспектов, связанных с религиозными учениями и традициями. В статьях могут рассматриваться различные темы, такие как семья, воспитание детей, отношения между людьми и роль Церкви в формировании нравственных ориентиров. Духовенство и эксперты в области теологии делятся своими взглядами на то, как традиционные

ценности могут быть применены в условиях современных вызовов, таких как секуляризация и изменение общественных норм. Кроме того, «Епархиальные ведомости» могут публиковать мнения прихожан, что способствует созданию диалога между различными поколениями и социальными группами. Такие дискуссии помогают укрепить общинные связи и способствуют более глубокому пониманию нравственных принципов, основанных на христианской вере.

Многогранность церковной периодики включает в себя и социально-экономические вопросы, которые рассматриваются с акцентом на их влиянии на жизнь общины и духовное развитие верующих. Публикации могут затрагивать темы бедности, социальной справедливости, трудовых отношений и благотворительности, подчёркивая важность помощи нуждающимся и поддержки социально уязвимых групп. Помимо этого, обсуждаются вопросы экономической ответственности и роли Церкви в содействии экономическому развитию на местном уровне. Через такие материалы церковные издания стремятся вдохновить прихожан на активное участие в решении социальных проблем и укреплении взаимопомощи в обществе.

Примером публикации, отражающей местные проблемы населения, а также направленной на осуществление благотворительности и социальной помощи, может послужить приводимый в «Орловских епархиальных ведомостях» за Г. 10 1874 года список «Лицъ, пожертвовавшихъ по воззванію Преосвященнаго Макарія, Епископа Орловскаго и Сѣвскаго, на помощь голодающимъ въ Самарской губерніи, с 24 Декабря 1873 года по 4 Января 1874 года». Данный список свидетельствует о безвозмездной благотворительной социальной помощи голодающим и имеет продолжение и в других номерах «Ведомостей».

Рассмотрение более приземлённых тем, таких как жизнь обычных прихожан, часто отражается через призму традиционных ценностей и духовных практик. Публикации могут описывать повседневные заботы крестьян, такие как сельское хозяйство, семейные отношения и общинные обычаи, подчёркивая важность труда и взаимопомощи. Ещё в статьях рассматриваются вопросы веры и духовности, которые играют ключевую роль в жизни простого народа, включая участие в церковных обрядах и праздниках. Эти издания служат платформой для выражения мнений и переживаний местного населения, способствуя укреплению общинных связей и поддержанию культурных традиций. Таким образом, епархиальные издания становятся важным источником информации о жизни и ценностях крестьян, а также о том, как вера влияет на их повседневное существование.

Последнее, что мы рассмотрим, – влияние «Епархиальных ведомостей» на общественное мнение. Для этого в первую очередь стоит понять роль церковной периодики в формировании образовательной повестки. Она играет значительную роль в этом, способствуя распространению знаний о духовных и этических ценностях, а также культурных традициях. Она предоставляет материалы, касающиеся как религиозного, так и общекультурного образования, включая статьи о нравственности, семейных отношениях и социальной ответственности. Через такие публикации Церковь вдохновляет верующих на изучение Священного Писания и православного учения, а также подчеркивает важность образования для духовного роста и формирования личности. Кроме того, церковные издания могут развивать дис-

куссии о современных вызовах в области образования, включая вопросы нравственного воспитания и формирования гражданской позиции у молодёжи. Это способствует созданию более глубокой и многогранной образовательной среды в обществе. Во-вторых, «Епархиальные ведомости» играют большую просветительскую роль, предоставляя читателям обучающие программы в своих материалах. Церковные издания публикуют материалы, посвящённые изучению основ православной веры, что способствует глубокому пониманию религиозных основ. Отчёты о проведении образовательных мероприятий помогают не только задействовать активное участие прихожан, но и формируют общественное мнение о важности духовного просвещения. Также «Епархиальные ведомости» часто включают в себя интервью с духовными лицами, что позволяет делиться опытом и вдохновлять других на участие в обучении и просвещении. Эти инициативы способствуют укреплению веры и формированию активной церковной жизни в общинах. В-третьих, помимо этого, церковная периодика вносит значительный вклад в развитие местной культуры и языка, публикуя материалы, которые обогащают культурное наследие и поддерживают языковую идентичность. Начиная со второй половины XIX века в церковных периодических изданиях также публиковались, наряду с богословскими статьями, обзоры разных событий православного и инославного мира, проповеди, а также список литературы и критика свежих журнальных и книжных публикаций, жизнеописания благочестивых подвижников, очерки о церковных деятелях, стихотворения духовного смысла и рассказы-описания церковного быта. Через статьи, рецензии и литературные произведения, написанные на родном языке, церковные издания способствуют сохранению и распространению духовных и культурных традиций, а также формируют общественное сознание и нравственные ориентиры в регионе. Епархиальная периодика активно реагирует на общественные изменения, освещая актуальные социальные вопросы и предлагая христианский взгляд на них. В газетах активно обсуждаются важные темы, такие как семья, образование, экология и социальная справедливость, что позволяет прихожанам осмысливать происходящие изменения в свете православных ценностей и принципов. Помимо нравоучительных и просветительских, в «Ведомостях» могли присутствовать постоянные рубрики церковно-исторического, краеведческого или этнографического характера, что существенно повышало общее просветительское значение изданий. В кризисных же ситуациях, а также во время различных волнений редакции «Епархиальных ведомостей» стремятся предоставить поддержку и утешение своим читателям, освещая события с церковной точки зрения. Они публикуют материалы, которые призывают к миру, солидарности и взаимопомощи, а также предлагают духовные рекомендации для преодоления трудностей. В таких публикациях часто подчёркивается важность единства общины, молитвы и активного участия в помощи нуждающимся, что способствует укреплению социальной сплочённости и моральной устойчивости в обществе.

Церковная периодика оказывает значительное влияние на общественные движения и реформы, формируя общественное мнение и предлагая моральные ориентиры. Публикации в епархиальных изданиях часто подчёркивают важность социальных изменений, таких как защита прав человека, поддержка семейных ценностей и забота о бедных. Они могут вдохновлять прихожан на активное участие в социальных инициативах и волонтёрских проектах, способствовать диалогу между

Церковью и обществом. В результате церковная периодика становится важным инструментом для продвижения реформ, основанных на христианских принципах любви, справедливости и солидарности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сказать, что «Епархиальные ведомости» играют ключевую роль в понимании исторического контекста XIX – начала XX века, так как они отражают не только церковные, но и социальные, культурные и политические изменения того времени. Эти издания служат важным источником информации о взаимодействии Русской Православной Церкви с обществом, а также о том, как Церковь реагировала на вызовы современности, что позволяет глубже понять динамику общественных движений и реформ в России. Перспективы дальнейших исследований в области церковной периодики могут включать углубленный анализ их влияния на формирование общественного мнения и социальные движения и, кроме того, изучение региональных особенностей в содержании и структуре этих изданий. Помимо этого, исследование взаимодействия «Епархиальных ведомостей» с другими формами периодической печати того времени может раскрыть новые аспекты церковной и культурной жизни, а также помочь в понимании процессов модернизации и секуляризации в российском обществе. Для будущих исследований в данной области рекомендуется провести сравнительный анализ региональных особенностей, рассмотреть их в контексте социальных и культурных изменений, используя цифровые технологии для анализа данных. Также важно сотрудничать с представителями смежных дисциплин для более глубокого понимания их влияния на общество. Изучение же «Епархиальных ведомостей» на примере других епархий и регионов открывает возможности для выявления уникальных местных традиций и практик, анализа влияния различных исторических культурных контекстов на церковную жизнь. Сравнительный подход позволяет не только обогатить понимание местных особенностей, но и выявить общие тенденции, которые могут быть актуальны для более широкого исследования религиозных и социальных процессов.

Список литературы:

1. Берхин, А. Г. Епархиальная периодическая печать как инструмент социально-экономической, религиозной и философско-этической проработки вопросов противодействия экстремизму в российской провинции: влияние на общественное мнение и культурные традиции / А. Г. Берхин // Актуальные проблемы государственно-правового строительства: Сборник научных статей, Орёл, 30 сентября 2024 года. – Орёл, 2024. – С. 20–25. – EDN DYHNFZ.
2. Берхин, А. Г. Проблемы исторического моделирования при исследовании периодической печати России второй половины XIX – начала XX века / А. Г. Берхин // Логика и методология научных исследований: Сборник научных статей и докладов V международной научно-практической конференции, Орёл, 05 марта 2024 года. – Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. – С. 14–16. – EDN KTDWHZ.

3. Ветелина, Л. Г. Епархиальная печать в системе современных медиа (на материале журнальной периодики «Епархиальные ведомости») / Л. Г. Ветелина // Современное медиапространство и информационная деятельность МЧС России: Сборник трудов XXXI Международной научно-практической конференции (секция № 23), Химки, 17 марта 2021 года. – Химки: Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 33–37. – EDN WGESOQ.
4. Ефимова, Л. В. Влияние средств массовой информации на институт церкви / Л. В. Ефимова, С. А. Кокотов // Сервис plus. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 87–92. – <https://doi.org/10.12737/19462>. – EDN VXEKAB.
5. Карегина, И. В. Особенности становления и развития православной печати Амурской области на примере «Благовещенских епархиальных ведомостей» / И. В. Карегина // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 52. – С. 18–23. – EDN OJVMQU.
6. Лепилкина, О. И. Становление и типологические характеристики епархиальных ведомостей в XIX – начале XX в. / О. И. Лепилкина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2009. – Т. 15, № 2. – С. 103–107. – EDN TSJMCJ.
7. Марченко, А. Н. Церковно-историческая тематика на страницах епархиальной печати на примере газеты «Пермские епархиальные ведомости» / А. Н. Марченко // Христианское чтение. – 2021. – № 1. – С. 70–80. – EDN XSDNJW. – https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_1_70.
8. Матвеева, Е. С. Деятельность комиссии духовных училищ по вопросам организации и поддержки системы духовного образования в XIX веке (на материалах Орловской губернии) / Е. С. Матвеева, В. А. Ливцов, В. И. Филонов // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 126–137. – <https://doi.org/10.13187/bg.2021.1.126>. – EDN JYGLPN.
9. Орловские епархиальные ведомости. Православный журн. Г. 1–54. Г. 10 1874, № 1–24 Указатель за 1873 г. – 1874, С. – 79–82.
10. Пономарева, Т. В. «Епархиальные ведомости» как источник трансформации общественного сознания в последней трети XIX – начале XX в. / Т. В. Пономарева // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 84–93. – EDN VNHJAL. – <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2024-11-1-84-93>.
11. Семенчук, К. А. Миссионерский исторический нарратив и обстоятельства его формирования (на материалах дальневосточной епархиальной печати рубежа XIX–XX вв.) / К. А. Семенчук // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 72. – С. 71–77. – EDN SLRRHI. – <https://doi.org/10.17223/19988613/72/10>.
12. Ткаченко, Л. А. Православная журналистика в историографических работах отечественных ученых / Л. А. Ткаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 15 (370). – С. 88–94. – EDN UKPLDZ.
13. Ульянова, Г. Н. Российская благотворительность в освещении историографии XIX – начала XX века / Г. Н. Ульянова // Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 160–166. – EDN HSXBHХ.

Сведения об авторе:

БЕРХИН Андрей Григорьевич, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, e-mail: D13073@yandex.ru, SPIN-код: 4530-6797, AuthorID: 1243641; <https://orcid.org/0009-0001-7504-2403>

References:

1. Berkhin, A. G. (2024) Diocesan periodical press as an instrument of socio-economic, religious and philosophical-ethical development of issues of counteracting extremism in the Russian provinces: influence on public opinion and cultural traditions. *Actual problems of state-legal construction*: Collection of scientific articles, Orel, September 30, 2024. Orel, p. 20-25. (In Russ.) - EDN DYHNFZ.
2. Berkhin, A. G. (2024) Problems of historical modeling in the study of the periodical press of Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries. *Logic and methodology of scientific research*: Collection of scientific articles and reports of the V international scientific and practical conference, Orel, March 5, Orel: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, p. 14-16. (In Russ.) EDN KTDWHZ.
3. Vetelina, L. G. (2021) Diocesan press in the system of modern media (based on the journal periodical "Eparchial News"). *Modern media space and information activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia*: Collection of works of the XXXI International scientific and practical conference (section No. 23), Khimki, March 17, 2021. - Khimki: Civil Defense Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, P. 33-37. (In Russ.) EDN WGESOQ.
4. Efimova, L. V. and Efimova, L. V. (2016) *The influence of the media on the institution of the church*. Service plus. Vol. 10, no. 2. P. 87-92. (In Russ.) EDN VXEKAB. – <https://doi.org/10.12737/19462>.
5. Karegina, I. V. (2011) Features of the formation and development of the Orthodox press in the Amur region on the example of the "Blagoveshchensk diocesan news". *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*. no. 52. P. 18-23. (In Russ.) - EDN OJVMQU.
6. Lepilkina, O. I. (2009) Formation and typological characteristics of diocesan news in the 19th - early 20th centuries. *Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*. Vol. 15, No. 2. - P. 103-107. (In Russ.) - EDN TSJMCJ.
7. Marchenko, A. N. (2021) Church-historical themes on the pages of the diocesan press using the example of the newspaper "Perm Diocesan Gazette". *Christian reading*. no. 1. P. 70-80. (In Russ.) – EDN XSDNJW. – https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_1_70.
8. Matveeva, E. S. Litsov, V. A., and Filonov, V. I. (2021) Activities of the commission of theological schools on the organization and support of the system of theological education in the 19th century (based on the materials of the Orel province). *Bylye Gody*. no. 16 (1). P. 126-137. (In Russ.) – EDN JYGLPN.– <https://doi.org/10.13187/bg.2021.1.126>.
9. Orel diocesan news. Orthodox journal. G. 1–54. G. 10 1874, No. 1–24 Index for 1873 – 1874, pp. – 79–82. (In Russ.)
10. Ponomareva, T. V. (2024) "Eparchial News" as a source of transformation of public consciousness in the last third of the 19th – early 20th centuries. *Tractus Aevorum: evolu-*

tion of socio-cultural and political spaces. Vol. 11, no. 1. P. 84–93. (In Russ.) - EDN VNHJAL. - <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2024-11-1-84-93>.

11. Semenchuk, K. A. (2021) Missionary historical narrative and the circumstances of its formation (based on the materials of the Far Eastern diocesan press at the turn of the 19th and 20th centuries). *Bulletin of Tomsk State University. History*. no. 72. P. 71–77. (In Russ.) EDN SLRRHI. <https://doi.org/10.17223/19988613/72/10>.

12. Tkachenko, L. A. (2015) Orthodox Journalism in Historiographic Works of Russian Scientists. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. no. 15 (370). P. 88–94. (In Russ.) – EDN UKPLDZ.

13. Ulyanova, G. N. (2006) Russian Charity in the Historiography of the 19th – Early 20th Centuries. *Questions of History*. no. 1. p. 160–166. (In Russ.) – EDN HSXBHX.

Authors:

BERKHIN Andrey G., Graduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA, e-mail: D13073@yandex.ru, SPIN-код: 4530-6797, AuthorID: 1243641; <https://orcid.org/0009-0001-7504-2403>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОРЛОВСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XX В. НА ОСНОВЕ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Е. В. Повереннова

Орловский краеведческий музей

адрес: 302001, Россия, г. Орёл, ул. Гостиная, д. 2

Поступила
в редакцию
12.11.2024

Поступила
после
рецензирования
18.01.2025

Принята
к публикации
17.03.2025

Аннотация. Цель статьи – исследовать процесс восстановления Успенского монастыря в городе Орле в период возрождения обители в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Посредством историко-генетического и хронологического методов обозначены главные этапы процесса восстановления монастыря. Автор рассматривает историю возрождения монастыря с 1987 по 1997 г. в сопоставлении с более ранними этапами жизни обители и Архиерейского дома: в дореволюционный период – от основания монастыря до начала прошлого века; в советский период – описание разграбления и уничтожения комплекса Архиерейского дома с 1917 года до середины 1980-х гг. На основе архивных документов и источника личного происхождения в исследовании прослежена взаимосвязь между политическими, идеологическими и законодательными переменами в стране и возобновлением деятельности Успенского монастыря в конце прошлого века. В работе проведён анализ и комментирование впервые вводимого в научный оборот исторического источника по истории возрождения монастыря – «Дневника работ на Успенском монастыре города Орла» (далее – «Дневник»). При помощи источниковедческого анализа, включающего в себя внешнюю и внутреннюю критику текста, в статье исследуется «Дневник работ на Успенском монастыре г. Орла». Установлена достоверность содержащихся в данном документе сведений, определена новизна фактов и описаний «Дневника». Составлены комментарии к персоналиям и событиям, которые упоминаются в тексте. Факты, приведённые в исследуемом источнике, сопоставляются с историческими документами из Государственного архива Орловской области и из фондов Орловского краеведческого музея. В статье выявлено значение Успенского монастыря в истории города Орла. Показано, что роль обители не ограничивалась только религиозной функцией. Это было важно для обоснования необходимости его возрождения в конце XX века.

Ключевые слова: Орловский Успенский мужской монастырь, Архиерейский дом, православие, монастыри, перестройка

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Повереннова Е. В. Восстановление Орловского Успенского монастыря в конце XX века на основе нового исторического источника // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 1. – С. 151–179. EDN ZANYMJ. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-151-179>.

© Повереннова Е. В., 2025

Original article

IDEOLOGICAL AND POLITICAL EDUCATION IN PIONEER CAMPS IN
THE USSR IN THE 70-80S OF THE TWENTIETH CENTURY

E. V. Poverennova^{ID}

Orel Museum of Local History

Address: 2, Gostinaya St., 302001, Orel, Russia

Received
12.11.2024

Revised
18.01.2025

Accepted
17.03.2025

Abstract. The purpose of the article is to research the process of the restoration of the Assumption Monastery in the city of Orel during the period of the monastery's revival in the late 1980s – early 1990s.

The main stages of the monastery's restoration process are outlined using historical, genetic and chronological methods. The author considers the history of the monastery's revival from 1987 to 1997, in comparison with earlier stages in the life of the monastery and the Bishop's House: in the pre-revolutionary period, from the foundation of the monastery to the beginning of the last century; in the Soviet period, a description of the looting and destruction of the Bishop's House complex from 1917 to the middle of 1980s.

Based on archival documents and a personal source, the study traces the relationship between political, ideological, and legislative changes in the country and the reopening of the Assumption Monastery at the end of the last century. The study analyzes and comments on the historical source on the history of the monastery's revival, which is being introduced into scientific circulation for the first time, the "Diary of Works at the Assumption Monastery in the city of Orel." Due to the source analysis, which includes external and internal criticism of the text, the article examines the "Diary of works at the Assumption Monastery in Orel." The reliability of the information contained in this document has been established, the novelty of the facts and descriptions of the "Diary" has been determined. Comments have been compiled on the personalities and events mentioned in the text. The facts given in the source under study are compared with historical documents from the State Archive of the Orel region and from the collections of the Orel Museum of Local Lore. The article reveals the importance of the Assumption Monastery in the history of the city of Orel. It is shown that the role of the monastery was not limited only to its religious function. This was important to justify the need for its revival at the end of the 20th century.

Keywords: OrlovskyUspensky Monastery, Bishop's House, Orthodoxy, Monasteries, «Perestroika»

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Poverennova, E. V. (2025) Restoration of the Assumption Monastery in the city of Orel at the end of the 20th century in the context of the publication of a new historical source. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 1. P.151–179. EDNZANYMJ. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2025-14-1-151-179>.

ВВЕДЕНИЕ

Орловский Успенский мужской монастырь на протяжении столетий являлся не только духовным центром города Орла – местом, где несли монашеский подвиг избравшие этот путь христиане, но и источником просвещения края, осуществлявшим образовательную, церковно-административную, культурную миссии. Также на его территории длительное время находился некрополь, где обрели последнее упокоение орловские архипастыри и видные жители Орловского края.

В XX столетии Успенский монастырь, как и тысячи монастырей по всей России, претерпел поругание и разрушение практически всех, за малым исключением, сооружений.

Однако два последних десятилетия драматичного XX века принесли перемены, заключавшиеся, в частности, в падении господства коммунистическо-атеистической идеологии в нашей стране. «Второе крещение Руси» – так называют то время свидетели эпохи. В этот период силами верующих и неравнодушных к национальной культуре людей монастырь начал восстанавливаться. Сейчас, по прошествии более чем четверти века с момента официального открытия Успенского мужского монастыря, представляется необходимым исследовать этот процесс, с тем чтобы пополнить исторические данные о том времени.

Кроме того, тема возрождения монашеской жизни в Орловском крае в научной и публицистической литературе освещена ещё недостаточно. Очевидно, региональная история православия, особенно последних трёх десятилетий, нуждается в исследованиях.

Введение в научный оборот нового источника – «Дневника работ на Успенском монастыре г. Орла» – дополнит комплекс материалов по истории как самого монастыря, так и православия в Орловском крае.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Успенский монастырь, вероятно, стал первой монашеской обителью в городе Орле. Существует предположение, что он был основан в последней четверти XVI в. на Ввозной (или Взвозной) горе, расположенной в версте от орловской крепости, за рекой Окой. Как он тогда назывался, мы в точности не знаем. На этот счет высказываются различные гипотезы. Просуществовав около полувека, обитель, вероятно, была разрушена вместе с городом во время так называемого Литовского разорения, в период Смутного времени. К сожалению, каких-либо сведений о начальных десятилетиях истории монастыря в XVI в. не сохранилось.

В 1640-е гг. на месте слияния рек Оки и Орлика священник Борис Козьмин строит деревянную церковь во имя Богоявления с приделами св. Николая Чудотворца и свв. Космы и Дамиана. Через некоторое время отец Борис принимает монашеский постриг с именем Боголеп. Вероятно, к тому моменту он был не единственным, кто пожелал монашеской жизни, поэтому монастырь возобновляется, но на новом месте как Богоявленский. Боголеп становится его первым настоятелем (ГАОО. Ф. Р. 4074. Оп. 1. Д. 47. Острова Е.И. Архитектурный комплекс XVII–XIX вв. Успенский монастырь (Архиерейский дом) в г. Орле. Л. 4–7).

Но в 1673 году вновь случилась беда: город Орёл сильно погорел, а вместе со многими постройками сгорел и Богоявленский монастырь. Возможно, ещё до этого трагического события возникла идея возвращения монастыря на его первоначальное место – на Ввозную гору, пожар же остро поставил этот вопрос.

Как бы то ни было, писцовые книги Орла и Орловского уезда за 1678 г. уже фиксируют существование на Ввозной горе Успенской пустыни с деревянной Успенской церковью [Ливцов, Лепилин, 2019, С. 323].

Это было более удобное по сравнению со «стрелкой» место для обители – в удалении от шумного центра города, с меньшим риском пожаров и наводнений.

Один из источников фиксирует предание о том, что схимники Богоявленского монастыря уходили на отдалённый Каменный верх ради уединения, где жили в кельях, размещавшихся в выкопанных самими монахами пещерах [Орловские архипастыри..., 1901, С. 4].

Новый этап в развитии монастыря связан с именем архимандрита Евфимия, управлявшего обителью около полувека – с 1670-х по 1720-е гг. На это время приходится завершение переноса монастыря на Ввозную гору и расцвет каменного строительства на его территории. Так, в 1688 г. в камне возводится Успенская церковь с колокольной, в 1693 г. – надвратный храм в честь апостолов Петра и Павла, в 1700 г. – церковь Рождества Иоанна Предтечи. На рубеже XVII–XVIII вв. строятся каменные корпуса для настоятеля и братии, хозяйственные здания, ограда с воротами и башенками [Неделин, Ромашев, 2009, С. 19–20].

Но не только архитектурой и внешним декором славился орловский Успенский монастырь. Это был духовный центр города Орла, средоточие молитвенной жизни его жителей. В плане выполнения общественных функций монастырь был своего рода образовательным центром до появления в городе семинарии. Вопрос о подготовке грамотных людей для служения в священном сане назревал давно, и в 1726 г. при Успенском монастыре учреждается духовная школа – первое в Орле учебное заведение [Ливцов, 1998, С. 156].

В 1779 г. для орловских юношей открывает свои двери духовное училище, которое возглавлял настоятель Успенского монастыря.

Образовательная миссия монастыря будет продолжена и после появления в Орле светских учебных заведений: при монастыре существовало 1-е Орловское духовное училище [Ливцов, 1998, С. 156–162].

С XVIII в. Успенский монастырь исполнял и функцию общественного призрения – на довольствии монашеской общины находились отставные военные. С этого же столетия в монастыре располагалось духовное правление – орган местного церковного управления.

В 1819 г. Святейший Синод принимает решение об упразднении Успенского мужского монастыря и о размещении на его территории Архиерейского дома Орловской и Севской епархии.

Почти вся братия бывшего Успенского монастыря переводится в Петропавловский монастырь города Мценска.

С периодом создания Архиерейского дома в бывшем монастыре связано новое строительство, в частности, покоев архиерея и величественного Троицкого собора (1879 г.).

В 1900 году при Архиерейском доме учреждается Орловский церковный историко-археологический комитет с музеем [Ливцов, Лепилин, 2019, С. 325].

Отдельного внимания заслуживает некрополь Успенского монастыря и Архиерейского дома, который формировался на территории обители с момента её возникновения. Это кладбище стало местом упокоения настоятелей и благотворите-

лей монастыря, некоторых известных людей, а в период существования Архиерейского дома – пяти орловских архипастырей: Никодима (Быстрицкого), Поликарпа (Радкевича), Ювеналия (Карюкова), Ириней (Орды), викарного Елецкого епископа Митрофана (Землянского).

По инициативе и на средства орловского губернатора Аркадия Васильевича Кочубея над могилами его родственников была построена однефная церковь во имя Святой Троицы (1845 г.) – единственный полностью сохранившийся до наших дней храм из ансамбля архиерейской резиденции.

После революции 1917 г. Архиерейский дом подвергся разорению, храмы были закрыты. Уничтожается богатый архив Духовной консистории, изымаются церковные ценности. В 1928 г. строения Архиерейского дома передаются фабрике-коммуне № 3 Наркомтруда СССР, которая занималась перевоспитанием беспризорников и несовершеннолетних преступников. Культовая архитектура постепенно разрушается: с храмов сбивают главки, разбирают колокольню и купол Успенского храма (несмотря на государственное признание его историко-культурной ценности), в 1930 г. взрывается Троицкий собор. Вскрываются и оскверняются могилы. По воспоминаниям современников, надгробные плиты использовали для ремонта плотины у Банного моста [Прокопий монах, 2001, С. 64–65].

В 1932 г. в помещениях бывшего Архиерейского дома разместились: общежитие, спортивный зал и лыжная база Орловского пединститута.

С началом Великой Отечественной войны здесь открыли госпиталь для военнослужащих Красной армии.

Во время оккупации немцы развернули на этой территории свое больничное заведение.

После освобождения города Орла в бывшем монастыре последовательно располагались: лагерь для военнопленных, исправительно-трудовая колония № 4, а с 1950-х гг. воспитательно-трудовая колония (ГАОО. Ф. Р. 3899. Оп. 1. Д. 15. Ерёмин В.П., Неделин В.М. Успенская церковь Успенского мужского монастыря, XVII–XX вв. Л. 20).

В 1976–1978 гг. отдельные помещения бывшей обители занимал питомник служебно-разыскных собак отдела уголовного розыска областного УВД.

В конце 1970-х гг. на территории бывшего монастыря размещают лечебно-трудовой профилакторий. К этому времени исторические здания не раз перестраиваются и, как следствие, меняют свой облик, частично разрушаются. Последний за годы советской власти мощный удар по строениям бывшего монастырского комплекса был нанесён в 1980 г. В связи с подготовкой к Московской олимпиаде и шествию с олимпийским огнём через город Орёл было решено снести Успенскую церковь XVII в. с придельным Предтеченским храмом, часть стен и въездные ворота [Кондратенко, 2020, С. 99]. И это несмотря на то, что маршрут прохождения олимпийской эстафеты не пролегал непосредственно рядом с указанными постройками [Орёл..., 1980].

В 1980-е гг. место бывшего монастыря занимают службы областного УВД – Госавтоинспекция и отдел по исправительным делам, а также Управление бытового обслуживания Орловского района и Орловское отделение общества «Спартак» (ГАОО. Ф. Р. 3899. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–3; Д. 20. Л. 75).

Вторая половина 1980-х гг. ознаменовалась началом процесса демократизации общественной жизни и переходом к политике гласности (1987 г.). В результате

стало возможным открытое обсуждение широкого спектра проблем, в том числе состояния исторических памятников.

В январе 1987 г. выходит решение Орловского облисполкома № 33 «О мерах по улучшению охраны, использования и содержания памятников истории и культуры» с критикой в адрес отдельных исполкомов районных и городских Советов по осуществлению ими деятельности по охране памятников. Там же давалось предписание управлению культуры издать в 1988 г. «Свод памятников истории и культуры Орловской области» [Богатырев, Ливцов, 2022, С. 159].

С подготовкой свода памятников связано начало нового этапа в судьбе Успенского монастыря. В 1987 г. город Орёл посетил искусствовед, редактор архитектурного раздела орловского тома «Свода памятников истории и культуры народов России» В. И. Плужников (1938–2020 гг.) [Каталог памятников..., 1985]. Его задачей было выявление новых памятников на территории Орловской области. Вместе с В. М. Неделиным, сотрудником областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), В. И. Плужников в числе прочего осмотрел сохранившиеся сооружения бывшего Успенского монастыря и признал их архитектурную ценность [Богатырев, Ливцов, 2022, С. 167].

Таким образом, 1987 г. можно считать отправной точкой возрождения орловского мужского монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы.

В начале апреля 1988 года выявленные памятники осмотрел В. А. Ливцов, заместитель председателя президиума совета облотделения ВООПИК [Богатырев, Ливцов, 2022, С. 180]. После этого он направил начальнику Отдела исправительно-трудовых учреждений (ОИТУ) УВД Орловского облисполкома Б. А. Якубовичу письмо, уведомляющее о том, что комплекс зданий и сооружений бывшего Успенского монастыря, где размещается ОИТУ УВД, «является памятником архитектуры XVIII–XIX вв. и в ближайшее время будет принят под государственную охрану» (ГАОО. Ф. Р. 3686. Оп. 1. Д. 352. Л. 62).

Как свидетельствуют архивные документы (ГАОО. Ф. Р. 3899), с этого времени В. А. Ливцов становится одним из главных инициаторов восстановления Успенского монастыря. Интерес к истории родного города он проявлял еще в школьные годы. Окончив в 1981 г. историко-английский факультет Орловского государственного педагогического института, он начал трудовую деятельность учителем истории в Сабуровской школе Орловского района области. Как активный общественник, В. А. Ливцов в 1987 г. был избран заместителем председателя президиума совета Орловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), а позже, в декабре 1990 г., возглавил его [Ерёмин, С. 238–239].

В стране продолжали происходить перемены. 1988 год стал переломным в отношениях государства и Русской Православной Церкви: в апреле состоялась встреча патриарха Пимена и постоянных членов Синода с генсеком ЦК КПСС М. С. Горбачевым, а в июне прошли масштабные мероприятия по празднованию 1000-летия Крещения Руси с присутствием иностранных гостей [Кострюков, 2018, С. 264–266].

1988 год оказался богатым на общественно-церковные события и для Орловско-Брянской епархии. 18 июня ей были возвращены мощи святителя Тихона Задонского, долгое время находившиеся в фондах Орловского краеведческого музея (ОКМ. Арх. д. 1088). С участием светских властей были торжественно отмечены

юбилей: 1000-летие Крещения Руси и 200-летие Орловской епархии [Орлова, 1988].

В 1988 году получила развитие необычная история с черепом генерала барона Ф. К. Корфа. Федор Карлович Корф (1773–1823 гг.), участник войны 1812 г., был похоронен вместе с семьей в склепе на кладбище Архиерейского дома. В 1969 году склеп был вскрыт в ходе работ по строительству общественной уборной на территории детской воспитательно-трудовой колонии. Краевед В. В. Шапочка сохранил у себя череп генерала, а в 1988 г. после физико-технической экспертизы, подтвердившей подлинность останков, передал его заместителю председателя президиума совета Орловского областного отделения ВООПИК Ливцову В. А. (ГАОО. Ф. Р. 3899. Д. 1а. Л. 13, 16–18). Позже эта история имела продолжение.

На страницах печати в конце 1980-х гг. появляются публикации о жизни и судьбе известных орловцев, захороненных на кладбище бывшего монастыря, обсуждается вопрос увековечения их памяти, громче раздаются голоса тех, кто выступает за охрану этого памятного места [Гольцова, 1990; Кондратенко, 1989; Шапочка, 1988].

Тем временем новые отношения между государством и религиозными структурами требовали изменения законодательной базы. 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принимает Закон «О свободе совести и религиозных организациях», следом за ним, 25 октября, выходит Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». Новое законодательство снимало ограничения на культовую деятельность религиозных организаций, допускало ведение ими социальной, хозяйственной и иной деятельности, упрощало процедуру регистрации разных видов религиозных объединений, признавало за религиозными объединениями право юридического лица и право собственности [Одинцов, 2010, С. 103–104].

Ослабление антирелигиозной политики государства, выход Церкви из «информационного гетто» способствовали пробуждению в обществе интереса к православию. Также было положено начало процессу возвращения верующим храмов, монастырей и церковных ценностей Русской Православной Церкви.

В Орле в 1988 году развернулась общественная кампания по возвращению Русской Православной Церкви памятника архитектуры – церкви Михаила Архангела (Успенской). В следующем году церковное здание удалось вернуть епархии [Бога-тырев, Ливцов, 2022, С. 190–191].

К последнему десятилетию XX в. от комплекса Архиерейского дома сохранились следующие сооружения: здание в северо-западной части территории монастыря, предположительно построенное между 1899 и 1918 гг., где размещался отдел по исправительным делам УВД; малая Троицкая (кочубеевская) поминальная церковь, которую начальник областного УВД генерал-майор С. В. Маслов передал в пользование своему зятю скульптору В. Ф. Михееву под мастерскую; апсиды и подвалы Троицкого собора; фрагмент монастырской стены. Сохраняло историческую и нравственную ценность поруганное кладбище бывшего монастыря.

В ноябре 1989 года администрация отдела по исправительным делам областного УВД обратилась в местное отделение ВООПИК с предложением «провести необходимые исследования и разработать проект реставрации и выполнить необходимые работы по сохранению находящихся в стадии разрушения церковных подвалов» (ГАОО. Ф. Р.-3899. Оп. 1. Д. 2. Л. 3) Троицкого собора. Обращение ОИД стало следствием предупреждения со стороны ВООПИК об ответственности организации за сохранность памятников: двухэтажного здания, постройки рубежа XIX–XX вв.

(тогда предполагали, что в этом строении размещалась консистория, однако впоследствии возникло более аргументированное предположение, что это был один из жилых корпусов Архиерейского дома); части монастырской ограды и цокольной части Троицкого собора.

ОИД согласился выделить средства на «необходимые историко-архивные изыскания и проектные работы», а также финансировать проведение реставрационных работ по восстановлению части Троицкого собора в его первоначальном виде «при условии приспособления внутренних объёмов для своих нужд» (ГАОО. Ф.Р.-3899. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). В ходе предпроектных работ искусствоведом Е. И. Островой была подготовлена историческая справка, из которой в дальнейшем черпались сведения, необходимые для восстановления монастыря.

Неожиданно весной 1990 года областное отделение Государственной автоинспекции начинает несанкционированные строительные работы в южной части бывшего монастыря, где прежде находились кладбище и разрушенная Успенская церковь с приделом во имя св. Иоанна Предтечи. Экскаваторами были повреждены фундаменты придела, самовольно вскрыты и разрушены несколько склепов с захоронениями (ГАОО. Ф. Р. 3899. Оп. 1. Д. 6. Л. 4). Это вызвало скандал, что значительно ускорило происходившие процессы.

25 апреля 1990 года представители общественности составили обращение на имя председателя Орловского городского совета народных депутатов А. Г. Кислякова с требованием остановить несанкционированные работы на территории бывшего монастыря (ГАОО. Ф. Р. 3899. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–4).

Вскоре после этого строительство было заморожено и на месте древней обители впервые археологическими методами начинают производиться охранные работы, которые осуществлялись хозрасчётным археологическим отрядом Орловского областного отделения ВООПИК. Решение об их проведении было принято на заседании президиума совета Орловского облотделения ВООПИК, состоявшемся 22 июня 1990 года, по итогам слушания вопроса «о предложениях по консервации, реставрации и реконструкции памятника архитектуры – сооружений бывшего Успенского мужского монастыря в г. Орле». Участники заседания постановили: «...поручить Хозрасчётному Археологическому отряду (ХАО) (т. Архипов М. А.) провести на данной территории работы по архитектурно-археологическому исследованию остатков строений XVII в., с последующей консервацией выявленных памятников» (ГАОО. Ф. Р.-3686. Оп. 1. Д. 392. Л. 1–4).

Эти работы проводились по договору со специализированным монтажно-эксплуатационным участком (СМЭУ) ГАИ УВД Орловского облисполкома (ОКМ. Арх. д. № 804. Л. 60–60 об.).

При этом следует отметить, что в тот период времени ни архитектурные объекты на данной территории, ни тем более археологические на государственной охране не стояли и для проведения работ открытого листа (официального разрешения на проведение археологических работ) не требовалось.

В результате проведённых исследований были обнаружены находки, которые в количестве 29 предметов вскоре передаются в фонды Орловского краеведческого музея (ОКМ. Арх. оп. 4. Д. 804. Л. 60).

Среди них примечательны три нательных крестика, серьга и бусы, найденные в захоронениях XVIII в. Вероятно, какие-то из могил могли принадлежать женщинам.

Были найдены и кованые изделия из металла: гвозди, строительные костыли, элементы ограды, а также фрагменты керамики, бусины, пушечное ядро XVI–XVII вв.

Удалось также обнаружить «фундамент из бутового камня и цокольную часть стены Успенского собора, а также фундамент и остатки стены придельной церкви Рождества Иоанна Предтечи» [Лепилин, 2018, С. 112].

В августе 1990 года производственной базой ВООПИК были начаты реставрационные работы на Троицком соборе. Как было сказано выше, заказчиком работ выступал отдел по исправительным делам областного УВД, а подрядчиком – производственная база ВООПИК (с ноября 1990 г. – Научно-производственное объединение Орловского обл.-отделения ВООПИК) (ГАОО. Ф. Р. 3899. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5).

В ходе сезона 1991 г. охранные археологические работы на территории бывшего монастыря продолжил Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Управления культуры и искусств администрации Орловской области. Археологом НПЦ являлся Л. Н. Красницкий (ГАОО. Ф. Р. 4024. Оп. 1. Д. 2. Л. 8).

Раскопки 1991 года на территории, где размещался Успенский собор бывшего монастыря, открыли «хозяйственное помещение», «часть фундамента из белого тесового камня и две параллельные стены», которые, как сказано в отчёте о проведённых работах, не были обозначены «в историческом плане комплекса» (ГАОО. Ф. Р. 4024. Оп. 1. Д. 2. Л. 8). Существует предположение, что две параллельные стены могли остаться от подземного хода [Лепилин, 2018, С. 113].

28 августа 1991 года на месте разрушенной церкви Успения Пресвятой Богородицы протоиереем Иоанном Кардашем была отслужена лития, а в раскопанном алтаре Успенского храма установлен крест [Воробьев, 1992].

20 сентября произошло еще одно знаменательное событие – митинг в поддержку сохранения и возрождения Успенского монастыря, организованный депутатами горсовета и членами облотделения ВООПИК. Участники митинга, среди которых были председатель президиума совета облотделения ВООПИК В. А. Ливцов, краевед В. А. Власов, председатель городского клуба «Бинар» А. С. Тарапанов, инспектор общества охраны памятников Ю. В. Семеняко, помощник народного депутата РФ В. И. Евдокимова Д. А. Краюхин, приняли резолюцию, содержащую решение обратиться в советские органы («вплоть до высших») с просьбами о содействии в вопросах охраны памятника архитектуры и истории – Успенского мужского монастыря, его благоустройства, установления ограждения вокруг кладбища, передачи культовых сооружений Церкви (ГАОО. Ф. Р. 3899. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–4). Митинг получил освещение в орловской прессе [Тарасова, 1991].

По решению областного отделения ВООПИК 31 октября 1990 года состоялось перезахоронение останков генерала барона Ф. К. Корфа, хранившихся в ВООПИК с момента их передачи туда краеведом В. Шапочкой [Власов, 1990]. Позже прах генерала перезахоронили южнее также перезахороненных останков орловских архипастырей, рядом с вновь построенным Казанским храмом.

В декабре 1991 года начался процесс образования приходской общины Свято-Троицкого храма бывшего Успенского мужского монастыря и её регистрации в отделе юстиции администрации Орловской области. С благословения владыки Паисия председателем приходского совета приходской общины Свято-Троицкого храма бывшего Успенского монастыря стал В. А. Ливцов (ГАОО. Ф. Р. 3899. Д. 10. Л. 11). Так как храм ещё не был официально передан общине, адрес приходского совета

был первоначально зарегистрирован по месту жительства В. А. Ливцова (ГАОО. Ф. Р. 3899. Д. 11. Л. 4).

13 февраля 1992 года, в соответствии с Постановлением главы администрации Орловской области «О мерах по улучшению охраны и использования памятников истории и культуры» № 61, комплекс сохранившихся построек бывшего Успенского монастыря был наконец принят под охрану государства как памятник истории и культуры местной категории (ГАОО. Ф. Р. 3899. Д. 14. Л. 4). В число охраняемых сооружений вошли: подклет Троицкого собора, Троицкая церковь (усыпальница Кочубеев), фрагмент монастырской стены. Это было подтверждено решением малого совета Орловского областного совета народных депутатов от 06.07.1993 года № 81-7.

Эти решения стали юридическим основанием для предотвращения сноса исторических сооружений монастыря размещёнными на его территории организациями.

12 марта 1992 года решением мэра г. Орла № 339 приходской общине было передано здание Свято-Троицкой церкви бывшего монастыря [Ливцов, Лепилин, 2019, С. 327], где размещались мастерские скульптора В. Ф. Михеева. В связи с этим скульптору были предоставлены мастерские от Орловского отделения Союза художников.

В 1992–1993 гг. внутри фундаментов разрушенного Успенского храма под руководством археолога Л. Н. Красницкого были продолжены археологические раскопки, в ходе которых обнаружилось большое количество изразцов XVII–XIX вв. и другие находки [Лепилин, 2018, С. 113]. Они были переданы в фонды Орловского краеведческого музея (ОКМ. Арх. оп. 4. Д. 885. Л. 141).

Затем охранные раскопки Успенского и малого Троицкого храмов были продолжены в 1994–1996 гг. под руководством В. А. Ливцова. Находясь в гуще событий, связанных с изучением комплекса сооружений бывшего Архиерейского дома в г. Орле и параллельным процессом возрождения Успенского монастыря, В. А. Ливцов в этот период стал вести дневниковые записи, которые до настоящего времени хранились в его личном архиве. Они представляют несомненную ценность для современных и будущих исследователей истории монастыря и Орловского края в целом.

«Дневник работ на Успенском монастыре в г. Орле» (далее – «Дневник») написан от руки в обычной ученической тетради. Записи расположены в хронологическом порядке и охватывают период с 4 июля 1994 года по 13 августа 1997 года. На внутренней стороне обложки тетради имеются несколько записей за 1991 год.

Далее на страницах дневника в начале каждой новой записи следует дата – число, месяц, год, иногда указан день недели и праздник по православному календарю. В тексте встречаются схематичные поясняющие изображения, например схемы расположения могил в склепе Успенского храма, зарисовки находок. Записи в «Дневнике» характеризуются лаконизмом, отсутствием эмоциональности и оценочных суждений.

Под 1991 годом в «Дневнике» обозначено три события, одно из которых не встречается в исследованных нами источниках: «5.XII.91 г. около 12 дня получено благословение Владыки Паисия на возрождение Успенского м[онасты]ря в г. Орле». Очевидно, речь идёт о личном благословении, полученном В. А. Ливцовым от епископа Орловского и Брянского Паисия (Самчука) на создание православной приходской

общины и начало восстановления обители. Это подтверждается тем, что именно после этого В. А. Ливцовым и его единомышленниками начинается создание приходской общины Свято-Троицкого храма бывшего Успенского монастыря (ГАОО. Ф. Р. 3899. Оп. 1. Д. 10. Л. 11).

Записи «Дневника» за 1994 год раскрывают ход раскопок фундаментов Успенской церкви XVII в., проводившихся силами студентов исторического факультета Орловского государственного педагогического института (ОГПИ). Главным событием тогда стало обнаружение останков пяти орловских епископов XIX – начала XX вв.

Первой была найдена гробница епископа Поликарпа (Радкевича) – единственная, сделанная из тёсаного белого камня.

Затем, в течение июля – начала августа 1994 года, взорам участников раскопок предстали склепы епископов Ювеналия (Карюкова), Митрофана II (Землянского), Никодима (Быстрицкого), Ириней (Орды).

Все захоронения подверглись варварскому разграблению в годы советской власти. Большинство нательных крестов, панагий, украшений облачений были украдены. Особенно скудным оказался погребальный инвентарь в склепе владыки Ювеналия.

Останки архипастырей также сохранились не полностью. Из пяти черепов захороненных владык был найден лишь один череп – епископа Ириней. Из останков епископа Митрофана II удалось обнаружить только кости ног. Лучше всего, по свидетельству автора «Дневника», сохранились захоронения епископов Никодима и Ириней. Вследствие произошедшего в советский период обрушения надгробных плит и различных надземных работ, проводившихся в храме, который использовался в различных хозяйственных целях, кости архипастырей оказались засыпаны строительным мусором.

Находки погребального инвентаря, сделанные в гробницах архиереев, были переданы В. А. Ливцовым в фонды Орловского краеведческого музея. Например, из склепа епископа Ириней в музей поступили упомянутые в «Дневнике» пуговицы от облачения, два золотых нательных крестика и образок на одной цепочке (ОКМ. Арх. оп. 4. Д. 1103. Л. 62). Этот факт служит одним из подтверждений достоверности «Дневника» как источника.

В пятницу, 26 августа 1994 года, состоялось первое перезахоронение обнаруженных останков епископов. В «Дневнике» это событие описано очень кратко и сдержанно, хотя оно стало весьма торжественным и значимым мероприятием, которое было бы невозможно ещё за несколько лет до этого.

В Свято-Троицком храме бывшего монастыря епископ Орловский и Брянский Паисий (Самчук) вместе с сонмом духовенства отслужил панихиду и испросил прощения у почивших архиереев за осквернение их останков в предшествующие десятилетия. Затем шествие отправилось на архиерейское кладбище, где состоялось погребение праха епископов в их же склепах [Ливцов, 2023, С. 69–79].

Это событие запечатлено на photographиях, хранящихся в областном архиве. Примечателен кадр, где траурная процессия проходит мимо здания отдельного батальона ГАИ Орловской области, как о том свидетельствует табличка у входных дверей (ГАОО. Ф. Р. 3899. Д. 41. Л. 6).

В сентябре расчистка котлована для предполагаемого строительства будущего собора возрождаемого монастыря была продолжена. Неожиданно в трапезной Успенского храма была обнаружена новая могила, спустя некоторое время – ещё

одна. Автор «Дневника» предположил, что в них были похоронены благотворительницы монастыря Жилина и Опочинина. О существовании захоронений Жилиной и Опочининой в трапезной Успенской церкви сообщает архимандрит Арсений в «Описании Орловского Успенского мужского монастыря за 1774 год», причем он пишет, что Жилина – это мать помещика Жилина, а Опочинина упоминается им как помещица. Жилина и Опочинина погребены в 1771 и 1772 гг. соответственно (ОКМ. № 8986).

31 октября назначенный к этому времени настоятель Троицкой церкви иерей Сергей Крючков произвел перезахоронение этих вновь обнаруженных останков.

В культурном слое непосредственно над обнаруженными могилами, предположительно принадлежавшими Жилиной и Опочининой, были найдены монета достоинством в 2 копейки 1766 г. чеканки и полихромный изразец XVIII в. (ОКМ. Арх. оп. 4. Д. 885. Л. 142).

Позднее в трапезной Успенского храма нашли еще несколько захоронений.

В ноябре была начата засыпка котлована. В связи с этим можно предположить, что, когда последние однозначно не идентифицируемые захоронения на месте предполагаемого воссоздания храма были перенесены, встал вопрос о выравнивании дна котлована, и с этим была связана его частичная засыпка.

Кроме хода раскопок и описания их результатов, в «Дневнике» зафиксированы и другие события. В частности, упомянуты работы по разборке внутренних перекрытий и стен в пристройке советского времени к малой Троицкой церкви, о визите на территорию монастыря епископа Паисия, о процессе передачи отдельных строений, занимаемых службами ГАИ и управлением по исполнительным делам, в ведение Орловской епархии.

Центральная тема записей «Дневника» за 1995 год – подготовительный этап создания мужской монашеской общины.

1 марта епископу Паисию сообщили о необходимости закрепления незаконно построенного УВД на территории монастыря дома, который под давлением общественности готова была официально передать верующими, соответственно, епархии следственная служба ГАИ, за каким-либо хозяином, поскольку иначе он, находясь в бесхозном состоянии, мог бы подвергнуться разграблению местными жителями.

Указанный дом представлял собой одноэтажное каркасное, обложенное кирпичом, строение. По-видимому, В. А. Ливцов предложил епископу благословить трудника Константина Сергеевича Головкова, принимавшего участие в различных работах на территории бывшей обители, стать послушником создаваемого монастыря, с тем чтобы он и вселился в передаваемый епархии дом, став первым насельником будущего монастыря.

Но в епархии решились даже на более радикальный шаг, и в воскресенье, 5 марта, состоялась хиротония К. С. Головкова в дьяконы. Тогда же вместе с ним дьякон уже действовавшей к тому времени малой Троицкой церкви Алексей Валерьевич Комов был рукоположен в сан священника.

В этой же записи В. А. Ливцов упоминает и о ранее состоявшейся поездке к архимандриту Иоанну Крестьянкину в 1992 г. и отмечает, что по его молитвам «положено начало делу возрождения монастыря». Это упоминание, видимо, связано с тем, что 5 марта отмечается день преподобномученика Корнилия Псково-Печерского, чьи мощи были одной из главных святынь Псково-Печерской обители,

монахи которой, как обещал во время встречи с орловцами архимандрит Иоанн, будут молиться за возрождение Успенского монастыря.

В марте–апреле продолжалось благоустройство внутри и снаружи малого Свято-Троицкого кочубеевского храма. Вокруг Троицкой церкви после взрыва стоявшего рядом собора накопился наносной грунт мощностью до двух метров. Внутри тюремной пристройки, находящейся с запада и примыкавшей к фасаду храма, был обнаружен лестничный марш. Он был сохранён, и поверх него настелили пол в пристройке к западному фасаду церкви.

После прохождения дьяконского сорокоуста отец Константин Головков указом епископа Паисия был назначен штатным клириком Троицкого храма монастыря.

Во время посещения Троицкой церкви монастыря 28 апреля 1995 года епископ Паисий сказал, что Успенский монастырь будет возрождён и что необходимо восстановить Успенский храм.

Вопрос строительства Успенского храма, по-видимому, затрагивался и на встрече В. А. ЛивцовасосхиигуменомИлием (Ноздриным), состоявшейся 28 мая во Введенском женском монастыре г. Орла. Отмечается, что отец Илий пожертвовал на восстановление Успенского храма некое количество денег в долларах, которое в пересчёте на рубли по курсу того времени составляло значительную сумму в 4 млн рублей. Эти средства пошли на оплату эскизного проекта Успенского храма, изготовленного архитектором М. Б. Скоробогатовым. Строительство этой церкви предполагалось на расчищаемых фундаментах.

За лето 1995 года силами направленных на общественные работы с биржи труда безработных и студентов исторического факультета ОГПУ почти полностью были расчищены фундаменты Успенского храма. Также удалось обнаружить остатки стены колокольни.

Летом и осенью 1995 года более интенсивными стали работы по реставрации малого Троицкого храма. Была отремонтирована крыша, поставлены главки, над которыми установлены два креста.

В конце августа было начато строительство резиденции орловского архиерея рядом с монастырем.

Описываемые в «Дневнике» события сопровождались необычными явлениями, которые на языке христианства именуются знамениями или чудесами. Так, 20 августа 1995 года сделана запись о двух самовоспламенившихся лампадах на семи-свечнике в алтаре Троицкого храма. 23 августа, во время чтения акафиста, началось мироточение из иконы Божией Матери «Знамение» в Троицком храме. 4 сентября, в день организационного собрания монашеской общины Успения Пресвятой Богородицы, замироточила икона Успения Богоматери в трапезной комнате монастыря, где проходило собрание.

В сентябре–октябре 1995 года продолжился процесс становления монашеской общины. 3 сентября В. А. Ливцов и Т. В. Новикова испросили благословения епископа Паисия на «воссоздание Успенского собора монастыря и на создание его приходской общины».

8 октября, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, на фундаменте разрушенной Успенской церкви бывшего монастыря впервые с 1991 года прошёл водосвятный молебен.

В октябре архиереем был утвержден устав Успенского прихода. Наконец, 10 декабря дьякон Константин Головков был рукоположен в сан священника. Как по-

вествует «Дневник», епископ Паисий тогда сказал, что отец Константин будет первым насельником Успенского монастыря.

7 июня 1996 года с благословения архиепископа Паисия состоялось второе перезахоронение архиереев, вызванное предположительно тем, что, поскольку планировалось возвести Успенский храм на его первоначальном месте, могилы могли быть повреждены в ходе строительных работ. Однако храм на историческом месте и в формах, максимально приближенных к обнаруженному В. Неделиным подлинному рисунку XVIII века, так и не был построен. Он был позже возведён по благословению архиепископа Паисия в необарочной стилистике северо-восточнее, на месте бывших хозяйственных построек монастыря.

Для перезахоронения архиерейских останков потребовалось снова вскрывать склепы. В результате в грунтовой засыпке гробниц были найдены ранее не замеченные новые артефакты – цепочка, кости ног, череп. Череп мог принадлежать владыкам Никодиму или Митрофану, так как их гробницы располагались рядом с находкой. Но самое неожиданное произошло, когда из-под слоя грунта показались ещё два нетронутых склепа со сводами из кирпича. Как пишет В. А. Ливцов, склеп с северной стороны выглядел «особенно торжественно и величественно... Ровные ряды кирпичной кладки как бы наползали друг на друга...». Гробница с южной стороны сохранилась несколько хуже: её свод просел под тяжестью стен склепа епископа Иринея.

Когда стали вынимать кости из гробницы с северной стороны, то стало понятно, что это останки женщины. Значимой находкой стало золотое кольцо с гравировкой на внутренней стороне: «Елисавета *1763*». Кольцо было передано в фонды ОКМ (ОКМ. Арх. оп. 4. Д. 1103. Л. 61). Дата предположительно означает год бракосочетания, следовательно, захоронение относится ко второй половине XVIII в. Также были обнаружены косточки бус или чёток и янтарный крестик.

При обследовании южной могилы археологи увидели череп, но без задней части его крышки. Затем в районе груди скелета были найдены сильно тронутые временем фрагменты монашеских чёток. На следующий день при просеивании земли с южного захоронения обнаружили монету – полушку времен Петра I. Возникло предположение, что это захоронение архимандрита Евфимия, которое относится к первой четверти XVIII в. Как уточняет один из участников раскопок – А. В. Лепилин, обнаруженные останки «были перезахоронены на границе монастырского холма» [Лепилин, 2018, С. 113–114]. Сейчас это место находится с южной стороны от могил орловских архиереев.

Летом–осенью 1996 года продолжались работы по реставрации малого Троицкого храма: золотили главки и купола, сам храм был покрашен в светло-зелёный цвет. Кельи монастыря (тот самый переданный УВД каркасный дом) оградил сеткой.

19 мая 1997 года схиигуменом Илием (Ноздриным) был совершён монашеский постриг священника Константина Головкова, получившего новое имя – Корнилий. Так появился первый насельник монастыря, что положило начало формированию братии. Имя Корнилий, данное К. С. Головкову в постриге, снова напомнило всем о благословении отца Иоанна Крестьянкина.

Записей за 1997 г. в «Дневнике» совсем мало. По-видимому, это связано с отходом В. А. Ливцова от дел по дальнейшему устройству монастыря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикуемый «Дневник работ на Успенском монастыре г. Орла» В. А. Ливцова представляет интерес как новый источник по истории возрождения орловского Успенского мужского монастыря, который в совокупности с другими источниками позволит более подробно описать процесс восстановления обители в конце 1980-х–1990-х гг.

Таким образом, можно выделить несколько этапов возрождения Успенского мужского монастыря г. Орла в кон. XX в.: 1) постановка сохранившихся исторических построек обители на государственную охрану как памятники истории и культуры; 2) создание православной приходской общины при единственном храме на территории бывшего монастыря – малом Троицком; 3) процесс борьбы членов общины за передачу Троицкого храма, а затем и других сооружений, Орловско-Брянской епархии. Параллельно с этими событиями происходило археологическое изучение территории бывшего монастыря, которое в значительной степени отражено во вводимом в научный оборот «Дневнике работ на Успенском монастыре в г. Орле». Исследование данного источника также позволило выявить ряд новых фактов, не встречающихся в известных нам документах и исследованиях по восстановлению монастыря. В совокупности с корпусом архивных документов, «Дневник» составит прочную источниковую базу для более детального изучения процесса возрождения старейшего в г. Орле монастыря.

В. А. Ливцов

Дневник

Работ на Успенском монастыре в г. Орле

<...>ⁱⁱ

28 августа 1991 года около 12 дня священник И. Кардашⁱⁱⁱ совершил литию^{iv} на месте Успенского собора^v м[онасты]ря, окропил святой водой место.

сентябрь

20 сентября 1991 года 18⁰⁰митинг^{vi} на территории м[онасты]ря.

декабрь

5декабря 1991 года около 12 дня получено благословение Владыки Паисия^{vii} на возрождение Успенского м[онасты]ря в г. Орле.

4 июля 1994 г. пн.

С утра студенты исторического ф[акульте]та ОГПИ^{viii} продолжили раскопки^{ix} внутри фундамента Успенского храма. Была вскрыта гробница Еп[ископа]. Поликарпа^x. Плиты обрушены и перемешаны с кирпичом в годы гонений на церковь. Обнаружены кости. Земля из могилы пересыпалась в алтарную часть храма. Крест временный в алтарной части поднят выше.

Продолжена работа по разборке внутренних стен и тюремных перекрытий в пристройке к Троицкой церкви^{xi}.

5 июля 1994 г. вт.

Завершено вскрытие гробницы Еп[ископа] Поликарпа. Много уже потревоженных костей. Черепа так и не нашли.

6 июля 1994 г. ср

Продолжались раскопки. В 9³⁰ прибыл Еп[ископ] Паисий и о[тец] Иоанн Троицкий^{xii}. Зашли

в храм и [1]^{xiii} в сопровождении З.С. Кочановой^{xiv} прошли на раскопки. Еп[ископ] сетовал, что медленно идут работы по восстановлению храма Св[ятой] Троицы. Просил Ливцова^{xv}, Крюкова^{xvi} и Свиридова^{xvii} быть в 9⁰⁰ в пт. [пятницу] в Епархии. После богослужения в Св[ято]-Троицком храме по случаю Владимирской Б[ожией] М[атери], состоялась краткая панихида над могилами архиереев.

7 июля 1994 года чт.

В течение дня вскрыта разграбленная могила Еп[ископа] Ювеналия^{xviii}.

8 июля 1994 г. пт.

Продолжены работы по расчистке фундамента Успенского храма. Выявлен Северо-Западный угол. В конце дня у выступа арки, у северной стены с западной стороны обнаружена человеческая кость, а также матерчатый крестик с облачения. Утром о. Сергей, Олег Свиридов и В. Ливцов^[2] были в Епархии, но архиерей уже уехал в Нарышкино. Прождав два часа, ушли. Встретился О. Сучков^{xix} из Мценска. Договорились с ним продолжить работу по созданию Кукинского Братства^{xx}. Встретились и с о[тцом] Николаем Коваленко^{xxi}. Договорились, что он войдет в Историческое общество^{xxii}. К вечеру вырезаны сваркой тюремные решетки в пристройке к храму. Продолжена вычистка засолочной ямы^{xxiii}.

1 августа 1994 г. понедельник

К вечеру в ходе работ обнаружена в углу западной и северной стены притвора Успенского храма керамическая икона Св[ятого] Митрофана Воронежского. Земля рыхлая. Предположительно это скелет Еп[ископа] Митрофана II, викария Елецкого^{xxiv}. [3]

3 августа 1994 г. среда.

В течение дня вскрыт склеп Еп[ископа] Митрофана II, викария Елецкого, в углу Западной и Северной стены притвора Успенского храма. Обнаружен пролом в западной части кирпичного свода склепа. Могила разграблена. Черепа и большей части костей нет. Найдены кости ног и остатки обуви и облачений, обнаружены фрагменты Панагии. Работы производились трудником Константином Головковым^{xxv}, Даниилом^{xxvi} и добровольцами из певчих Иверской церкви^{xxvii}.

8 августа 1994 г. понедельник

Во II половине дня и вечером вскрыта могила Еп[ископа] Никодима^{xxviii} в трапезной части Успенского храма, у западной стены у примыкания арки. Могила также разграблена. Головы нет, нет нательного креста. Однако, кости туловища и

[4] ног не тронуты. Хорошо сохранилась парча облачения. Склеп кирпичный.

Таким образом, из 4-х могил архиереев, захороненных в стенах Успенского храма, самое большое впечатление производит гробница Еп[ископа] Поликарпа из тёсаного белого камня. В Ювеналиевой гробнице лишь каменный пол. Остальные 2 целиком из кирпича.

По сохранности наилучшим является захоронение Еп[ископа] Никодима, однако по количеству предметов могила Поликарпа. Она же на втором месте по состоянию костей. У захоронения Митрофана II сохранились лишь кости ног. Однако наиболее разграблена гробница Ювеналия. Мало костей и совсем нет находок. [5]

9 августа 1994 г. вторник

Неожиданно у южной стены Успенской церкви обнаружен склеп. Найдены впервые хорошо сохранившийся склеп с черепом. Только череп отброшен направо к руке. Здесь же найдены 2 золотых нательных крестика на одной цепочке с образом. Найдены также пуговицы от облачения. Предположительно это захоронение Еп[ископа] Ириней^{xxix} 1904 г. Тогда краевед Неделин^{xxx} допустил ошибку в своей исторической справке об Успенской церкви. Это необходимо проверить. Проверили. У Неделина ошибка.

Найдена также крышка еще 1 черепа. Захоронена вместе с останками Еп[ископа] Ириней.

26 августа 1994 г. пятница

Состоялись похороны Архиереев^{xxxi}.

Епископ Паисий впервые служил в Св[ято]-Троицкой церкви монастыря. В гроб Митрофана добавили кости, найденные на территории монастыря.

23 сентября 1994 г. пятница

При зачистке культурного слоя, под засыпкой из глины с камнями [6] в углу южной стены и у столба арки, в трапезной Успенской церкви обнаружена могила с развалом кирпича. Видимо это могила помещицы Опочининой^{xxxii} 1772 года. Ранее в засыпке обнаружена монета 1766 г. достоинством 2 коп[ейки] и полихромный изразец XVIII в. Эти предметы найдены над слоем, в котором выявлена могила, что помогает лучше датировать постройку Успенского храма.

(Вечером 30го привезена металлическая часовня).

1.10.94 г. суббота

Вскрыт склеп в трапезной Успенской церкви, в Восточном – южном углу. Оказалось, что рядом, к западу 2^й склеп. Видимо, они располагались в более узкой трапезной. Позже трапезную расширили и могилы оказались почти в центре её. [7]

Могила № 1, вскрытая в субботу, меньше, чем архиерейские могилы. Кирпич почти сгнил. Сверху засыпка из жёлтой глины с камнями. Кости почти сгнили. Осталась лишь крышка черепа, несколько зубов, нижняя челюсть, несколько позвонков, 1 берцовая кость и несколько фаланг пальцев. Имеются плохо сохранившиеся обломки меди, видимо, от нательного креста. Сохранился расшитый воротник и пуговицы из меди. Плохая сохранность костей, видимо, объясняется тем, что во время строительства более вместительной трапезной своды склепов были обрушены и раз-[8]

давили кости, этим нарушив их герметичность. Сверху склепы были засыпаны глиной, что создало условия повышенной влажности, отсутствия испарения и гниения.

3 октября 1994 г. Понедельник

Раскопана могила в юго-западном углу притвора. Кости сохранились довольно хорошо, однако, ничего не обнаружено (могила № 2). Могила ниже предыдущей и заходит под неё. Так что кости ног погребения оказались под черепом более позднего времени. В отличие от предыдущей, имеющей форму трапеции, данная могила прямоугольная. Как и в прошлом случае, гроб, судя по древесному тлену, плотно входил в могильную яму. Обложена кирпичом. Видимо, могила – захоронение Жилиной^{xxxiii}, тогда как предыдущая – Опочининой. [9]

31 октября воскресенье

Произведено перезахоронение 2-х ранее раскопанных могил^{xxxiv}. Его произвёл о. Сергей Крючков. К этому времени выявлено, что на территории трапезной расположены ещё несколько захоронений. Рядом с вышеуказанным – севернее есть ещё 1 обвалившийся склеп, а севернее и южнее, по-видимому, имеются могильные ямы с чёрным заполнением (а материка – рыжая глина). Ямы не обложены кирпичом, а просто вырыты в материке и проходят через слой щебня. [10]

6 ноября воскресенье

После службы состоялось освящение дома, освобожденного следственной службой^{xxxv} ГАИ. Его проводил о[тец] Сергей Крючков.

7 ноября понедельник

Начата засыпка котлована на м[онасты]ре.

8 ноября – вторник

Решено собрать глину для строительных работ в Св[ято]-Троицком храме из ещё не засыпанной части котлована в Успенском храме.

14 ноября 1994 г. пн.

По согласованию с начальником Управления тюрем Суровцевым В.А.^{xxxvi}, члены братства заняли под мастерскую 1 комнату в руинах Троицкого Собора^{xxxvii}.

15 ноября вт.

Вл[адыка] Паисий благословил Церковное общество^{xxxviii} и благословил прийти с Костей^{xxxix} после [11] Своего приезда из М[оск]вы с Собора.

7 февраля 1995 г. вт.

Днём, по предварительной договорённости, дом, передаваемый Епархии – Гаи, осмотрел

Благочинный 1-го Орловского округа о[тец] Георгий Леонтьев^{xi}.

1 марта 1995 г. ср.

Утром Епископу Паисию было сообщено о настоятельной необходимости закрепления дома, передаваемого Епархии на территории Успенского монастыря, за каким-либо хозяйном. Было предложено благословить Головкова К. С. быть послушником. Были оставлены документы на Головкова К.С., составленные ранее. [12]

5 марта 1995 г. воск[ресенье].

Прошла хиротония. Еп[ископ] Паисий рукоположил К. Головкова в белые диаконы. К. Головков был в подряснике, подаренном самим епископом ему 2 марта. На сорокоуст отец Константин был определён в Крестительскую церковь^{xli}. Примечательно, что в этот же день в священники рукоположен о. Алексей,^{xlii} который в 1992 г. был у о. Иоанна Крестьянкина^{xliii}. Тогда старец решил, что Алексей безбрачен и полагал, что он будет заниматься монастырём. В воскресенье 5 марта праздновался день Корнилия Псково-Печерского^{xliv}. По молитвам архимандрита Иоанна Крестьянкина положено начало делу возрождения монастыря. [13]

март 1995 г.

Производились работы по выемке грунта из пристройки и Св[ято]-Троицкой церкви. Обнаружен один лестничный марш у главного западного фасада храма. Ступени сохранились с северной и западной стороны. Решено их сохранить. Сверху установлены лаги и в образовавшемся притворе настелен деревянный пол.

Произведены работы по снятию культурного слоя с юга, востока и запада от храма на первоначальную отметку XIX в.

апрель 1995 г.

Завершены работы по снятию культурного слоя по периметру вокруг храма. Периметр выложен плиткой. Сделаны ступени. Начат вывоз грунта оставшегося с прошлого года на раскопках Успенского храма, силами Биржи труда. [14]

апрель 1995 г.

18.04.

К.С. Головков направлен в Св[ято]-Троицкий храм м[онасты]ря Указом Епископа в качестве штатного диакона.

23.04.

К Пасхе полностью облицована бетоном площадка вокруг храма.

28.04 пятница Светлой седмицы

После службы в Тихвинской церкви Епископ Паисий прибыл в Св[ято]-Троицкую церковь. Он всех поздравил с праздником. Сказал, что Успенский м[онасты]рь будет возрождён и что надо восстановить Успенский храм.

К концу апреля полностью убран курган земли над остатками фундамента алтаря Успенского храма. [15]

май 27 суб.

Вечером в Тихвинской церкви женского м[онасты]ря, после службы состоялось пострижение 3^х монахинь: 1 мантийной и 2^х рясофорных. В мантию стригли Л.Ф. Рожновскую^{xlv} – старосту общины. Она стала матерью Олимпиадой. Между службой и постригом ко мне через толпу просящих благословения бабушек прошёл игумен Илий,^{xlvi} совершавший постриг, и спросил, назвав имя – как дела. Я кратко рассказал, что оформлены кельи и земля, но из его ответов осталась не ясна его позиция. Вечером дома всё обдумал и вспомнил сон, бывший накануне: здание келий по Ермолова 13^a – а вместо части фундамента просто насыпан гравий, а потом ул. Ленина у Александровского моста и о[тец] Илий собирает подписи «за монастырь». [16]

Вспомнилось и то, что за несколько дней до этого в алтарь Троицкой церкви м[онасты]ря залетели ласточки – к благой вести. Залетали они и в Женский м[онасты]рь.

Решил утром встретиться с о[тцом] Илием и прояснить его позицию.

28 воскресенье

Встал пол 11²⁰и вскоре был в женском м[онасты]ре. Служба уже кончилась и м[ать] Олимпиада сказала, что батюшка уехал более чем на 3 месяца. Вдруг он появился внизу лестницы Тихвинского храма^{xlvii}. Я был им взят в машину, которая доставила нас на трапезу с новопостриженными монахинями. Я в подробностях описал ему ситуацию и узнал от него, что полгода назад Владыка предложил ему приехать в Орёл в м[онасты]рь. Договорились, что я пойду к Еп[ископу] Паисию во вторник. О[тец] Илий пожертвовал на Успенский храм [17] 4 млн. р[ублей] в долларах (этого как раз не хватало до суммы, назначенной за эскизный проект архит[ектора] Скоробогатова^{xlviii}). Затем я отправился в Успенский м[онасты]рь и обсудил всё с Константином, а затем с о. Кронидом^{xlix} (дьяконом) которого мы встретили на автобусной остановке.

лето 1995 г.

За это время с помощью безработных с Биржи расчищены почти полностью фундаменты Успенского храма. Помогли и студенты Ист[орического] ф[акультета] ОГПУ во время практики. После приезда Епископа в середине лета и большого скандала, связанного с нежеланием о[тца] Сергия заниматься реставрацией храма Троицы, а занимающегося благоустройством территории и пристройкой, дело неожиданно быстро двинулось и к [18]середине Успенского поста были вчерне сделаны главки и перекрыта крыша храма.

Воскресенье 20 августа.

На Митрофана Воронежского и на следующий день после Преображения я, проходя вечером с о[тцом] Кронидом (диаконом) у алтаря Троицкого храма почувствовал страх и ощущение, что в храме кто-то есть. Простившись с о[тцом] Кронидом, на остановке встретил возвращавшегося в келью о[тца] Константина. Мы решили прогуляться через мост. Вдруг я заметил издали яркий огонёк в храме. Мы подошли. Оказалось – это каким-то чудом горели две лампы на Семисвечнике.

Среда 23 августа

Утром, во время акафиста, замироточила левая рука иконы «Знамение» на левой стене. Приехал [19] еп[ископ] Паисий (ему не сказали о чуде) и с о[тцом] Сергием¹ сходил на расчистку территории у оврага для строительства его дома. Это был первый день строительства Архирейского дома². Забита 1-я свая.

24.08.95 г. чт.

В 3 часа дня Еп[ископ] Паисий освятил место своего будущего дома. Очень скромно. Был лишь о. Иоанн Троицкий, да присутствовали подошедшие Крючков и Головкин.

25.08.95г. пт.

Во время расчистки западной стены раскопа выявлены остатки стены колокольни.

27.08.95г. воскр[есенье].

Практически закончена реставрация крыши в Троицком храме. Теперь это оцинковка. Пришлось менять и [20] все стропила.

среда, 27 сентября 1995 г.

Воздвигнуты после литургии 2 специально освящённых креста над храмом Св[ятой] Троицы. Они были представлены ещё в 1992 году в начале работ по восстановлению храма кузнецом-реставратором Юрием Аркадьевичем Кудиновым³.

3 сентября 1995 г. вторник

на Михаила Черниговского.

Утром В. А. Ливцов и Т. В. Новикова у Еп[ископа] Паисия испросили благословение на восстановление Успенского собора м[онасты]ря и на создание его приходской общины.

среда 4 сентября 1995 г.

на отдание Воздвижения и обретение мощей св. Димитрия Ростовского. Состоялось организационное приходское собрание общины Успения Богородицы.

Замироточила икона Успения в келье м[онасты]ря (от гроба Богородицы в Гефсимании) – слезы у И[исуса] Хр[иста] потекли. [21]

8 октября воск[ресенье].

в день Св. Сергия Радонежского

Состоялся Водосв[ятный] молебен на фундаменте Успенского храма (впервые после 1²⁰ в 91 г.) После этого обошли с крестом и кроплением воды вокруг руин Успенского храма.

11 окт ср.

Печерские святые (и Кукуша)

Еп[ископ] Паисий утвердил устав Успенского прихода.

8 декабря пт.

Отдание праздника Введения

о. Константина срочно вызвали в Епархию и предложили написать прошение о рукоположении в сан священника.

10 декабря воск.

Празднование иконы Знамение Божией Матери.

о. Константин рукоположен в Кромах на владычном богослужении в сан священника. В своём слове Владыко сказал, что он будет первым насельником Успенского м[онасты]ря. [22]

1996 г.

7 мая (на Савву Печерского)

Еп[ископ] Паисий благословил создание монашеской общины

и перезахоронение Архьереев.

24 мая (на Кирилла и Мефодия)

Еп[ископ] Паисий подписал документы о создании м[онасты]ря.

7 июня на 3^е обретение головы Иоанна Предтечи

в пятницу накануне отдания 50-ницы^{liii}.

Вечером, после 9-го часа^{liv} перезахоронили^{lv} архьереев в новом месте. Панихиду отслужил о. Константин^{lvi} по благословению Еп[ископа] Паисия.

В течение конца июня, начала июля с помощью практики студентов истфака был разобран северный и восточный фундамент Успенского храма. Вновь начали вскрытие гробницы в центре притвора. Вскрыли 2 уже перезахороненные раньше гробницы и ещё одну, где обнаружили цепочку, видимо, от наперсного креста и ножные кости. [23]

Затем стали раскапывать 2 чёрных земляных пятна, чётко выделявшихся рядом с могилами Еп[ископа] Никодима и Ириней на фоне жёлтого суглинка.

Неожиданно обнаружили череп сразу же у угла гробницы Еп[ископа] Никодима в ямке. Возможно, это череп Никодима, либо Митрофана, чья гробница была рядом, и у которой, во время ограбления, его могли выбросить. Дальнейшие работы по вскрытию 2^х могильных ям неожиданно вскрыли 2 неосквернённых, нетронутых склепа с сохранившимися сводами из кирпича. Особенно торжественно и величественно выглядел склеп с севера, покрытый сплошным не обвалившимся сводом из кирпича. Ровные ряды кир-[24]

пичной кладки как бы напоздали друг на друга и немного топорщились, как броня животного-броненосца – выпуклая и полукруглая. Лишь 1 ряд кирпича у головы провалился и здесь чернела полоска земли, не нарушавшая, впрочем, общего впечатления.

Южная гробница, расположенная у стены гробницы Еп[ископа] Ириней, отчего она провалилась и просела, была тоже не потревожена, но из-за нагрузки на свод стены склепа Еп[ископа] Ириней, её свод, хотя и сохранился частично, но зримо просел и разрушился. В целом эта могила оказалась несколько меньше и скромнее.

Вечером, накануне Петрова Дня, о. Константин Головков видел обе гробницы. Возникло предположение, что это могут быть склепы архимандритов м[онасты]ря. Решено было после обедни вскрывать их силами послушников м[онасты]ря. [25]

29/12 по н. стилю июля. пт.

День праздника Петра и Павла

После 3^х час[ов] дня к последним практикантам, завершавшим практику, присоединились послушники. К этому времени была полностью снята земля с гробниц. О. Константин Го-

ловков во время начала работ служил Панихиду.

Когда послушники стали вынимать кости из северной гробницы стало понятно, что это женщина. Затем, перетирая землю, Георгий (Эдуард)^{lvii} обнаружил косточки не то бус, не то чётки, а потом и янтарный целый крестик, который во время очистки его от земли разломали. Неожиданно Георгий обнаружил маленькое женское золотое кольцо с именем Елизавета и датой, по-видимому, бракосочетания. Это позволило уверенно отнести могилу ко II пол. 18 столетия и узнать, что она принадлежала женщине. После этого интерес послушников к этим [26] раскопкам значительно упал. Однако уже ближе к вечеру Сергей Стельмах^{lviii} перешёл на южную могилу, с которой к тому времени студенты сняли кирпич и верхнюю часть земли. Могила оказалась неглубокой, кирпич лежал на глине. Вскоре неожиданно его лопата наткнулась на хорошо сохранившийся череп. Без задней части крышки. Возможно, она была найдена раньше (см. стр. 6). Был уже вечер – время ужина, и Сергей и Георгий ушли. Даниил ещё некоторое время копался в южной могиле (северная могила женщины была полностью раскопана и её кости сложены в гроб). Вскоре в районе груди обнаружили полусгнившие чётки, казалось, что их верхние косточки сложены в виде крестика: сохранилось лишь несколько косточек чётки. На этом работы закончились – уже темнело. [27]

Суббота – Собор 12 апостолов

Балыкинской иконы Б.М.

13 июля

В течение дня, хотя и шёл дождь по временам, ребята – работники комитета по работе с молодёжью детьми и подростками, очистили землю с остальных костей южного захоронения и, когда просматривали её, Борис Коржанков^{lix} обнаружил монету. Пришедший Алексей Лепилин^{lx} разобрал, что это полушка^{lxi} петровских времён, что сразу заставило предположить, что это мощи Арх[имандрита] Евфимия^{lxii} – создателя Успенского и Введенского^{lxiii} м[онасты]рей. Поскольку могилу залило водой – её перечерпали в соседнюю могилу и стали промывать этой водой оставшуюся землю и кости. Принесли и промыли найденный вчера череп. Его сохранность велика. К вечеру, уже с другим Даниилом работы в целом были завершены. Останки [28] Евфимия были положены в маленький отдельный гроб и отнесены в кельи.

В последующие дни Даниил занимался промывкой, вынутой из гробниц и не пересмотренной земли.

В то же время о[тец] Сергей начал над засолочной ямой возводить звонницу, а затем покрывать медью и золотить купола храма. Полностью закончен о[тцом] Константином подвал^{lxiv}, со входом, где уже несколько недель живут куры. Решено обнести домик сетчатой оградой.

октябрь

Позолочены главки и кресты храма. Храм покрашен в светло-зелёный цвет. Бордюры отделаны рваным камнем. Построена и оштукатурена башенка над засолочной ямой (без крыши). Снята земля у алтарей Троицкого Собора. Кельи монастыря ограждены с севера сеткой, с воротами и калиткой.

29 ноябрь

о. Константин продолжил строить подвал.

1997 год.

май.

19 Понедельник.

Вечером в Тихвинской церкви женского монастыря схиигуменом Илием совершён постриг отца Константина в иеромонаха Корнилия, отца Германа в иеромонаха Герасима^{lxv}, Георгия (Эдуарда) в инока Николая, Алексея (шофёра женского монастыря) в инока Антония.

лето

В течение июля студенты и мальчики, нанятые на общественные работы через Биржу труда, сняли почти весь оставшийся фундамент Успенского храма. В течение лета о[тец]

Корнилий строил подземный курятник. [30]

13 августа ср[еда].

Схиизумен Илий привёз в Орёл Андрея^{lxvi} – спонсора, желавшего вносить деньги в строительство храма на Успенском монастыре.

Примечания:

Протоиерей Иоанн Кардаш (1930–1996 гг.) – настоятель Свято-Троицкого храма г. Орла в 1970–1996 гг., благочинный 1-го Орловского округа.

Успенский собор – находился в южной части Успенского мужского монастыря. Этот храм на Ввозной горе в Успенской пустыни Богоявленского монастыря был построен игуменом Евфимием в 1670-е гг. В камне церковь возвели в 1688 г. На рубеже XVIII–XIX вв. в связи с необходимостью расширения храмового пространства происходит перестройка Успенского собора. Церковь была местом последнего упокоения для настоятелей Успенского монастыря, а затем стала и «владычной усыпальницей»: в ней погребали Орловско-Севских епископов. Закрыта в 1923 г. Несмотря на статус памятника культуры и принятие на государственный учёт Наркомпросом (1923 г.), в 1930-е гг. была повреждена колокольня, а в 1980 г. церковь полностью снесли.

Митинг общественности города в поддержку сохранения сооружений дореволюционного Успенского монастыря и нового возрождения обители. Подробнее см. во вступительной статье.

Епископ Паисий (Самчук Павел Николаевич, 1930–2008 гг.) – глава Орловско-Брянской епархии (после разделения епархий в 1994 г. – Орловско-Ливенской) в 1988–2008 гг. Выпускник Ленинградской духовной академии. С 1959 г. нёс служение в Орловско-Брянской епархии: был казначеем-завхозом епархиального управления, старшим иподиаконом Ахтырского кафедрального собора в г. Орле. В 1978 г. рукоположен в иерея и назначен настоятелем Воскресенского собора г. Брянска. В июле 1988 г. в Троице-Сергиевой лавре принял монашеский постриг, вскоре хиротонисан во епископа Орловского и Брянского. С 1996 г. – архиепископ. Похоронен на территории Успенского мужского монастыря.

Список литературы:

1. Богатырев, Р.А., Ливцов, В.А. Деятельность Орловского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по сохранению культурного наследия в 1966–1991 гг.: Научная монография / Под общей редакцией П.А. Меркулова. – Орел, 2022. – 264 с.
2. Власов, В. Нравственный долг // Орловская правда. – 1990. 3.11.
3. Воробьев, В. Кошунство к предкам, или Трагическая история Успенского кладбища // Центральная Россия. 1992. Май. № 22 (34).
4. Гольцова, А. Монастырка: сегодня и завтра // Орловская правда. – 1990. 19.05.
5. Ерёмин, В.П. Ливцов Виктор Анатольевич. // Ерёмин В.П. Краеведческие записки: Орловские краеведы. Вып. 4. – Орёл, Вешние воды. 2005. – С. 238–239.
6. Каталог памятников архитектуры. – М., 1985 г. Отв. ред. В.И. Плужников.
7. Кондратенко, А. Оставайся с нами, Монастырка! // Орловская правда. 1989. 21.05.
8. Кондратенко, А.И. Встречи у микрофона. – Изд. 2-е, доп. – Орёл, 2020. – 204 с.
9. Кострюков, А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008): учебное пособие / А. А. Кострюков; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – М.: Издательство ПСТГУ, 2018. – 366 с. – ISBN 978-5-7429-1108-1.
10. Ливцов, В. А. Формирование идеи объединения церквей в русской обще-

ственной мысли XIX–XX вв. / В. А. Ливцов, А. В. Лепилин; В. А. Ливцов, А. В. Лепилин. – [науч. изд.]. – М.: Моск. гор. ин-т упр., 2003. – 45 с. – ISBN 5-98279-018-4. – EDN QTIGSH.

11. Ливцов, В.А., Лепилин А.В. Орловский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2019. – Т. LIII. – С. 323–328.

12. Ливцов, В.А. Истоки просвещения Орловского края // Краеведческие записки. Вып. 2. – Орёл: Вешние воды, 1998.

13. Ливцов, В.А. Успенский монастырь: возрождаемая святыня // Материалы научно-практической конференции «Орловский край – история и перспективы развития». – Орёл, 1992. – 391 с.

14. Ливцов, В. А. Орловские архипастыри – просветители и наставники и их посмертная судьба / В. А. Ливцов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 3 (24). – С. 69–81. – DOI 10.51216/2687-072X_2023_3_69. – EDN LHMZKA.

15. Неделин, В.М., Ромашев В.М. Архитектурные древности Орловщины. Кн. 2. Утраченное. – Орёл, 2009. – 174 с.

16. Одинцов, М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. / М. И. Одинцов; М. И. Одинцов; Российское объединение исследователей религии. – М.: Древо жизни, 2010. – ISBN 978-5-91470-006-2. – EDN QVAWTB.

17. Орловские архипастыри, Архиерейский дом, достопримечательности его, угодья и личный состав. – Орёл, 1901 г. – 30 с.

18. Орлова, Л. Веха в истории // Орловский комсомолец. – 1988. 5.07.

19. Орел, 15–16 июля... // Орловская правда. – 1980. 11.07.

20. Прокопий, монах. История Орловского Успенского мужского монастыря. – Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2001. – 112 с.

21. Тарасова С. Место старинное, не заповедное... // Орловская правда. – 1991. 26 сентября.

22. Шапочка, В. Забытое имя // Политическая агитация. – 1988.13.07.

Сведения об авторе:

ПОВЕРЕННОВА Елена Владимировна, младший научный сотрудник, Орловский краеведческий музей, e-mail: efomenkova@yandex.ru, SPIN-код: 7465-6612, AuthorID: 1270611; <https://orcid.org/0009-0005-5666-4898>

References:

1. Bogatyrev, R.A. and Livtsov, V.A. (2022) *Activities of the Orel branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments to preserve cultural heritage in 1966-1991*: Scientific monograph. Under the general editorship of P.A. Merkulov. Orel, 264 p.

2. Vlasov, V. (1990) Moral duty. *Orlovskaya Pravda*. 3.11.

3. Vorobyov, V. (1992) Blasphemy against ancestors, or the tragic history of the Assumption Cemetery. *Central Russia*. May. no. 22 (34).

4. Goltsova, A. (1990) Monastery: today and tomorrow. *Orlovskaya Pravda*. 19.05.

5. Eremin, V.P. (2005) Livtsov Viktor Anatolyevich. *Eremin V.P. Local history notes: Orel local historians*. Issue 4. Orel, Spring Waters. p. 238-239.

6. Catalog of architectural monuments. M., 1985. Responsible. editor V.I. Pluzhnikov.

7. Kondratenko, A. (1989) Stay with us, Monastery! *Orlovskaya Pravda*. 21.05.

8. Kondratenko, A.I. (2020) Meetings at the microphone. - 2nd ed., add. Orel, 2020. 204 p.
9. Kostryukov, A.A. (2018) Lectures on the history of the Russian Church (1917-2008): textbook. Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. M.: PSTGU Publishing House, 366 pp.
10. Livtsov, V. A. [et al] (2003) Formation of the idea of unification of churches in Russian social thought of the 19th–20th centuries. / [scient. ed.]. M.: Moscow. mountains Institute of Management, 45 p. EDN QTIGSH.
11. Livtsov, V.A. and Lepilin, A.V. (2019) Orlovsky Monastery in honor of the Dormition of the Blessed Virgin Mary. Orthodox Encyclopedia. M., Vol. LIII. p. 323-328.
12. Livtsov, V. A. (1998) *The Origins of Education in the Orel Region. Regional Studies Notes*. Issue 2. Orel: Spring Waters.
13. Livtsov, V. A. (1992) The Dormition Monastery: A Revived Shrine. Proceedings of the Scientific and Practical Conference "Orel Region History and Development Prospects". Orel, 391 p.
14. Livtsov, V. A. (2023) Orel Archpastors - Enlighteners and Mentors and Their Posthumous Fate. Theological Collection of the Tambov Theological Seminary. no. 3 (24). p. 69-81. EDN LHMZKA. https://doi.org/10.51216/2687-072X_2023_3_69.
15. Nedelin, V. M. and Romashev V. M. (2009) *Architectural antiquities of the Orel region*. Book 2. Lost. Orel, 174 p.
16. Odintsov, M. I. (2010) *Religious reforms in the Soviet Union and in Russia*. 1985–1997. Russian Society of Religious Researchers. Moscow: Tree of Life, 2010. EDN QVAWTB.
17. *Orel Archbishops, Bishop's House, its attractions, lands and personnel*. Orel, 1901. 30 p.
18. Orlova, L. Milestone in History. *Orel Komsomolets*. 1988. 5.07.
19. Orel, July 15-16... *Orel Pravda*. 1980. 11.07.
20. Prokopi, monk. (2001) *History of the Oryol Assumption Monastery*. Orel: Publisher Alexander Vorobyov, 112 p.
21. Tarasova, S. (1991) *An ancient place, not a protected area...* *Orel Pravda*. 1991. September 26.
22. Shapochka, V. *Forgotten name*. Political agitation. 1988.13.07.

Author:

POVERENNOVA Elena V., junior researcher, Orel Museum of Local Lore, e-mail: efo-menkowa@yandex.ru, SPIN: 7465-6612, AuthorID: 1270611; <https://orcid.org/0009-0005-5666-4898>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

ⁱⁱ Здесь опущено несколько записей личного характера, не имеющих прямого отношения к Успенскому монастырю.

ⁱⁱⁱ Протоиерей Иоанн Кардаш (1930 – 1996 гг.) – настоятель Свято-Троицкого храма г. Орла в 1970 -1996 гг., благочинный 1-го Орловского округа.

^{iv} Лития – здесь: краткое заупокойное богослужение

^v Успенский собор – находился в южной части Успенского мужского монастыря. Этот храм на Ввозной горе в Успенской пустыни Богоявленского монастыря был построен игуменом Евфимием в 1670-е гг. В камне церковь возвели в 1688 г. На рубеже XVIII – XIX вв. в связи с необходимостью расширения храмового пространства происходит перестройка Успенского собора. Церковь была местом последнего упокоения для настоятелей Успенского монастыря, а затем стала и «владычной усыпальницей»: в ней погребали Орловско-Севских епископов. Закрыта в 1923 г. Несмотря на статус памятника культуры и принятие на государственный учёт Наркомпросом (1923 г.), в 1930-е гг. была повреждена колокольня, а в 1980 г. церковь полностью снесли.

^{vi} Митинг общественности города в поддержку сохранения сооружений дореволюционного Успенского монастыря и нового возрождения обители. Подробнее см. во вступительной статье.

^{vii} Епископ Паисий (Самчук Павел Николаевич, 1930 – 2008 гг.) – глава Орловско-Брянской епархии (после разделения епархий в 1994 г. – Орловско-Ливенской) в 1988 – 2008 гг. Выпускник Ленинградской духовной академии. С 1959 г. нёс служение в Орловско-Брянской епархии: был казначеем-завхозом епархиального управления, старшим иподиаконом Ахтырского кафедрального собора в г. Орле. В 1978 г. рукоположен в иерея и назначен настоятелем Воскресенского собора г. Брянска. В июле 1988 г. в Троице-Сергиевой лавре принял монашеский постриг, вскоре хиротонисан во епископа Орловского и Брянского. С 1996 г. – архиепископ. Похоронен на территории Успенского мужского монастыря.

^{viii} Орловский государственный педагогический институт.

^{ix} Первые археологические исследования на территории бывшего Успенского монастыря были произведены в 1990 г. и далее проводились в 1991, 1993, 1994, 1996 гг.

^x Епископ Поликарп (Радкевич Феодосий Иванович, 1798–1867 гг.) – правящий в 1858–1867 гг. архиерей Орловской и Севской епархии. Был погребён в склепе под полом Успенского храма на территории Архиерейского дома в г. Орле.

^{xi} Троицкая (малая, или кочубеевская) церковь – построена в 1845 г. по инициативе орловского губернатора А.В. Кочубея (1790–1878 гг.) в качестве его семейной усыпальницы. Архитектор – предположительно Н.Т. Ефимов. Единственная полностью сохранившаяся до наших дней церковь Успенского монастыря – Архиерейского дома. Передана общине верующих в 1992 г.

^{xii} Протоиерей Иоанн Троицкий (1930–2010 гг.) – секретарь Епархиального управления при епископе Паисии. На Орловщине с 1961 г. Долгое время был настоятелем Иоанно-Крестительского храма г. Орла. Один из организаторов возрождения Николо-Песковского храма.

^{xiii} Здесь и далее в скобках дана нумерация страниц «Дневника».

^{xiv} Кочанова Зоя Степановна – сотрудница прихода Троицкого храма Успенского монастыря, продавец на свечном ящике в 1990-е гг.

^{xv} Ливцов Виктор Анатольевич (род. в 1958 г.) – автор «Дневника».

^{xvi} Священник Сергей Крючков (род. в 1957 г.) – ныне протоиерей Орловско-Болховской митрополии. С 3 декабря 1993 г. по 1999 г. – настоятель Троицкого храма бывшего Успенского мужского монастыря. В 1999–2019 гг. – настоятель Троице-Васильевского храма города Орла. С 2019 г. – настоятель храма Воскресения Христова на Афанасьевском кладбище г. Орла.

^{xvii} Свиридов Олег Геродотович (1959–2018 гг.) – один из участников возрождения Успенского монастыря и Смоленского храма в г. Орле, заместитель председателя Братства Успения Пресвятой Богородицы. В сер. 1990-х гг. переехал в Брянск. В 1997 г. рукоположен в сан священника и получил благословение строить храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в пос. Алтухово Брянской обл. До своей смерти был настоятелем этого храма.

^{xviii} Епископ Ювеналий (Карюков Григорий Иванович, 1816–1882 гг.) – архиерей Орловской епархии в 1876–1882 гг. Был погребён в склепе под полом Успенского храма на территории Архиерейского дома в г. Орле.

^{xix} Сучков Олег Михайлович (род. в 1967 г.) – ныне протоиерей Орловско-Болховской митрополии, клирик храма Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии в г. Орле. До этого длительное время служил настоятелем Казанского храма посёлка Нарышкино Урицкого района Орловской области и был благочинным Нарышкинско-Шаблыкинского благочиния.

^{xx} Кукшинское братство – братство во имя св. Кукши. До революции 1917 г. существовало в г. Мценске. Попытка его воссоздания была предпринята по инициативе группы верующих во главе с Олегом Сучковым (будущим священником), однако братство так и не было юридически оформлено и вскоре прекратило своё существование в связи с переездом Олега Сучкова из Мценска.

^{xxi} Протоиерей Николай Коваленко (1940–2020 гг.). В священном сане с 1967 г. Внес большой вклад в восстановление храма Смоленской иконы Божией Матери, настоятелем которого был в 1995–2008 гг. Затем служил настоятелем храма Св. блгв. кн. Александра Невского в Орле, был клириком Ахтырского собора.

^{xxii} Имеется ввиду Орловское церковное историко-археологическое общество, воссозданное по благословению епископа Орловского и Ливенского Паисия 22 ноября 1994 г. В 2010 г. преобразовано в Епархиальный церковный историко-археологический отдел.

^{xxiii} Засолочная яма – цилиндрическая яма в земле, облицованная изнутри кирпичом, севернее малой поминальной Троицкой церкви. Использовалась как место для хранения «солений» – консервированных овощей. В 1990-е гг. она была раскопана, и по благословению отца Сергия Крючкова над ней возведён шатер, расписанный ликами новомучеников.

^{xxiv} Епископ Митрофан II (Землянский Михаил Александрович, 1863–1914 гг.) – епископ Елецкий, викарий Орловской епархии с мая 1910 г. В 1914 г. два с половиной месяца был временно управляющим Орловской епархией в связи с болезнью епископа Орловского Григория (Вахнина). В Орле и скончался, погребён на территории Успенского монастыря в г. Орле.

^{xxv} Головков Константин Сергеевич (род. в 1963 г.) – иеромонах, первый наместник Успенского мужского монастыря. Родился в г. Орле. Окончил Орловский машиностроительный техникум, позднее – Орловский коммерческий институт. В разное время работал на орловских предприятиях: «Орловский завод УВМ им. К.Н. Руднева», «Стекломаш», «Промбетон». В 1993–1994 гг. был кандидатом, затем членом православного Братства Успения Пресвятой Богородицы. 5 марта 1995 г. рукоположен в сан дьякона епископом Орловским и Ливенским Паисием, 10 декабря того же года тем же архиереем – в сан священника. 19 мая 1997 г. схиигуменом Илием (Ноздриным) пострижен в монашество с именем Корнилий. С июня 1998 по 1999 г. – наместник Успенского мужского монастыря г. Орла. После этого служил в различных монастырях и храмах епархии.

^{xxvi} Даниил Косенко – первый по времени трудник монастыря.

^{xxvii} Церковь Иверской иконы Божией Матери. Находится близ Железнодорожного вокзала г. Орла. Заложена 13 (25) октября 1899 г. в память коронавания императора Николая II по проекту инженера Московско-Курской железной дороги Н.И. Орлова. В 1923 г. закрыта. В 1990 г. здание передано общине верующих по инициативе Н.Е. Дёминой. Реставрация была произведена по проекту архитектора М.Б. Скоробогатова. 26 октября 1990 г. в трапезной храмасостоялся первый молебен. В 1992 году освящен главный престол храма. В 1993 г. реставрационные работы были завершены.

^{xxviii} Епископ Никодим (Быстрицкий Николай Андреевич, 1786–1839 гг.) – епископ Орловский и Севский в 1828–1839. Был погребён под полом в склепе Успенской церкви Успенского мужского монастыря.

^{xxxix} Епископ Ириней (Орда Харисим Михайлович, 1836–1904 гг.) – архиерей Орловской епархии в 1902–1904 гг. Был погребён под полом в склепе Успенской церкви Успенского мужского монастыря.

^{xxxx} Неделин Владимир Михайлович (род. в 1959 г.) – член Союза художников России, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества. В 1984–1991 гг. – сотрудник Орловского областного отделения ВООПИиК. Участвовал в обследовании и описании исторических памятников на территории Орловской области, в частности Успенского монастыря и Архиерейского дома. Автор книги по истории Орловского края.

^{xxxix} Внутри фундаментов Успенского храма были первоначально перезахоронены останки архиереев: Никодима (Быстрицкого), Поликарпа (Радкевича), Ювеналия (Карюкова), Ириней (Орды), викарного Елецкого епископа Митрофана (Землянского).

^{xxxii} Благотворительница монастыря, помещица. Погребена в трапезной Успенского храма Успенского монастыря в 1772 г. О её захоронении, как и о захоронении Жилиной, матери помещика Жилина, в трапезной Успенской церкви сообщает архимандрит Арсений в Описании Орловского Успенского мужского монастыря 1774 г., хранящегося в Орловском краеведческом музее.

^{xxxiii} Благотворительница монастыря, мать помещика Жилина. Погребена в трапезной Успенской церкви Успенского монастыря в 1771 г.

^{xxxiv} Жилиной и Опочининой. Место их перезахоронения точно установить не удалось. Это могло быть как место обнаружения, т. е. те же могилы, так и место с южной стороны Казанского храма монастыря, где ныне покоятся архиереи и несколько насельников.

^{xxxv} Одноэтажное здание, незаконно построенное на территории монастыря. Представляло собой металлический павильон, обложенный кирпичом. Было передано по договорённости с областным управлением внутренних дел в ведение Орловской епархии. Затем оно некоторое время служило келейным корпусом монастыря, где жили первые насельники и трудники. Сохранилось до настоящего времени, используется как корпус для трудников.

^{xxxvi} Суровцев Владимир Алексеевич (род. в 1946 г.) – полковник внутренней службы, занимал различные должности в уголовно-исполнительной системе Орловской области, а в 1990-е гг. был начальником областного УФСИН.

^{xxxvii} Троицкий собор – храм Архиерейского дома Орловско-Севской епархии. Заложен епископом Поликарпом (Радкевичем) в 1860 г. Строительство нового храма было вызвано отсутствием в Орле вместительного кафедрального собора. Проект был создан архитектором Н. Ефимовым. На строительство потребовалось почти двадцать лет: храм во имя Живоначальной Троицы был освящен лишь в 1879 г. епископом Ювеналием (Карюковым). После 1917 г. собор был закрыт, а в начале 1930-х гг. взорван. К 1990-м гг. от него остались лишь апсиды и подвал под алтарной частью храма. В 1989–1990 гг. между Орловским облотделением ВООПИК и отделом по исправительным делам областного УВД была достигнута договорённость, согласно которой ОИД УВД за свои средства должен был провести реставрационные работы на Троицком соборе, а затем использовать это сооружение, внешне похожее на храм, под свои нужды. Результаты реставрации запечатлены на фотографиях начала 2000-х гг., которые хранятся в фондах Орловского краеведческого музея. Данное строение так и не было использовано ни как хозяйственная постройка, ни как храм (по свидетельству очевидцев, из-за трещины в фундаменте). Оно было разобрано после 2002 г. В настоящее время на территории монастыря снова находятся лишь апсиды собора с подклетом, используемым под хозяйственные нужды братии.

^{xxxviii} Уже упомянутое Орловское церковное историко-археологическое общество.

^{xxxix} Имеется в виду трудник Константин Головков.

^{xi} Протоиерей Георгий Леонтьев (род. в 1948 г.) – в 1990-е гг. благочинный 1-го Орловского округа, настоятель Троицкого храма г. Орла. Рукоположен в пресвитеры в 1987 г. архиепископом Орловским и Брянским Глебом.

^{xli} Церковь во имя святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна на Крестительском кладбище г. Орла. Заложена в 1774 г., освящена в 1777 г. В 1938 г. храм был закрыт, в период Великой Отечественной войны ненадолго открыт, затем вновь закрыт до начала 1960-х гг. В настоящее время действующий храм.

^{xlii} Комов Алексей Валерьевич (род. в 1970 г.) – ныне протоиерей Орловско-Болховской митрополии, художник, член Союза художников России. Участвовал в деятельности Братства Успения Пресвятой Богородицы. Рукоположен в диаконы в 1993 г., служил в Троицком храме Успенского монастыря. В 1995 г. состоялась хиротония в иерея. В настоящее время служит в Троицком Рождества Богородицы Оптином женском монастыре г. Болхова.

^{xliii} Здесь упомянута поездка иерея Сергия Крюкова, В.А. Ливцова и А.В. Комова к «все-российскому старцу» архимандриту Иоанну Крестьянкину (1910–2006 гг.) за благословением и советом в деле возрождения Успенского монастыря.

^{xliv} Преподобномученик Корнилий Псково-Печерский (1501–1570 гг.) – игумен Псково-Печерского Успенского монастыря в 1529–1570 гг. В контексте повествования «Дневника» упоминание о нём подчёркивает неслучайность того, что рукоположение Константина Головкова в диаконы состоялось в день памяти преподобномученика Корнилия, ведь именно имя Корнилий немного позднее будет дано ему в постриге.

^{xlv} Рожновская Людмила Фёдоровна (род. в 1948 г.) – в монашестве мать Олимпиада. Активная участница возрождения Введенского женского монастыря, первоначально председатель приходской общины. В июле 1995 г. по решению Священного Синода РПЦ назначена настоятельницей вновь открытой обители. В 2000 г. возведена в сан игуменьи.

^{xlvi} Схиигумен Илий (Ноздрин Алексей Афанасьевич, род. в 1932 г.) – уроженец Орловской области, схииархимандрит. Выпускник Ленинградской духовной академии. В 1966 г. пострижен в монашество, позднее принял священный сан. В разные годы был насельником Псково-Печерского Успенского монастыря, Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. С конца 1980-х гг. – духовник возрождающейся Оптиной пустыни, здесь же принял постриг в великую схиму. С 2009 г. – духовник Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

^{xlvii} Надвратный храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери Свято-Введенского (Христорождественского) женского монастыря г. Орла.

^{xlviii} Скоробогатов Михаил Борисович (1945–2021 гг.) – архитектор-реставратор. По его проектам в 1980–2000 гг. возведено и отреставрировано более 50 культовых сооружений Орловской митрополии, возведены Успенский и Казанский храмы возрожденного Успенского мужского монастыря.

^{xlix} Отец Кронид – монах, некоторое время был насельником Успенского монастыря. Впоследствии оставил монашескую жизнь.

ⁱ С отцом Сергием Крюковым.

ⁱⁱ Резиденции архиерея.

ⁱⁱⁱ Кудинов Юрий Аркадьевич – кузнец-реставратор.

ⁱⁱⁱⁱ Т. е. накануне последнего дня празднования Святой Троицы, иначе – Пятидесятницы.

^{liv} Вероятно, подразумевается, что перезахоронение было после 21-го часа.

^{lv} Останки орловских архипастырей были перезахоронены близ храма во имя Казанской иконы Божией Матери Успенского монастыря, с правой (южной) стороны.

^{lvi} Отец Константин Головков.

^{lvii} Трудник.

^{lviii} Студент исторического факультета ОГПИ.

^{lix} Студент исторического факультета ОГПИ.

^{lx} Лепилин Алексей Владимирович (род. в 1978 г.) – в период написания «Дневника» студент исторического факультета ОГПИ. Ныне кандидат исторических наук, автор научных публикаций по истории Орловского края, заместитель начальника Управления проектов развития территорий Департамента по проектам развития территорий Орловской области.

^{lxi} Полушка – российская монета самого мелкого номинала.

^{lxii} Архимандрит Евфимий (втор. четв. XVII в. – 1720-е гг.) – строитель трёх Орловских монастырей: Богоявленского, Успенского, Введенского. В 1686 г. архиепископом Коломенским и Каширским Никитой (Тотемским) возведён в сан игумена. Инициатор каменного строительства храмов в г. Орле, в частности сохранившегося до наших дней Богоявленского храма, который некоторое время был монастырским. В 1676 г. строитель Евфимий основывает на Ввозной горе Успенскую пустынь и после пожара 1673 г. инициирует создание на месте пустыни Успенского монастыря в 1680-е гг. В новой обители игумен Евфимий продолжил активное каменное строительство, благодаря чему в нач. XVIII в. формируется обширный комплекс построек Успенского мужского монастыря. Известно, что параллельно с управлением мужским монастырём Евфимий занимался устройством женской обители в городе Орле, которая была основана указом архиепископа Никиты II в 1685 г. В 1710 г. возведён в сан архимандрита.

^{lxiii} Имеется в виду женский монастырь в г. Орле.

^{lxiv} Подвал находился под павильоном, о котором сказано выше.

^{lxvi} Благотворитель.